

В.Г. Тур

Православные монастыри КРЫМА

В.Г. Тур

**ПРАВОСЛАВНЫЕ
МОНАСТЫРИ КРЫМА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Киев
Издательский дом «Стилос»
2006

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)4-6+86.372

Т 86

Рекомендовано к изданию ученым советом
Крымского отделения Института востоковедения
им. А.С. Крымского НАН Украины

Рецензенты: **И.А. Баранов**, доктор исторических наук,
В.И. Королев, доктор исторических наук,
А.Г. Герцен, кандидат исторических наук

Тур В.Г.

Т 86

Православные монастыри Крыма в XIX – начале
XX вв. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: ИД «Стилос»,
2006. – 248 с.

ISBN 966-8518-47-0

Книга посвящена истории православных монастырей
Крыма и охватывает широкие временные рамки VIII – начала
XX вв. Основное внимание уделяется периоду возрождения
обителей по инициативе архиепископа Иннокентия во второй
половине XIX в. Одновременно рассматриваются проблемы
утверждения христианской церкви на полуострове. В работе
использованы материалы Государственного архива Автоном-
ной Республики Крым, научная и церковно-историческая
литература XIX–XX вв.

Для историков, краеведов и всех, интересующихся
историей Крыма и христианской церкви.

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)4-6+86.372

© В.Г. Тур, 1998

© Издательский дом «Стилос»,
издание, 2005

ISBN 966-8518-47-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В становлении и развитии культуры народов Восточной Европы на протяжении веков существенную, а иногда и определяющую роль играла религия. Различные верования сменяли друг друга и со временем либо исчезали навечно, либо сохранялись в малочисленных этнических группах. Иная судьба у христианства. Церковные институты, начиная с раннего средневековья, существенно влияли не только на культурное развитие, но и на социальные, политические процессы. В истории церкви особая роль принадлежит монастырям, где иноки, в силу первоначальной идеи самоотреченного служения Богу, наиболее ревностно относились к следованию христианским догматам и соблюдению основанных на них уставов.

Крым не являлся исключением. Проникнув на полуостров из Малой Азии не ранее рубежа III–IV вв., христианство преобладало в среде оседлых жителей средневекового Крыма почти полторы тысячи лет. На определенном историческом этапе полуостров сыграл роль связующего звена между Византией, православным христианским миром и Киевской Русью. Здесь, в этнической среде восточных славян, православие, имеющее греко-византийские корни, более тысячелетия являлось доминирующей религией. Оно последовательно формировало духовную культуру, через церковные институты влияло на внутреннюю и внешнюю политику крупнейшего древнерусского, а в последующем – Московского, Украинского и, наконец, единого Российского государства.

Тем не менее, к XVII – началу XVIII вв. на самом полуострове христианство оказалось практически полностью вытеснено исламом. Только век спустя уже православная церковь вновь возвратила утраченное влияние на население Крыма, включенного в состав Российской империи.

Если истории средневекового иночества Таврики* в научной литературе уделялось определенное внимание, то жизнь крымских православных обитателей XVIII – начала XX вв., за небольшим исключением, оказалась предана забвению. Фактически история православных монастырей, несмотря на ее важное значение для понимания и оценки культурных, этнических, социальных и политических процессов, по-прежнему остается «белым пятном» в науке.

Интерес к истории христианской церкви в Крыму возрос только в последние годы. Это связано с отказом от целенаправленной атеистической пропаганды, восстановлением православных церквей и монастырей, а также с недавним празднованием верующими 2000-летия рождения Иисуса Христа. К сожалению, информационный вакуум в данной области знаний слабо удовлетворяется публикацией брошюр, копирующих дореволюционные издания, и отдельными статьями в периодической печати. Еще хуже, в силу его специфического положения в структуре церкви, обстоит дело с проблемами освещения истории православного монашества. Даже при изучении средневекового периода акцент делался на исследования в области археологии и архитектуры. Оценка роли монашества как носителя культуры, влиятельного института в сфере политики и социального развития и по сей день остается в тени. Вследствие своего географического положения Крымский полуостров с древних времен имеет важное политическое значение, поэтому, во многом опираясь на историю христианской церкви и в частности православного иночества в Крыму, мы можем проанализировать и оценить различные политические события, имеющие непосредственное отношение к истории Юга Украины и России.

---

* Под «Таврикой» подразумевается Горный, Южнобережный и Юго-Восточный Крым.

Ценность изучения истории православной церкви и монастырей прежде всего состоит в том, что как в Византии, так и в Киевской Руси, а впоследствии – в Российской империи, христианство являлось государственной религией, а следовательно, концентрировало в себе и государственную идеологию, проявлявшуюся как во внутренней, так и во внешней деятельности. Кроме того, важное значение имеет оценка роли монастырей в структуре экономики и законодательства, особенностей их правового положения в империи и сложившегося церковного права.

Большинство материалов, прямо или косвенно связанных с историей крымских православных обителей, сосредоточено в фондах Государственного архива Автономной Республики Крым (см. Список использованных источников и литературы, 42–97). В первую очередь это документы Таврической духовной консистории (ф. 118), благочинного монастырей Таврической епархии (ф. 138), Балаклавского Георгиевского, Бахчисарайского, Козьмо-Дамиановского и Херсонесского монастырей (ф. 121, 122, 443, 513). Отдельные документы, касающиеся православных обителей, имеются в делах Таврического епархиального ревизионного комитета (ф. 139), указах Таврической духовной консистории, Симферопольского управления Таврической епархии (ф. 135) и ряде других учреждений. В основном это отчеты о финансово-хозяйственной деятельности, акты ревизий, циркуляры и предписания вышестоящих церковных и правительственных учреждений, документы землепользования, а также официальная переписка, касающаяся внутренних расследований случаев нарушений уставов и нравственности. Материалы, связанные с последними днями существования и ликвидацией православных обителей в советский период, сосредоточены в фонде Р-663.

Большое значение, особенно для изучения ранней истории монашества, имеют опубликованные до революции либо в последние годы древние иноческие уставы¹, записки средневековых путешественников², архивные документы³, а также государственные и церковные юридические акты⁴.

Вторую группу источников составляют публикации священнослужителей и историков русской православной церкви

XIX – начала XX вв.⁵ В их числе – обширные труды епископа Гермогена⁶, протоиереев А. Лебединцева⁷ и Г. Руднева⁸, посвященные в целом истории христианства в Крыму. В ряде церковных публикаций приводятся описания также отдельных монастырей⁹. В них наряду с объективной исторической информацией фигурируют церковная интерпретация событий и легенды.

Светские источники дореволюционного периода представлены путеводителями и научными трудами. В этот период к истории таврических монастырей обращались краеведы, историки, археологи. В большинстве случаев описания монастырей содержались в путеводителях по Крыму¹⁰, но и они тяготели к пересказу сведений, взятых из церковной литературы, дополненных описанием архитектуры и некоторых событий текущей жизни обитателей. Особый интерес представляют труды по истории Крыма П.И. Кеппена¹¹, В.Х. Кондараки¹², Е.Л. Маркова¹³.

В числе научных трудов указанного периода особо следует отметить ценную работу Ф. Хартахая¹⁴, попытавшегося на основе имевшихся к его времени данных изложить историю христианства на полуострове. Исключительно интересны работы художника Д.М. Струкова¹⁵, непосредственно изучавшего древние памятники христианства в Крыму и участвовавшего в реконструкции монастырей. Сугубо научны и обоснованны исследования в области истории христианской церкви А.А. Васильева¹⁶, В.Г. Васильевского¹⁷, Ю. Кулаковского¹⁸, А.Л. Бертъе-Делагарда¹⁹.

В советский период изучение истории православного иночества рассматривалось как неактуальное и по сути было приостановлено. Исследователи, как мы отмечали, в лучшем случае касались церковных памятников средневекового периода. Им уделяли внимание Е.В. Веймарн²⁰, А.Л. Якобсон²¹, О.И. Домбровский²², В.Л. Мыц²³ и другие исследователи, работы которых были посвящены преимущественно анализу результатов археологических исследований.

Продолжая изучение проблем истории в постсоветский период, средневековым монастырям прямо или косвенно посвятили свои работы В.Н. Даниленко²⁴, А.Г. Герцен²⁵, В.Ф. Филиппенко²⁶ и Ю.М. Могаричев²⁷. Исключение составляет работа

группы исследователей Херсонесского музея – «Крым христианский». В ней впервые, используя метод комплексного исследования источников, делается попытка осветить в динамике историю христианской церкви в Крыму с древнейших времен до начала XX в. В указанном труде должное место отведено и православным монастырям полуострова²⁸. К истории Таврической епархии, в том числе и монастырей XIX – начала XX вв., обращается в своей монографии Ю.А. Катунин²⁹. Тем не менее, и в этих научных публикациях монастырям уделяется недостаточное внимание, что, впрочем, вполне оправдано широтой тематики, охватывающей историю христианской церкви на полуострове в целом.

Возможно, мы разочаруем отдельных читателей, надеющихся прочесть церковную историю монашества в Крыму. Данная работа – это сугубо научное исследование, и нашей основной целью являются анализ причин и освещение условий возрождения православных монастырей на территории Крыма во второй половине XIX в., роли и значения российского иночества в сфере политики и идеологии, его социального, правового и экономического положения в империи.

Учитывая, что при возрождении в XIX в. православных монастырей в Крыму церковными авторитетами подчеркивалась преемственность от византийского иночества, мифологическое обоснование святости мест и даже выбор формы пустынножительства, а также в связи с наличием ряда неразрешенных вопросов в данной области, работа охватывает широкие хронологические рамки. Это позволяет, опираясь на результаты исследований истории монашества средневековой Таврики, провести параллели и понять многие специфические особенности возрождения и функционирования православных монастырей Крыма во второй половине XIX – начале XX вв. Достичь указанной цели оказалось возможным при условии:

- изучения причин возникновения и расширения влияния православных монастырей на территории Крыма в VIII–XIV вв.;
- проведения анализа исторических событий, явившихся причиной угасания и ликвидации обителей в XIV – начале XIX вв.;

– освещения социально-политических предпосылок возрождения монастырей в середине XIX в. и условий их дальнейшего функционирования до 20-х гг. XX в.;

– характеристики основных положений церковного права в части, касающейся православных обителей и их положения в правовом поле Российской империи на примере монастырей Крыма.

Анализ исторических процессов позволяет выделить три основных периода в истории православного иночества полуострова:

1) византийский, охватывающий VIII–XV вв., связанный со становлением и расширением влияния монастырей;

2) греко-православный (XV – начало XVIII вв.), совпадающий с татаро-турецким владычеством в Крыму и с падением влияния христианства, завершившийся ликвидацией православных обителей;

3) российский (синодальный) период (середины XIX – начало XX вв.), связанный с возрождением православного иночества, но уже под управлением российского Святейшего Синода.

Византийский и греко-православный периоды рассматриваются в данной работе обзорно, как связующее звено и необходимое условие для понимания проблем истории православных монастырей российского периода, являющегося основным объектом исследования.

Мы надеемся, что эта книга, второе издание которой выходит в свет, позволит восполнить пробел в изучении истории Крымского полуострова, окажется интересной и полезной для исследователей и всех тех, кто искренне побит свое Отечество. Крым, где часто сменялись государства и правители, навсегда остался очагом православия для народов, вышедших из лона Киевской Руси. Архиепископ Иннокентий еще в конце XIX в. писал: «...это древнее и родовое достояние наше, это наследие еще святого Владимира. Здесь купель нашего крещения; здесь начало нашей священной истории и народных преданий»³⁰.

ГЛАВА I

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНАСТЫРИ ТАВРИКИ

1. Византийский период иночества

При рассмотрении вопроса о возникновении первых христианских монастырей в Крыму мы сталкиваемся с малоизученными проблемами распространения вероучения на полуострове.

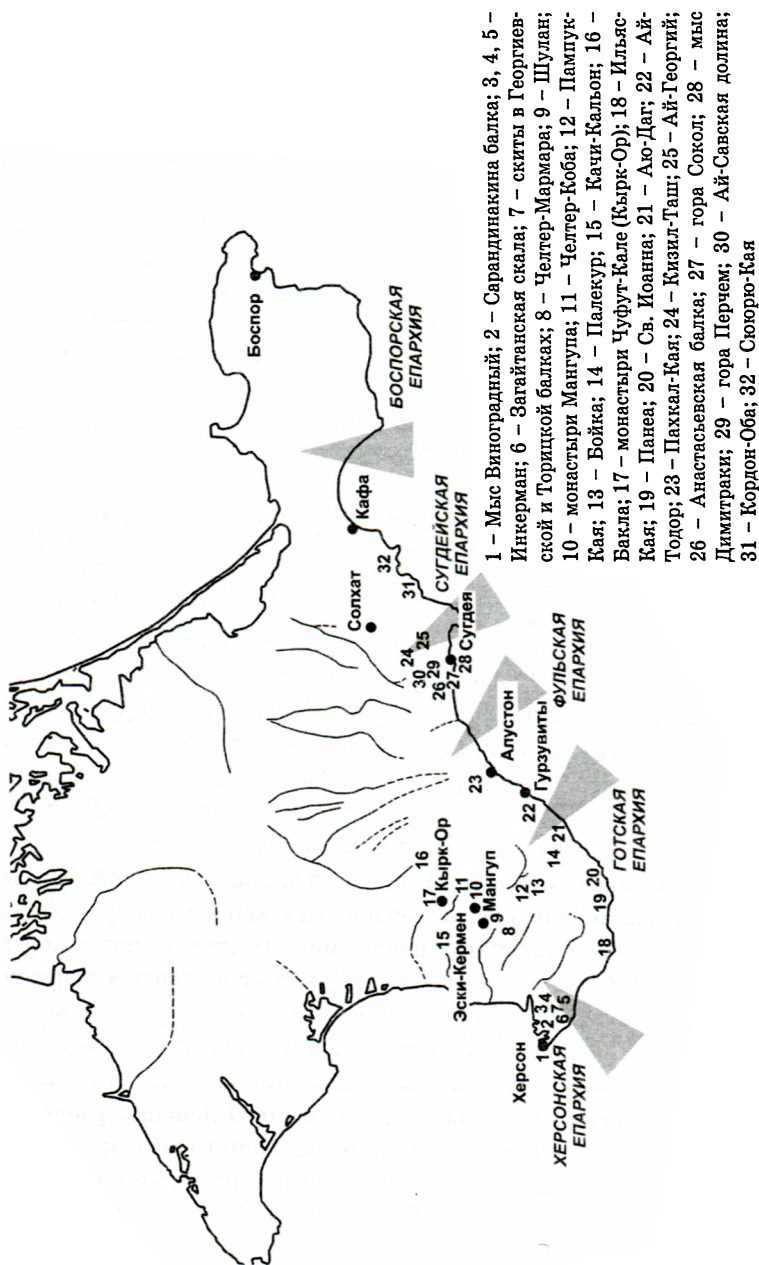
Историки православной церкви и ряд светских авторов конца XIX – начала XX вв.¹, опираясь на труды Епифания (ум. в 403 г.)² и «Жития епископов херсонесских» (VII в.)³, связывают распространение христианства в Таврике с проповеднической деятельностью апостола Андрея Первозванного и римского папы Климента, то есть не позднее I в. Не исключая появления среди части населения Крыма и, в первую очередь, его крупнейших центров – Боспора и Херсонеса – идей единобожия, почитания Бога Высочайшего и ожидания Мессии⁴, все же нет оснований говорить о широком распространении христианства в первых веках. Во-первых, само христианство как самостоятельное вероучение выделилось из иудаизма не ранее II в., а во-вторых, стержень религии – Символ Веры – сформировался только в IV в. – на I Никейском (325 г.) и II Константинопольском (381 г.) Вселенских соборах. Повествования о гонениях в начале IV в. на упомянутых в «Житии» проповедников посланцев Иерусалимского патриарха – Василия, Ефрема, Евгения, Елпидия, Агафодора и Еферия⁵ лишний раз свидетельствуют о преобладании архаичных и политеистических религий в Таврике во время правления императора Диоклетиана.

Только проповедь епископа Капитона в 325 г.⁶ могла иметь некоторый реальный успех в деле распространения христианства. Этому способствовала официальная позиция византийского императора Константина и опора епископа на прибывший с ним воинский отряд во главе с Феоной. Тем не менее, возникновение христианских общин на полуострове мы, вероятно, можем отнести ко времени не ранее конца IV в. Причем распространение новой религии шло более интенсивно на Боспоре⁷ и значительно медленнее в Юго-Западном и Западном Крыму⁸.

Следует упомянуть, что среди участников II Вселенского собора (381 г.) уже значится херсонесский архиепископ Эвфений⁹, известны имена херсонесских епископов Лонгина и Стефана, поставивших подписи под решениями церковных соборов соответственно в 448 и 535 гг.¹⁰ В целом, по приведенным Д. Струковым данным, до начала VI в. в Таврике известно не менее 20 епископов¹¹. Однако, по мнению В.М. Зубаря, проанализировавшего материалы археологических исследований, широкая христианизация Таврики началась только в VI–VII вв.¹² Этому способствовала активная политика императоров Византии. В Херсонесе строятся первые храмы, канонизируются херсонесские священномученики. Археологами обнаружены склепы и погребения с христианской символикой, относящиеся к данному периоду. Тем не менее, язычество сохраняло сильные позиции вплоть до VIII в., с одной стороны, из-за консервативности части жителей Таврики – далекой периферии империи, с другой – благодаря влиянию кочевых племен раннего средневековья.

История христианской церкви начиная с IV в. плотно увязана с монашеством как особой формой аскетизма в среде верующих. Практика пустынножительства, отречения от мирских благ и посвящения себя служению Богу была распространена в Средиземноморском бассейне задолго до возникновения христианства. Подобные идеи обособления в различных формах встречаются в буддизме, ряде египетских и древнегреческих культов. Аскетические еврейские секты ессеев и терапевтов, придерживавшиеся аналогичного образа жизни, вероятно, были очень близки раннехристианским¹³. Учение Иисуса с самого

ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ МОНАСТЫРИ VIII—XV ВВ.

начала противопоставлялось греко-римской морали и нравственности общества, как представлялось в провинциях, погрязшей в распутстве, богатстве, невоздержанности и лжи. Это обстоятельство подталкивало наиболее ревностных христиан к разграничению мирской, плотской жизни, сопоставлявшейся с «царством греха», и жизни «по духу». Способствовали развитию христианского отшельничества типа исихазма* идеи гностиков и дуалистических учений, аналогичных манихейству**¹⁴. Последние характеризовали все материальное как порождение зла, Сатаны. Спасение через Христа рассматривалось как освобождение божественного духа, заключенного в теле каждого. Поэтому высшей целью являлось обуздание плоти, отречение от злого начала, воссоединение с первоисточником духа – Богом, Светом¹⁵.

Несмотря на отторжение дуалистических учений христианской церковью, идеи аскетизма все же сохранились в отшельничестве. Стремление к отказу от мира одновременно представлялось как подражание уединению самого Иисуса в пустыне, где он, согласно Евангелию, устоял перед искушениями Сатаны (Мф. 4:2–11).

Еще одной важной причиной возникновения монашества были изменения в самой христианской церкви. В III и IV вв. она «идет навстречу миру»¹⁶. Во-первых, это отразилось на изменениях в церковном управлении и уподоблении его государственной структуре. Возникла строгая иерархия клира***, решения

---

* Исихазм – молчание. Это особая форма созерцания Божественной сущности, Божественных энергий и Божественного Света, которая достигается в состоянии озарения через практику молчаливой медитации. Данная форма отшельничества известна на ранней стадии формирования христианского учения.

** Манихейство – одно из еретических учений раннего христианства, возникшее в III в. и представлявшее собой слияние христианства с элементами зороастризма и иных древневосточных религий. Сам основатель учения, пресвитер Манес (Мани), был казнен в Персии в 276 г. В различных аскетических течениях VII–X вв. (павликиан, богомилов, альбигойцев и т.п.), воспринявших элементы дуалистического учения, отвергался Ветхий Завет, многие таинства и учение о Богородице.

*** Клер – духовенство (греч.). В широком смысле слова – состав духовных лиц, посвященных на служение по правилам христианской церкви.

соборов получили силу законов, складывались нерушимые нормы церковной жизни. Влияние епископата* в некоторых регионах было столь велико, что представляло проблемы даже для государственной власти. Например, император Деций говорил: «Я предпочел бы терпеть в Риме второго императора, чем христианского епископа»¹⁷. Во-вторых, в области культа церковь во многом восприняла элементы предшествующих религиозных традиций. Вместо прежнего «непосредственного» духовного общения с Богом возникает величественный, многословный ритуал богослужения, переполненный символами и риторикой. Вводится культ поклонения многочисленным апостолам, мученикам и святым. Приобретают значение различные амулеты, реликвии, заклинания. В-третьих, в повседневной жизни ранее замкнутых и независимых общин, ориентированных на беззаветное служение Богу, личное спасение, осознание бытия как временного, погрязшего в грехе пристанища, произошли изменения. Христиане, священники и даже епископы начали занимать государственные должности. Христианин перестал быть образцом нравственности, равенство «христианин – святой» потеряло смысл. В результате желающие достичь святости, духовной чистоты, стремящиеся к искреннему служению Богу, должны были оставлять не только мир, но и мирскую церковь, уходить в необитаемые районы, чтобы очистить и уберечь себя от соблазнов¹⁸.

Историки церкви связывают возникновение монашества с подвижнической деятельностью святых Антония и Пахомия Великих¹⁹. В итоге уже в IV в. в районах Верхнего Египта, Сирии и Палестины складываются две разновидности монашества: отшельническое и общежительное. Отшельничество было направлено на отрыв от внешнего мира, аскетическую жизнь и полное посвящение себя служению Богу. Общежительное монашество, возникшее по инициативе Пахомия, заключалось

---

* Епископ – буквально переводится как надзиратель (греч.). В христианской церкви третья, высшая степень церковной иерархии, совмещающая в себе всю полноту апостольской власти. Первоначально епископы избирались мирянами или клиром при участии лучших граждан. С XII в. – избирались на соборах епископов.

в объединении монашествующих в общину с выборным аввой (отцом), выработке и безропотном выполнении монастырского устава, регламентирующего быт, поведение и порядок богослужения в общинах, и коллективном труде. Такая структура и комплекс правил способствовали строгому выполнению иноческих обетов и в целом обеспечивали жизнедеятельность монашествующих. Целью подобных объединений являлось создание оптимальных условий для самосовершенствования, отказа от мирской роскоши и обеспечения возможности наиболее полного служения божеству под руководством опытного наставника.

Монахи поселялись в кельях по 1–3 человека в каждой. Несколько таких келий составляли лавру с общим местом для трапезы и собраний. В отдельных случаях монахи жили в едином помещении. Хозяйственные работы распределялись сообразно силам и способностям каждого и заключались в обработке земли, а позднее – и в ремесле. Излишки производства предназначались для раздачи неимущим. Одежда монахов состояла из коловия (или левитона), то есть длинной льняной или шерстяной рубахи, акалава – шерстяной повязки под мышками, кожаного пояса и милоти – верхней накидки из козьей или овечьей шкуры. Обязательной была купуля – шапочка конической формы и шафария – покров на шапочку типа капюшона или башлыка. Милоти и пояс разрешалось снимать только по субботам и воскресеньям, а также для совершения евхаристии. Монахи дважды в день сходились для совместной трапезы и молитвы, при этом они надевали капюшон так, чтобы не видеть соседей. Запрещалось приближаться друг к другу ближе, чем на локоть; спать они обязаны были в отдельных тесных, запертых помещениях. Связи с окружающим миром были максимально ограничены, а родственные контакты считались грехом. Скудная пища аскетов состояла из хлеба, воды, зелени или бобов, иногда приправленных солью или оливковым маслом. Во время трапезы читалась Библия или иные произведения религиозно-назидательного содержания. Ряд предписаний монашеского устава предостерегал монахов от насмешек, празднословия, лжи и обмана. За нарушение устава предусматривались суровые наказания. Например, по уставу Пахомия, за воровство, бегство и ссоры виновные подлежали телесным наказаниям. Наличие

таких жестких санкций уже говорит о том, что даже на первоначальной стадии мир аскетов не был столь идеален, как его часто представляют. Впрочем, в дальнейшем такие виды наказаний из уставов были исключены. Вступлению в монастырь предшествовал трехлетний испытательный срок в качестве послушника²⁰.

Существовал и другой тип киновитного общежития, когда несколько мелких монастырей объединялись вокруг главного. Во главе каждой киновии стоял выборный игумен, который, в свою очередь, подчинялся настоятелю главного монастыря – киновиарху. Впоследствии глава нескольких монастырей и киновий стал называться архимандритом. Такого типа монастыри впервые возникают в Табенне. Заведование доходами и расходами в монастыре возлагалось на эконома. Позднее возникает ряд монашеских чинов, осуществлявших надзор за поведением монахов, заведовавших церковью и богослужением, помогавших эконому в вопросах хозяйства и пр. На все должности лица из числа братии назначались игуменом²¹.

Первоначально монашество и церковная иерархия имели самостоятельные структуры. Иноки не получали священнослужительных чинов и для совершения литургии* приглашали священников. Впоследствии их стали назначать из числа монашествующих для богослужения исключительно внутри обителей. В итоге сложился обычай возводить грамотных монахов по выслуге лет в иеродиаконы и иеромонахи**.

Императорская власть первоначально относилась к монашеству враждебно, расценивая его как резерв политической оппозиции. Например, по приказу императора Валента (364–378) иноки изгонялись из городов и принудительно направлялись на военную службу²². Аналогичную политику первоначально проводил и император Феодосий I (379–395). Только

---

* Литургия – христианское богослужение, выражающее главные идеи христианского мирозерцания и главные цели христианской церкви. Центральным моментом литургии является совершение евхаристии, возношение даров.

** Иеромонах – священник-монах, назначавшийся только для монастырей. Иеродиакон – монах с саном диакона, первой низшей ступени священства.

после победы никейцев в борьбе с арианами* при поддержке Феодосия и издания эдикта об обязательном христианском вероисповедании подданных был отменен и эдикт в отношении монашества, которое по-прежнему представляло серьезную политическую силу²³. Но причислены к клиру и подчинены епархиальным архиереям монахи были только решением Вселенского собора 451 г.²⁴

По сведениям историков церкви, в IV–V вв. число монашествующих в долине Нила, в Сирии, Палестине, Армении и Италии достигало десятков тысяч человек. Устав Пахомия лег в основу поздних монастырских типиков**. В частности, на Востоке его сменил устав Василия Великого, который сохранил большинство статей устава Пахомия, но несколько их смягчил²⁵. Все последующие наиболее известные уставы – Саввы Освещенного, Феодора Студита и Афонский – в целом повторяли уставы Пахомия и Василия²⁶.

Однако киновитная форма устройства монастырей удовлетворяла не всех. Поэтому, наряду с общежительным монашеством, сохранялось и отшельничество. Со временем возникали новые крайние формы аскетизма: затворничество, молчаличество, столпничество и др.

С другой стороны, по мере распространения монашества в центрах средиземноморских цивилизаций, его активного вмешательства в политическую жизнь империи, постепенно искажались и традиционные формы киновитного общежития. Стали

---

* Ариане (сторонники учения александрийского священника Ария) – не признавали догмат о единой сущности Бога-Отца и Бога-Сына. С их точки зрения, Бог-Сын был творением Бога-Отца, а следовательно, стоящим ниже. В 325 г. I Никейский собор осудил учение Ария и установил иное понимание догмата: Бог определялся как единство трех его ипостасей, где Сын, вечно рождающийся от Отца, единосущен Отцу, есть истинный Бог. На Соборе было дано определение божественности Иисуса. Учение Ария имело массу последователей и поддерживалось императорами Констанцием и Валентом. Повторно арианство осуждено и предано проклятию как ересь в 381 г. на II Константинопольском соборе.

** Типикон (Типик) – Устав, церковно-богослужебная книга, содержащая в себе систематическое указание порядка и образа совершения церковных служб.

возникать так называемые обожитные монастыри, где каждый, живя в особой келье, сохранял права частной собственности и устраивал быт по собственному усмотрению, нередко наполняя кельи предметами роскоши. Возникали частные монастыри на землях и под покровительством светских лиц. Появилась практика заточения в обители и насильственного пострижения в монахи лиц, неугодных византийскому императору²⁷ или совершивших нравственные преступления²⁸. Светская власть стала активно вмешиваться в церковные вопросы, жизнь и деятельность монастырей. Одновременно и священнослужители втягивались в вопросы политики, используя свой авторитет среди верующих. Монашество на разных этапах истории активно поддерживало императорскую власть либо стояло в оппозиции. Но при этом идеи и цели иночества оставались неприкосновенными²⁹.

В V в., благодаря крупным пожертвованиям светских благотворителей, в восточных провинциях и в самой Византии число монастырей резко возросло. Законы императора Юстиниана I обеспечивали права и преимущества монашества в социальной и экономической сферах³⁰. Например, имущество виновных в прелюбодеянии могло передаваться в пользу обителей. Запрещалось отчуждать церковное и монастырское имущество, церковь выступала наследницей любого лица при наличии завещания, независимо от претензий родственников. Это имело особое значение для монастырей³¹. Впоследствии было упразднен даже запрет императора Маврикия ухода в монастырь должностных лиц и воинов, не отслуживших срока³². В указанный период расширяется практика перехода в монашеское сословие представителей различных слоев населения, далеко не всегда руководствовавшихся соображениями веры, а больше привлеченных социальными и экономическими льготами. Это сказалось на дисциплине и привело к ослаблению религиозно-нравственного значения монастырей³³. Ряд соборов VI в. вынужден был принять специальные решения по обузданию самовольства бродячих монахов³⁴, а император Юстиниан подчинил монашествующих суду епископов³⁵. К VI–VII вв. монастыри уже пережили свой подвижнический и героический период личного

почина и самоуправления. Их деятельность все плотнее увязывалась с церковной иерархией и светской властью.

Завоевание арабами Египта и Палестины в VII в. привело к сокращению христианских монастырей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Многие из них были разорены, а строительство новых запрещалось халифом Омаром I³⁶. В результате центр монашеского движения перемещается в сокращающиеся пределы Византийской империи, где многочисленные обители строятся вокруг крупных городов, и число братии резко возрастает. В это же время впервые выдвигается Афон. Росту монастырской собственности способствовало покровительство императорской власти. Организация новых монастырей сопровождалась наделением их землей, а иногда и селами, выделением денежных средств. Монастыри получали в дар различные предприятия, например соляные промыслы, и статьи доходов: винные сборы, пошлины и пр.³⁷

При столь широком распространении монашества в Византии и его возрастающей политической роли Таврика не могла оказаться за пределами внимания братии. Активная внешнеполитическая деятельность, укрепление империей своих позиций в Северном Причерноморье вполне сочетались с распространением христианства. Свидетельством тому является расширение численности общины верующих, например, в Херсонесе³⁸. Монашество, отличавшееся религиозным рвением, должно было использоваться в проповеднических целях на далеких окраинах. Жизнь подвижников церкви на границе языческого мира была не столь привлекательна, как под защитой императорского двора, и требовала действительно религиозно-нравственного подвига. Поэтому в VI–VII вв. в Таврике могли оказаться в основном убежденные, вероятно, фанатично настроенные и ведущие аскетический образ жизни проповедники из числа иноков, менее всего связанных с местной светской властью.

С нашей точки зрения, если монастыри двух вышеуказанных типов и имели место в Крыму, то их обитатели должны были отличаться воздержанием от мирских благ и аскезой. Тогда вполне оправдано, что при столь скромной жизни просто не могло сохраниться существенных материальных свидетельств, археологических материалов, подтверждающих нашу

версию. Наивно искать следы крупных киновий. Скорее всего, это могли быть бродячие монахи, ведущие одиночный образ жизни (анахореты), либо объединившиеся в одной келье по два-три инока (келиоты). Кроме того, даже известные нам скромные памятники церковной истории практически не подвергались систематическим археологическим исследованиям. Этим и объясняется тот факт, что сегодня практически невозможно выделить ни одного древнего монастыря или отдельной кельи, которые можно было бы с уверенностью датировать VI–VII вв.

Окончательная победа христианства в Таврике совпадает с иконоборческим периодом. Иконоборческое движение в Византийской империи к VII в. выделяется как самостоятельное мощное течение. К этому времени церковь еще не определила своего четкого канонического отношения к иконопочитанию, и византийская икона продолжала традиции античного изобразительного искусства. Использование и почитание икон воспринималось, вероятно, частью христиан как возврат к идолопоклонничеству. Бесспорно, в VI–VIII вв., в связи с перестройкой социальных отношений в обществе, изменились и представления людей. Христианство все глубже проникало в сознание и требовало разграничения с языческими традициями. Однако этот фактор не являлся основным в развитии иконоборчества, так как христианская церковь на протяжении всей своей истории вела гибкую политику овладения сознанием населения, приспособляясь к местным традициям, используя даже языческие праздники. По словам Августина, «христиане меньше чем кто бы то ни было, должны отвергать что-либо хорошее только потому, что оно принадлежит тому или другому, только Бог – создатель и владеец всего. Поэтому продолжать хорошие обычаи, практиковавшиеся у идолопоклонников, сохранять предметы культа и здания, которыми они пользовались, это, значит, отобрать у них то, что им не принадлежит, вернуть истинному владельцу, Богу, посвящая ему непосредственно в его культе и косвенно в культе святых»³⁹. Поэтому зарождение иконоборчества и его борьбу с «языческими» проявлениями в христианстве можно расценивать лишь как предлог для размежевания поляризовавшихся социальных сил. Иконоборчество зародилось в первую очередь как протест против богатой

городской церкви с ее пышным культом, бесчисленным паразитирующим городским монашеством и античными традициями уклада жизни городского духовенства.

Одновременно с этим борьба с арабами в Малой Азии требовала от императорского двора значительных материальных средств. Поддержка же иконоборческого движения сулила получить их без особых усилий. При этом вооруженная борьба с арабами-мусульманами должна была сочетаться с распространением христианства среди иноверцев, для которых пышность культа и поклонение иконам представлялись слишком большим контрастом. В итоге с 726 г. иконоборчество становится государственной политикой⁴⁰. За счет изъятия части церковно-монастырских сокровищ и ликвидации некоторых податных льгот императору Льву III Исавру (717–741) удалось получить необходимые средства на выплату жалования стратиотам*, на строительство укреплений и флота, производство оружия. В результате была создана армия, способная противостоять арабам, которые и были разгромлены в 740 г.

Подрывая экономические основы старого городского духовенства и монашества, тесно связанных с городскими собственниками, Лев III в своей политике опирался не только на светскую верхушку и часть духовенства, но и искал опору в среде крестьянства, где начиная со второй половины VII в. получает распространение павликианство⁴¹, выросшее на раннехристианских идеалах и дуалистических учениях. То, что иконоборчество на раннем этапе смыкалось с павликианством, подтверждается тем фактом, что в VIII в. павликиане не преследовались властями⁴².

Политика Льва III встретила ожесточенное сопротивление иконопочитателей, поскольку подрывала могущество стоящих за ними сил. Во главе оппозиции становится монашество.

---

* Стратиоты – свободные крестьяне, обязанные нести военную службу. Они заносились в списки-каталоги и пользовались льготами в отношении налогов и повинностей. За ними закреплялись неотчуждаемые земельные участки, которые могли передаваться по наследству при условии продолжения несения службы. Таким образом, стратиоты становились профессиональными воинами. Стратиоты получали жалование, но за счет предоставления земли и льгот государством экономились средства на содержание армии.

Однако византийские монастыри VIII–IX вв. нельзя расценивать как общежития бездельников-иноков, существующих за счет ренты феодально зависимого крестьянства. В своем большинстве они являлись крупными и мелкими объединениями свободных тружеников, эксплуатируемых сросшейся со светской властью монастырской верхушкой. Игумены этих монастырей были бережливыми хозяевами, заботившимися о продаже хлеба, распределении вина, торговле шерстью и ремесленными изделиями⁴³.

Большинство монастырей строилось вокруг городов. Часто монастырские строения даже являлись собственностью богатых горожан. В самих городах монастыри являлись центрами ремесла, обслуживавшими не только потребности братии, но и рынок⁴⁴. Обитатели играли существенную роль в организации торговли и в целом экономики страны⁴⁵.

К VIII в. число монастырей в Византии достигает небывалых размеров. В начале иконоборческого периода число монахов, по предположению А.А. Васильева, достигало 100 тыс. человек. Количество обитателей катастрофически росло, что уже задевало светские государственные интересы. Массовый уход молодых здоровых людей в монахи отразился на пополнении живой силой армии, способствовал сокращению рабочих рук в производственной сфере. При этом следует учесть, что земельные угодья и иное имущество, отходившее к монастырям, не облагалось государственными налогами, что тоже наносило существенный ущерб казне. В моменты экономических кризисов монастыри становились прибежищем для лиц, желающих избавиться от государственных повинностей⁴⁶.

Однако социальные проблемы были не единственной причиной столь широкого распространения монашества. Добровольный отказ от мира, стремление к нравственной чистоте через пострижение требовали взвешенного решения, соответствующей степени религиозности. Коллективное ведение хозяйства

---

* Наряду с пострижением, в VIII–X вв. получает распространение практика ухода под покровительство монастырей отдельных мелких земельных собственников и общин земледельцев с целью избежать государственного налогообложения.

и жизни, строгое выполнение уставов и иноческих обетов, постоянное общение между верующими-единомышленниками укрепляли христианские идеалы в среде иноков, влияли на их мировоззрение, что приводило к развитию религиозного фанатизма. Кроме того, следует учесть, что на фоне сокращения светского образования и науки монастыри постепенно становятся единственными центрами просвещения. Тем не менее, несмотря на поддержку императорской властью иконоборцев, Константинополь по-прежнему оставался оплотом иконопочитания. Старая знать, часть клира и монастыри, придерживавшиеся сложившихся догматов, составляли серьезную оппозицию.

После иконоборческого Собора 754 г.⁴⁷, состоявшегося по инициативе преемника Льва III – императора Константина V Копронима (741–745), монашество выступает как лидер иконопочитания и ярый противник иконоборческой политики. Это явилось следствием того, что, во-первых, монастыри сохраняли определенную независимость от светской власти, во-вторых, сократился их доход от реализации икон и реликвий и, в-третьих, ими была осуществлена попытка выйти из-под контроля епископата, с которым монашество постоянно соперничало. Представился повод не подчиниться центральному церковному управлению из-за несогласия с решениями указанного Собора.

Успешные военные походы Константина V против арабов, возросший авторитет императора в войсках и среди населения позволили, наконец, принять более жесткие меры по отношению к оппозиционно настроенным иконопочитателям. Мятежные монастыри закрывались, превращались в казармы и мастерские, конфискованное имущество пополняло государственную казну, а непокорные монахи отправлялись в ссылку. В самой столице Константин стремился направить население против монахов, которых называл «мраконосителями», поощряя погромы обитателей и организуя публичные осмеяния иноков на ипподроме⁴⁸.

Перед лицом реальной опасности произошло разделение монашества. Искавшие выгоды расставались с иноческой жизнью, а убежденные, часто фанатично настроенные братья и сестры предпочитали пострадать за веру, но не покориться.

Интересные сведения по этому периоду содержатся в «Житии Стефана Нового» (ум. в 764 г.). Оно было написано всего через 50 лет после его смерти, что позволяет говорить о реальности описанных событий. В «Житии» повествуется, что со всех концов империи к святому, спасавшемуся в горах Малой Азии, стали стекаться монахи, «обитатели пещер и жители гор», которые просили дать наставления и утешение в постигшем их несчастии. Стефан советовал им искать убежище в областях империи, которые не были захвачены иконоборческой ересью, «не находились под властью дракона и не повиновались его суесловию». К этим областям он относил северные склоны берегов Евксинского Понта*, его прибрежные области и пространства от Боепора, Херсона и Никопсиса по направлению к низменной Фөтии, Южную Италию, Юг Малой Азии, остров Кипр, побережье Сирии и Палестины. Преследуемые монахи и сторонники иконопочитания начали стекаться в указанные районы. «Византия осиротела, – говорится в «Житии», – как будто все монашество было уведено в плен. Одни отплыли к Евксинскому Понту, иные на остров Кипр, а другие в старый Рим»⁴⁹.

Однако полное искоренение монашества не входило в намерения Константина V. Монастыри, поддержавшие императора, были сохранены под контролем чиновников. Цель иконоборческой политики в основном была достигнута. Влияние городской верхушки, белого и черного духовенства на население и официальную политику византийского двора ослаблено. В то же время борьба с иконопочитателями и волна репрессий внесли определенный беспорядок в империю. Возникла опасность развала экономики, опиравшейся на крупные городские хозяйства. Вследствие указанных причин борьба с иконопочитателями теряла актуальность. Поэтому в конце VIII в., особенно под влиянием императрицы Ирины, начался процесс ослабления иконоборческой политики. Уже VII Никейский Вселенский собор (787 г.) собрал богословские доказательства в пользу иконопочитания и восстановил его как основное течение. В результате дворцового переворота 15 августа 797 г. Ирина была провозглашена единодержавной императрицей. Она содействовала

---

* Черное море.

росту авторитета монастырей, используя их для создания больниц, странноприимных домов и приютов для нищих. Монастырям вновь предоставлялись существенные льготы⁵⁰.

Тем не менее, иконоборчество еще около 25 лет волновало империю. Феодор Студит в 819 г. в письме «К братьям рассеянным», под заглавием «Оглашение», имея в виду возобновление иконоборчества, писал: [Византия. – Авт.] «...свергла евангельское иго, сбросила ярмо, как бешеная юница ..., но с нами Бог, восток, запад, север и море»⁵¹. Окончательное восстановление иконопочитания состоялось только в 842 г. на поместном Константинопольском соборе. Теперь светская власть и церковь обрушились на бывших союзников иконоборцев – павликиан, выразителей идей неимущих классов. Объявленное еретическим, движение было подавлено к 872 г.

События, связанные с борьбой иконопочитателей и иконоборцев, не ограничивались Константинополем и округой. Они оказали существенное влияние на социальные и политические процессы далеких окраин империи. С ними, вероятно, можно связать строительство в Таврике ряда небольших монастырей.

Крым VIII в. отличался этнической пестротой. С утверждением же власти Хазарского каганата на основной территории полуострова влияние Константинополя на провинции в Таврике существенно ослабло.

Как мы уже отмечали, подвергшиеся гонению защитники икон знали о приверженности старым канонам в Причерноморских землях⁵². Об эмиграции из Константинополя и Малой Азии можно прочесть в «Житиях» Стефана Нового, Феодора Студита, Иосифа Песнописца, Иоанна Психонта, Стефана Сурожского и Иоанна Готского⁵³. Опираясь на археологические материалы, изменения этнического состава Таврики VIII – начала IX вв. связывают со временем иконопочитательской эмиграции О.И. Домбровский⁵⁴, И.А. Баранов⁵⁵ и другие исследователи, которые отмечают процесс строительства многочисленных поселений, укреплений, церквей и монастырей. Активная христианизация и рост влияния малоазийских греков на культуру народов Таврики прослеживаются даже по изменившемуся погребальному обряду⁵⁶.

Для эмиграции иконопочитателей в столь отдаленные районы причин было достаточно. В решении Собора 754 г. было сказано: «Если же кто-либо с этого времени дерзнет установить икону, или поклоняться ей, или поставить ее в церкви, или в собственном доме, или же скрывать ее, такой, если это будет епископ, или пресвитер, или диакон, то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет он виновен и перед императорскими законами, так как он противник Божьих распоряжений и враг отеческих догматов»⁵⁷. Кроме того, не исключено, что переселению ортодоксальных христиан в Таврику способствовала и агрессия арабов-мусульман в районах Малой Азии.

Прилив христиан-переселенцев на полуостров послужил толчком к возникновению ряда, как правило, мелких обителей. Можно предположить, что иконопочитательские киновии в Крыму, начиная с середины VIII в., являются наиболее активными пропагандистами ортодоксального христианства, а также культуры нового, уже созревшего в Центральной Византии и Малой Азии экономического уклада. Вероятно, эти мелкие монастыри вполне отвечали идее Феодора Студита, который ратовал за их полную независимость. Его теории преследовали цель – создание натуральных монастырских хозяйств, находящихся на самообеспечении и совершенно не зависящих от внешних условий. В одном из поучений Феодора Студита (начало IX в.) упоминаются различные группы ремесленников, живущих в монастыре: каменщики, плотники, художники, переплетчики книг, кузнецы, гончары, медники и пр.⁵⁸

Эмиграция иконопочитателей в Таврику совпадает с укреплением на полуострове Хазарского каганата – политического и экономического соперника Византии, временем ослабления влияния империи на северные провинции и процессом установления раннефеодальных отношений⁵⁹. Осваивая территории, монастырские общины становились не только центрами проповеднической деятельности и христианской культуры, но, не исключено, и феодальными собственниками.

В архитектурном плане монастыри представляли комплекс сооружений, состоящий из культовых построек: храма, часовни, крещальни, усыпальницы, а также жилых и хозяйственных

помещений. К числу интересующих нас памятников церковной истории VIII–IX вв. можно отнести, например, монастыри на юго-восточной седловине горы Аю-Даг, Панеа в Симеизе⁶⁰, Челтер-Кобу⁶¹, на горе Перчем под Судаком⁶², монастырь в Партени-те, основанный предположительно еще при Иоанне Готском⁶³, а также, как полагает В.Ф. Филиппенко, три монастыря в Инкерманской долине вблизи устья реки Черной⁶⁴ и, возможно, ряд других, требующих углубленного археологического исследования.

Проблем с выживанием на территории Таврики у переселенцев, вероятно, не было. О богатстве флоры и фауны Крыма упоминают даже путешественники и авторы трудов XVIII в.⁶⁵ Охота, рыбная ловля и собирательство на начальном этапе вполне могли удовлетворить братию, ограниченную обетами и многочисленными постами. Последующее развитие скотоводства, пчеловодства, земледелия и, в частности, выращивание злаков, винограда и овощных культур в относительно мягком климате способствовало росту благосостояния монастырей. Подробно состояние хозяйства раннесредневековых монастырей на примере Челтер-Кобы проанализировано в статье В.Н. Даниленко «Монастырское хозяйство в Крыму»⁶⁶. С его выводами трудно не согласиться.

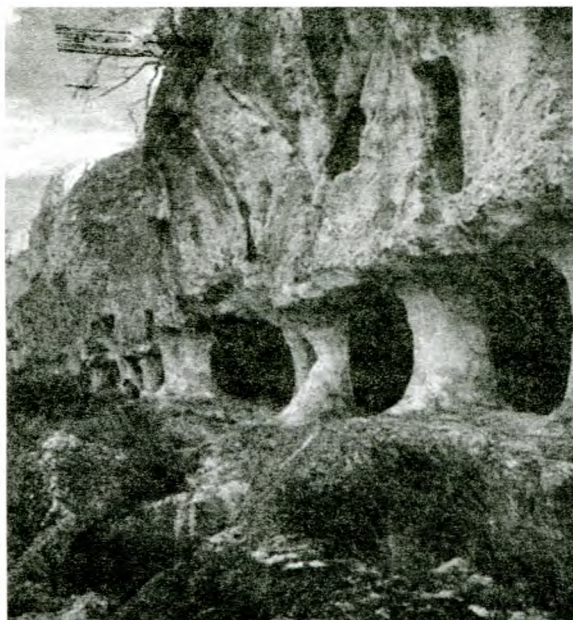
Вероятно, церковно-монастырская жизнь в Таврике VIII–IX вв. не была лишена внутренних проблем. В начале IX в. архимандрит Готии обратился за разъяснениями ряда вопросов в Константинополь к Феодору Студиту. Феодор не только дал авторитетный ответ, но и направил послание с аналогичным содержанием к некоему «боголюбнейшему отцу и архиерею господину Филарету», иерарху Сугдейской епархии, в котором говорилось, что «самое необходимое... – это установление мира, которого нет ничего полезнее и которым должны отличаться избранные ученики Христовы»⁶⁷. Надо полагать, что между священнослужителями двух епархий существовали какие-то спорные проблемы. Кроме того, вероятно, возникали проблемы с соблюдением положений церковного права. Из письма видно, что случившиеся среди монахов проступки отдавались на суд мирянам, то есть «отверзалась дверь тому, кому не следует вмешиваться в наши дела». В этом же письме речь идет

о нарушениях монастырских уставов. Касаясь необдуманного пострижения и дисциплины в обителях Таврики, Феодор Студит пишет: «А слагать монашество то же, что слагать крещение. Однако осмеливаются и это делать; страшно даже слышать [об этом]... Легкомысленные, убегающие из киновии не должны быть принимаемы другими братствами, чтобы у всех их во всем было взаимное содействие и согласие и чтобы им не разрушать трудов друг друга». Судя по письму, имели место и случаи, когда монахи уклонялись от «достижения первобытного состояния монашескою жизнью» и, не желая подражать «беспечной райской жизни», заводили у себя в монастыре рабов: «А иметь раба монаху в монастыре так же странно, как и иметь жену»⁶⁸.

До недавнего времени большинство исследователей, в том числе А.А. Васильев, В.Г. Васильевский, О.И. Домбровский, Ю.А. Кулаковский, А.Л. Якобсон⁶⁹, придерживались единого мнения об иконоборческом времени происхождения большинства средневековых монастырей Таврики. В современных трудах активное распространение христианства в Крыму, включая и строительство монастырей, связывают с массовым переселением ортодоксальных христиан в VIII–X вв. И.А. Баранов, В.И. Даниленко, В.Ф. Филиппенко⁷⁰.

В то же время А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев в ряде опубликованных работ⁷¹ подвергают критике данную гипотезу, основываясь на археологических исследованиях пещерных церквей и монастырских комплексов Горного Крыма, датируя их не ранее X–XII вв., тем самым доказывая незначительную роль иконопочитательской эмиграции в христианизации Таврики.

Обе гипотезы, бесспорно, имеют право на существование, и мы не склонны, учитывая тему настоящей работы, подробно останавливаться на этой проблеме. Однако, основываясь на собственных археологических исследованиях монастыря на горе Перчем, с уверенностью можем утверждать, что материал VIII–X вв., кроме осыпи, был обнаружен в нижнем слое, что указывает на время строительства наземного монастыря. Например, Ю.М. Могаричев не связывает археологический материал VIII–X вв., обнаруженный на склонах близ пещерных монастырей Шулдан, Челтер-Коба и Челтер-Мармара, с памятниками

*Пещерный
монастырь
Челтер-Мармара*

и датирует их X–XIV вв. по редким находкам фрагментов керамического материала при зачистках пола помещений отдельных обителей, архитектурным аналогам Каппадокии и другим спорным признакам. Особенность пещерных монастырей, расположенных на скальных обрывах, подверженных природному воздействию, вымыванию мягких культурных наслоений, такова, что там и не могло сохраниться материала раннего периода, и его действительно надо искать на склонах. Аналоги крымским пещерным монастырям в Каппадокии, относящиеся к IX–XI вв., также не отрицают их более раннего происхождения, равно как широкие даты использования изображений «процветшего» креста и иные аргументы, выдвинутые Ю.М. Могаричевым. Свидетельством наличия монастырей в Таврике конца VIII – начала IX вв. являются уже упомянутые отрывки переписки Феодора Студита. В послании Филарету говорится о монашеских братствах во множественном числе. Сан архимандрита Готии также, хоть и косвенно, указывает на наличие группы киновий или, по крайней мере, крупного

монастыря в епархии. Вероятно, одной из причин спора, судя по содержанию послания, стало то, что какие-то монашеские братии, предположительно в Сугдейской епархии, приняли самовольно ушедших из киновий Готской епархии. Напрашивается вывод, что ряд киновий существовал в конце VIII – начале IX вв. как минимум в двух епархиях.

Недостаток археологических доказательств основания ряда монастырей в VIII–X вв. в настоящее время говорит только об одном – отсутствии систематических исследований данных памятников. Сегодня же, опираясь на публикации Ю.М. Могаричева, можно с уверенностью согласиться лишь с фактом активного функционирования христианских монастырей в Горной Таврике в период X–XIV вв., что, собственно, никто и не отрицает. Бесспорно, истина восторжествует только после углубленного изучения памятников церковной археологии. Мы же склонны придерживаться аргументации, приведенной в статье В.Ф. Филиппенко, охарактеризованной Ю.М. Могаричевым как «...повторение гипотезы О.И. Домбровского, Е.А. Паршиной и И.А. Баранова...»⁷².

Итак, иконоборческая политика Византии VIII–IX вв. и агрессия арабов в Малой Азии вызвали прилив эмигрантов на побережье Таврики, основавших, наряду с поселениями, и группу монастырей. В первую очередь этот процесс затронул Юго-Восточный и Южный Крым, где в меньшей степени ощущалось влияние Херсонеса, придерживавшегося на определенных этапах государственной иконоборческой политики. Этот вывод четко прослеживается в «Житиях Стефана Сурожского», ярого сторонника иконопочитания, и Иоанна Готского⁷³. Таким образом, иконопочитатели, вероятно, чувствовали себя более уверенно на землях, подконтрольных Хазарскому каганату, чем в Херсонесе. Не зря монах Епифаний, посетивший Таврику в конце VIII – начале IX вв., отмечал, что «херсаки же народ коварный и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра»⁷⁴.

Процесс оседания иконопочитателей в Горном Крыму, возможно, шел медленнее, так как готские земли, или «климаты», находились под влиянием Херсонеса. Здесь могли возникать небольшие монастыри типа отшельнических скитов или

киновий, которые впоследствии стали основой для строительства более крупных общежительных монастырей X–XIV вв. В.Ф. Филиппенко прав, отмечая, что «...вряд ли будет правильным считать церковно-монастырскую жизнь Готии периода иконоборчества (а с нашей точки зрения и всей Таврики) движением в одном направлении, а именно только от почитания икон к их отрицанию, либо представлять ее как территорию, «наводненную фанатиками-иконопочитателями», или область с «сильными иконоборческими традициями»⁷⁵. Иконоборческая политика не была стабильной и постоянной даже в самой Византии, где с императорами менялись и взгляды. В Южнобережном, Юго-Восточном и Горном Крыму противостояние двух религиозных направлений было, вероятно, еще менее острым.

В VIII(?)–IX вв. в Крыму упоминаются архиереи Боспорской, Херсонской*, Готской и Сугдейской епархий⁷⁶, а в X в. – Фуллской. По предположению некоторых исследователей, она первоначально называлась епархией Ходзиров или Хазария⁷⁷. В раннем средневековье понятие «епископия» и функции епископов несколько отличались от современных. Не совсем ясна ситуация и со статусом епископий. Главы Готский, Сугдейский и Херсонский в разное время носят названия епископов, архиепископов или даже митрополитов. И.А. Баранов считает, что церковный ранг зависел от их политической и религиозной роли, а также активности епархии в регионе⁷⁸. Попробуем разобраться в сложной церковной структуре того периода.

До середины VIII в. все известные нам архиереи греческой церкви в Таврике упоминаются в сане епископа или митрополита. Причем термин «митрополит» применялся только по отношению к иерархам Боспорского региона, например, митрополиты Феофил (325 г.) и Иоанн (519 г.). Не исключено, что главы епископий так называемых «Скифии», «Готии» и «Томитании», известные до 520 г., также имели кафедру в Боспоре. Данные регионы периодически упоминаются в сочетании с провинцией Боспорской. С середины VIII в. отдельные архиереи Таврики стали именоваться архиепископами. Сан митрополита

---

* Херсон – средневековое название города Херсонеса. Под старым именем он упоминается редко.

по отношению к иерархам таврических епархий, за исключением 839 г., не употребляется до конца XIII в. Бесспорно, различия титулов архиереев, упомянутых церковными и светскими источниками, не являлись случайностью. Церковные институты, по крайней мере к VIII в., уже имели четкую структуру, закрепленную решениями соборов. Какие-либо «вольности» в протоколах соборов и иных церковных документах, как правило, не допускались.

Целесообразно вспомнить истоки возникновения института архиереев епископий и особенности их положения в христианской общине. Институт епископства известен еще с апостольских времен. Первоначально это были главы христианских общин в городах, «имеющие через чреду рукоположений благодатную связь» с апостолами⁷⁹. По учению св. Иоанна Дамаскина, «им вручена Церковь». Епископы, имевшие небольшое число клириков при одном, позднее – при нескольких храмах города, непосредственно управляли немногочисленными общинами. Еще в III в. в их обязанности входило личное осуществление надзора и управления паствой. Верующие, проживавшие в сельской округе, посещали городские храмы. В случае отдаленности поселений епископами для богослужения отряжались священники либо поставлялись постоянные пресвитеры. Только епископам принадлежало право прощения публично кающихся, освящения храмов (впоследствии эти права передаются и пресвитерам) и право хиротонии. Без их позволения пресвитеры не могли совершать евхаристии, крещения и миропомазания. Согласно 39-му Апостольскому правилу, «пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего не совершают, ибо ему вверены люди Господни, и он воздает ответ о душах их». Что касается посвящения в епископы, то по 1-му Апостольскому правилу «Епископа да поставляют два или три епископа», а по 39-му правилу III Карфагенского собора для посвящения требовалось не менее трех епископов и присутствие митрополита.

Многочисленные требования к кандидатам на возведение в третью, высшую степень священства известны еще в Апостольских Посланиях* и систематизированы Апостольскими

---

* Библия, Тим. III, 1–6 и др.

правилами. Впоследствии они были формально закреплены и дополнены решениями Трулльского, I и VII Вселенских, Неокесарийского и Лаодикийского соборов, а также рядом актов признанных авторитетов церкви.

Рост численности христианских общин уже во II–III вв., необходимость разрешения множества религиозно-философских и организационно-церковных вопросов требовали централизации и упорядочения управления. Не исключено, что для этой цели из среды равных выделились «первенствующие» епископы.

Учитывая, что христианство раньше всего утвердилось в главных городах Римской империи и провинций, на епископов этих центров христиане смотрели как на епископов старейших. От центральных епископий отпочковывались все новые округа, архиереи которых рукополагались из числа клира, воспитанного старейшими епископами, пользовавшимися авторитетом в среде верующих. Это обстоятельство само собой подразумевало их первенство среди равных. Соответственно, на поместных соборах председательствовали наиболее авторитетные архиереи старейших епископий.

Институт митрополитов возникает только с созданием соборной системы управления в церкви. Собственно термин «митрополит» появляется в III в. одновременно с наименованием главных городов империи митрополиями. Уже на II Вселенском соборе (381 г.) были приведены в соответствие с гражданско-административным делением империи пределы влияния отдельных архиереев и определены права митрополитов разных категорий, а правилами Халкидонского собора (451 г.) предписывалось именовать митрополитами епископов столичных городов. В их функции входило надзирать за епископами округа, созывать поместные соборы, разрешать спорные вопросы и жалобы на окружных архиереев, определять порядок суда над ними и выступать в качестве апелляционной инстанции по отношению к суду епископскому. Митрополит пользовался правом рукополагать и надзирать за хиротонией епископов. Без его грамоты духовные лица не имели права являться к императору. В соответствии с 9-м правилом Антиохийского собора (341 г.),

митрополиты обязывались наблюдать за доходами епархии, оглашать либо публиковать решения соборов, указы императора и послания патриарха, а также следить за их исполнением⁸⁰. В то же время митрополиты формально считались равными среди епископов и пользовались только преимуществами чести. Все важнейшие дела митрополии решались на поместных соборах.

Касаясь вопроса о статусе архиепископа, следует отметить, что в IV в. этот церковный титул был тождественен митрополиту. Подтверждением этому являются решения I Никейского (325) и I Константинопольского (381) Вселенских соборов, где подчеркивается их равенство в правах даже с экзархами и патриархами. После Трулльского собора (691–692 гг.), на котором уточнялся статус патриарха, митрополита и пресвитера, архиепископами стали именовать первенствующих епископов автокефальных церквей, не принадлежавших к числу первых епископов Вселенской Церкви, то есть патриархов. Впоследствии в Восточной Церкви статус архиепископа получают и архиереи епископий, чьи области находились на территории митрополичьего округа, но являлись автокефальными по отношению к митрополиту и находились в прямой юрисдикции патриархов⁸¹.

В Таврике VIII–XIV вв. структура церковной иерархии не могла отличаться от принятой в Восточной Церкви. Учитывая, что на раннем этапе основная часть побережья и гор полуострова являлась провинцией Византийской империи либо, при захвате территории иным владельцем, могла номинально приравниваться к таковой, соответственно и кафедра митрополита или архиепископа могла находиться только в городе, который императорская власть и патриарх признавали на данной территории столицей либо важнейшим политическим центром. Причем вариант архиепископства, автокефального по отношению к митрополии, здесь не уместен, так как, если проанализировать известные нам статусы архиереев до XIV в., нет случая, когда при наличии кафедры митрополита существовала бы кафедра архиепископа либо существовали бы одновременно две архиепископии. Только с 1338–1340 гг. возникли условия, при которых в Таврике учреждаются три митрополии Константинопольского патриархата. Таким образом, можно предположить,

что в средневековой Таврике несколько епископий составляли автокефальную Церковь, управляемую, согласно правилам, принятым на Трулльском соборе, архиепископом, подотчетным непосредственно патриарху.

Наши сведения об архиереях средневековья отрывочны и основаны на «Житиях» святых, документах соборов, записях в «Синаксаре» и некоторых церковных источниках, где упоминалось об участии в соборах, рукоположении или смерти архиереев. Еще реже упоминается об их деятельности. Поэтому, оперируя датой из того или иного источника, необходимо учитывать, что избрание и хиротония архиерея осуществлялись на длительный период, и к известной дате необходимо добавить хотя бы несколько лет вперед или вычесть несколько лет назад, в зависимости от исторического события. Тогда хронологически структура церковного управления в Таврике приобретает более-менее стройный вид.

Совместив сведения о кафедрах и санах иерархов с основными известными нам политическими событиями на полуострове, попытаемся проследить реакцию на них Константинопольского патриарха. Такой анализ одновременно позволит определить, как фактически перемещался экономический и политический центр Таврики, проследить изменения в административно-территориальном делении полуострова.

Как мы уже отмечали, источники IV–VI вв. упоминают митрополитов только в Боспорской епархии*, и справедливо было бы предположить, что именно архиереи Боспора занимали старшинствующее положение по отношению к таврическим епархиям, возникшим впоследствии в Херсонесе, Готии и Сугдее. Это лишний раз подтверждает гипотезу о распространении христианства в Крыму через Боспор. Поэтому на ранних этапах вполне естественно, что старшим из епископов становился архиерей, от клира которого отпочковывались главы новых таврических епископий.

---

* Феофил, митрополит готы и провинции Боспорской, участвовавший в I Вселенском соборе 325 г.; Иоанн, митрополит Боспорский, участвовавший в синоде 519 г. и в Константинопольском соборе 536 г.

В VI в., при императоре Юстиниане I, Боспор переходит под власть Византии и, вероятно, длительное время являлся ее административным центром в Таврике. Подтверждением этому является возведение Иоанна, известного по источникам в 519–536 гг., в сан митрополита, что вполне соответствует решениям Халкидонского собора, определявшего место митрополита в центральном городе провинции. Херсонская епископия, возникшая не ранее начала IV в., была немногочисленной и, следовательно, впоследствии находилась под старшинством Боспорского архиерея. Упоминание о том, что христианская община в Херсонесе даже в VII в. не имела существенного влияния, сохранилось в письмах папы Мартина I. Что касается некой епископии Готской IV–VI вв., то не исключено, что она вообще не имеет отношения к полуострову.

Вторжение хазар в Таврику на рубеже VII–VIII вв. и их расселение в степных, восточных, юго-восточных и предгорных регионах полуострова не могло не изменить положения в церковной иерархии. Боспор, вероятно, потерял свое политическое значение опорного города империи в провинции⁸². Не исключено, что именно в это время и кафедра Боспорского митрополита была ликвидирована, а управление паствой могло перейти либо к епископу Херсонесскому, либо к Сугдейскому, кафедра которого была учреждена в 715 г. Во всяком случае, на одном из важнейших в истории христианской Церкви Трулльском соборе (691–692) от паствы Таврики присутствует единственный представитель – Георгий I, епископ Херсонесский.

Представительство на Соборе всего одного архиерея от Таврики в сане епископа уже подчеркивает отсутствие здесь на данном этапе автокефалии. Это обусловлено потерей основной территории провинции Византией, разрушением сложившейся административной системы и, соответственно, временным падением влияния христианской Церкви, связанного с оттоком верующих в Христа из захваченных язычниками местностей. На относительно короткий период времени церковное управление сосредотачивается в руках епископа Херсонского. Небольшая по численности епископия Херсонеса, единственного города Византии, сохранившего относительную независимость от

хазар, оказалась под прямым управлением патриарха Константинопольского. Византийский административно-территориальный, а следовательно, и церковный округ, ограничивался в конце VII в. только Херсоном и тяготеющими к нему территориями. Со временем Боспорская епархия была восстановлена, так как в 787 г. известна подпись под решением VII Вселенского собора диакона Боспорской церкви от имени епископа Андрея, а в 839 г. епархия Боспора управлялась митрополитом Херсонеса.

Интересно, что именно в период хазарского владычества в Крыму мы впервые встречаем использование термина «архиепископ». Среди известных по письменным источникам архиепископов Таврики упоминается архиепископ Сугдеи Филарет, рукоположенный из числа клириков св. Стефана. Бесспорно, время возведения его в сан было немногим позднее смерти самого Стефана, то есть в конце 40-х гг. VIII в. Появление сана архиепископа свидетельствует о восстановлении автокефалии в Таврике. Не исключено, что центром автокефалии становится не византийский Херсонес, а подконтрольная Хазарскому каганату Сугдея. Чем можно объяснить, что кафедра старшинствующего епископа располагается на территории, вышедшей из-под юрисдикции императора?

К середине VIII в. Херсонес, с одной стороны, находился на пике экономического кризиса, «обнищал и обезлюдел»⁸³, а с другой – оказался в сфере абсолютного контроля императорской властью, а значит, официально поддерживал иконоборчество. Сугдея хоть и являлась ставкой хазарского тархана, но в лице св. Стефана и клира приобрела ореол центра защиты икон на полуострове. До иконоборческого Собора 754 г. Константинопольский патриарх Анастасий в епископе Сугдейском мог видеть единственного надежного и авторитетного борца с ересью в Таврике. Кроме того, Сугдея уже являлась крупным торговым городом, политическим центром Хазарии на полуострове, имела, судя по «Житию» св. Стефана, крупную христианскую общину, юридически и политически независимую от государственных чиновников Византии. Поэтому экономическое значение Сугдеи в Таврике и противодействие иконоборческой политике официальных властей могли стать причиной

рукоположения в архиепископы не архиеерея Херсона, а сподвижника св. Стефана – Филарета, выделив его как старшего среди равных.

Однако после подавления противостояния иконопочитателей в среде высших иерархов Константинопольской церкви старшинство среди епархий в Таврике официально перемещается в Херсонес – единственный крупный центр империи в Северном Причерноморье, уцелевший под ее контролем и вступивший в фазу очередного экономического подъема⁸⁴. Следует предположить, что здесь создается кафедра митрополита, о которой упоминается в 839 г., то есть до собора 843 г., восстановившего иконопочитание. Причем говорится о митрополите Херсона и управителе епархией Боспора. Учитывая, что христиане восточных регионов Таврики могли поддерживать ортодоксальное направление в церкви, о чем вполне определенно указывается в послании Стефана Нового⁸⁵, передача Боспорской епархии под непосредственное управление Херсонского митрополита становится объяснимой. Администрация Херсонеса как официального центра Византии в Таврике обязана была придерживаться государственной политики, а следовательно, здесь могла находиться кафедра архиеерея, придерживавшегося только иконоборческих взглядов. Противостояние в середине VIII в. архиеерея Сугдеи, восстание, возглавленное епископом Готским, вероятно, заставили патриарха ввести в Таврике сан митрополита, позволяющий не только контролировать деятельность архиеереев, но и, не обращаясь в Константинополь, рукополагать на епископство лиц из клира, верных императорской власти и иконоборчеству.

Одновременно можно выдвинуть и иную гипотезу. Возникновение митрополии Херсонской не обязательно могло означать ее старшинство по отношению к епископиям Готской и Сугдейской, расположенным на территориях вне юрисдикции византийского императора. Дополнение к сану митрополита фразы «управитель епархией Боспорской» могло означать учреждение Херсонским архиеереем малых епископий, не фигурирующих в патриарших документах. Фактически до IV в. епископии возникали не только в центральных, но и в малых городах округов и даже в селениях. Только на Лаодикийском и Сардикийском

соборах (соответственно правила 57 и 6) было запрещено «без особой нужды умножать число епископий и ставить епископов в малые города и селения»⁸⁶. Потеря Византией контроля над частью региона, угроза раскола церкви приверженцами иконоборчества и иконопочитания были достаточно вескими причинами для создания в Таврике сети малых епископий, подконтрольных Херсонскому митрополиту. Более поздним аналогом учреждения епископских кафедр в селах служит учреждение митрополитом Сугдейским в 1327 г. епископии в селении Элиссос с целью закрепления его за епархией. Причем об указанном епископе мы знаем только благодаря переписке, связанной с территориальными спорами архиереев.

Учитывая, что после 839 г. Боспорская епархия не упоминается, можно предположить, что с середины IX в. она как крупная церковная единица была окончательно упразднена и управлялась пресвитером, что вполне оправдано падением экономического и политического значения данного региона для империи. На рубеже XI–XII вв. Византия вернула лишь значительно опустевший населенный пункт, давно лишенный былого могущества. О «пресвитере от Боспора» упоминается в надписи на надгробной плите в Партените, датируемой 906 г.⁸⁷ Впоследствии Боспор подвергался неоднократным набегам завоевателей, вошел в состав Тмутараканского княжества⁸⁸. Что касается церковно-административного деления, то с конца XIII в. данный регион, вероятно, оказался в составе митрополии Зикхия.

С 842 по 966 гг. в известных нам документах упоминаются только архиереи Херсонской епархии в сане епископов. Напомним, что в 842 г. на поместном Константинопольском соборе официально было восстановлено иконопочитание. Таким образом, ликвидация митрополии Херсонской могла быть связана с необходимостью подавления противостояния приверженцев различных догматических направлений в церкви. В процессе борьбы иконопочитателей и иконоборцев наметились тенденции разрушения организационного единства и предпосылки очередного раскола Восточной Церкви. Данная ситуация всегда была особенно опасна для сепаратистски настроенных периферийных регионов. Церковь уже имела исторический опыт, когда

решение догматических споров в центре не означало устранения опасности раскола на окраинах. Так, например, откололись армяно-григорианская церковь, ряд церквей монофизитского и монофилитского направлений. Сепаратистские тенденции, вероятно, были сильны и в этнически пестрой Таврике. В такой ситуации патриарх должен был стремиться максимально ограничить самостоятельность периферийных епископий и осуществлять управление ими непосредственно. Отсутствие сведений о наличии Сугдейской и Готской епархий еще не является фактом ликвидации этих кафедр в середине IX в., однако такая гипотеза может иметь место и вполне объяснима.

На рубеже IX–X вв. начался активный процесс централизации управления в Византийской империи⁸⁹, непосредственно связанный с выходом государства из экономического и политического кризиса. В Херсоне уничтожаются местные органы самоуправления⁹⁰. Еще в 833–834 гг. здесь создается Херсонская фема, возглавляемая стратигом. Общеимперские тенденции не могли не коснуться церковных институтов, занимавших одно из узловых мест во внутренней и внешней политике государства. К началу X в. централизация церковного управления также достигла своего апогея. С укреплением империи на политической арене и административной власти на местах отпала необходимость создавать промежуточные звенья управления. Можно предположить, что часть многочисленных автокефалий и митрополий была ликвидирована, а вся власть над клиром сосредоточена непосредственно в руках Константинопольского патриарха и пяти высших епископальных чинов его окружения. С укреплением Византии в Таврических провинциях военно-административная власть стратигов распространялась, вероятно, не только на сам Херсон и климаты, но и на иные прибрежные населенные пункты, включая, по крайней мере, уже известный к тому времени крупный торговый порт – Сугдею. На протяжении столетия на территориях, подконтрольных византийскому стратигу, епархиальное управление было сосредоточено в руках непосредственно только епископа Херсонского.

Что касается Готской епархии, то мы склонны относить ее возникновение и первый этап существования к периоду

иконоборчества. Нет оснований утверждать, что упоминаемые в источниках архиереи Готии IV–VI вв. имеют отношение к Готии Таврической. Епархия возникла в середине VIII в. на территории, неподконтрольной Византийской империи, под управлением иконопочитателя св. Иоанна Готского, рукоположенного в Иверии⁹¹, и, судя по «Житию», противостояла иконоборческой ереси, а значит, и официальной императорской власти. С восстановлением иконопочитания как основного течения в 787 г. на VII Никейском Вселенском соборе (где присутствовал от имени епископа Готского Никиты монах Кирилл) указанная епархия до 1066 г. в источниках не упоминается. Не исключено, что впоследствии не только данная территория возвращается под контроль херсонских стратигов в качестве так называемых климатов, но и паства переходит под руку Херсонского архиерея. Именно ликвидация кафедры Готского епископа в конце VIII в. могла стать причиной спора Готского и Херсонского митрополитов о принадлежности приходов ряда населенных пунктов Южнобережного Крыма (Сикиты, Партенита, Лампаса, Алусты, Фуны, Алании) в конце XIII в. и противоречивых решений по данному поводу патриархов Нила Керамевса и Макария⁹².

Несмотря на то, что Херсон на рубеже IX–X вв. переживал период своего очередного подъема, его можно рассматривать только как важный военно-политический опорный пункт в Таврике. Некоторое оживление транзитной торговли, прежде всего с печенегами и славянами, не означало возрождения былого значения города как экономического и культурного центра. Начиная с 966 и по 1276 гг. в церковных документах вновь упоминаются двенадцать архиереев Сугдейской епархии, причем десять из них – в сане архиепископов. Параллельно упоминаются архиереи Херсонской и восстановленной, вероятно не позднее 1066 г., Готской епархии. С X в., по мнению И.А. Баранова, в Восточной Таврике учреждается и новая епархия – Ходзиров⁹³. Таким образом, во второй половине X в. на полуострове вновь возрождается автокефалия, в которой старшинствующая роль переходит архиереям Сугдейской епархии. Возрождение архиепископской кафедры в Сугдее и, соответственно, в целом автокефалии Таврических епископий совпадает со временем

разгрома Хазарского каганата, ослаблением военной активности половцев на полуострове и усилением влияния в регионе Киевской Руси. Об архиепископской кафедре в Сугдее упоминается сразу после разгрома хазар в 965 г. князем Святославом. Вероятно, только с этого времени крупный, экономически развитый торговый город, известный далеко за пределами Таврики, выходит из-под юрисдикции уже не существующей Хазарии и окончательно подпадает под управление византийской администрации. Можно предположить, что Херсон как официальный провинциальный центр и своего рода военная база империи уже во второй половине X в. утерял свое значение как экономический и культурный центр. К сказанному остается добавить известную осаду и захват Херсона князем Владимиром в 989 г., что не могло не усугубить нестабильную ситуацию.

Вопреки традиционно сложившейся точке зрения, можно предположить, что экономическим и культурным центром Таврики Сугдея становится не в XI в., а уже во второй половине X в. Только этим можно объяснить учреждение здесь архиепископской кафедры, которая, в соответствии с церковными правилами, располагалась в центральном городе округа или провинции. Церковные институты управления всегда чутко реагировали на малейшие политические и экономические факторы, что позволяло христианству не только закрепляться на обширных территориях, но и постоянно расширять свое влияние. Возможно, существовали еще какие-то, пока нам неизвестные, причины перемещения центра провинции в Сугдею в конце X в.

В период существования архиепископской кафедры в Сугдее исключение составляют только епископ Арсений (участвовал в соборах при патриархе Алексии в 1025–1043 гг.) и епископ Николай, упоминаемый в 1237 г. Перемещение кафедры в указанное время находит объяснение в исторических событиях.

С 20-х гг. XI в. по 40-е гг. XII в. архиепископами рукополагаются архиереи Готской епархии. Можно с уверенностью констатировать, что причиной этому были, прежде всего, активизация кочевников и угроза их нового нашествия. В 1050 г. половецкие орды вторглись на территорию полуострова. Округ, подконтрольный Византии, значительно сократился. В самом

Пещерный город Эски-Кермен

Херсонесе отмечаются частая смена стратигов и даже восстания населения. Влияние стратигов настолько ослабело, что во время восстания херсонеситов в 1066 г. император Михаил VII Дука вынужден был обратиться за оказанием военной помощи к князю Всеволоду, который направил в Херсон войско в 1073–1074 гг.⁹⁴ Сугдея также на некоторое время пришла в экономический упадок. В первой половине XII в. арабский историк Элайн упоминал о ней как о небольшом городе кипчакском.

С другой стороны, укрепление городов и феодальных центров Горной Таврики должно было способствовать временному перемещению экономического и политического центра в данный регион. Именно эти территории составили основу Готской епархии. Исходя из правил Халкидонского собора, предусматривающих размещение кафедры архиепископа автокефалии или митрополита в центральном городе провинции или области, можно предположить, что центром автокефалии в Таврике с 1066 по 1147 гг. могли стать Мангуп либо Эски-Кермен. Причем время перемещения архиепископской кафедры в Готскую епархию совпадает с периодом активного строительства пещерных церквей и монастырей в данной местности⁹⁵.

Со временем половцы, как и их предшественники, оценили достоинства Сугдеи. Город вновь возродился из пепла, и архиепископская кафедра возвращается в Сугдею.

Ликвидация архиепископской кафедры в Сугдее в 30-х гг. XIII в. также оправдана историческими событиями. Восточные

регионы Таврики, вышедшей из-под власти Византии на рубеже XII–XIII вв., подверглись вторжению новых завоевателей: турок-сельджуков (1222) и татар (1223, 1238, 1248–1249). Кроме того, город оказался в сфере влияния Венеции, выступившей союзником крестоносцев против Византии, а значит, оказался на стороне сил, враждебных Константинопольскому патриарху. В комплексе это предопределило на короткий период очередное падение Сугдеи как центра ортодоксальной христианской Церкви в Таврике. Херсон, уже с XI в. утративший свое значение как политический и экономический центр, также не мог претендовать и на роль центра Таврической автокефалии. Поэтому, несмотря на отсутствие источников, архиепископскую кафедру в промежуток времени с 1237 по 1274 гг., если такая вообще существовала, следует вновь искать в Готской епархии, на территории которой возникло княжество Феодоро. Косвенным подтверждением этому является новая волна активизации строительства пещерных храмов и монастырей Юго-Западного Крыма в XIII–XIV вв.⁹⁶

С 1274 г. в Сугдее вновь была восстановлена архиепископская кафедра. В синаксаре и церковных архивах упоминается архиепископ Сугдейский Феодор (1274–1283). Уже в 1275 г. Сугдея впервые становится митрополией⁹⁷, а глава епископии Феодор оказался избранным старшим среди архиереев Таврики. Можно предположить, что столь высокого личного положения, а также подъема ранга самой епископии Феодор достиг благодаря поддержке рукоположившего его патриарха Иоанна Векка, сторонника унии с Латинской Церковью. Это обстоятельство, на фоне усиления влияния в Таврике венецианцев и позднее генуэзцев, могло сыграть решающую роль при определении статуса кафедры Сугдейского архиерея.

Касаясь самого названия епархии, надо отметить, что упоминаемый в начале XIII в. Никита – архиепископ Сугдеи и Фулл – указывает лишь местность, на которой жила паства, подконтрольная архиерею. Ничто прямо не говорит о Фулльской епархии. Если бы такая епископия существовала ранее, то в официальных письменных источниках это нашло бы отражение, как, например, в 787 и 839 гг., когда речь шла о епископах

Херсонских, управителях Боспорской епархией. В данном случае четко указывалось на наличие Боспорской епископии как структурной церковной единицы. И.А. Баранов, опираясь на ряд предыдущих исследований, предполагает, что в Фулльскую епархию была переименована ранее существовавшая епархия Ходзиров⁹⁸. Таким образом, либо епархия Ходзиров была упразднена и впоследствии часть ее территории и паствы вошли в состав Сугдейской митрополии под новым названием, либо новая епископия была учреждена митрополитом Сугдейским Феодором, как, например, сделал впоследствии архиерей Сугдеи Лука, рукоположив в 1327 г. епископа селения Элиссос⁹⁹. Причем следует отметить, что нигде не упоминается епископ Сугдо-Фулльский, а речь идет только об архиерее в сане архиепископа или митрополита. Указанный сан, как мы отмечали выше, подразумевает старшинство между епископами и право рукоположения в епископы. В 1283 г. Сугдейская и Фулльская епархии разделились (в списке епископий они упоминаются соответственно под номерами 32 и 36), но уже в 1322 г. вновь объединяются под управлением архиепископа Иоанна. Из этого следует, что изначально епархии не объединялись, а Фулльская епархия отпочковалась от Сугдейской архиепископии или митрополии и, за исключением указанных 45 лет, продолжала оставаться ее структурной единицей.

В 1292 г. кафедра митрополита вновь упоминается в Готской епархии. Это обуславливалось укреплением княжества Феодоро, владельцы которого сохраняли верность ортодоксальной христианской церкви, осложнением экономической ситуации в Сугдее, вызванной борьбой Генуи и Венеции за торговые пути в Черном море, а также разгорающейся междоусобной борьбой в Орде. Итогом же осложнившейся политической ситуации в конце XIII в. становятся набеги войск татарского темника Ногая в 1299 г., Телектемира и апокрисария Узбека – в 1322 г., сопровождавшиеся разграблением христианских храмов и их разрушениями. Кроме того, в период 1308–1338 гг. Сугдея выдержала не менее пяти крупных набегов татарских орд. Немаловажную роль в ослаблении роли Сугдейской епархии как центра ортодоксальной христианской церкви в Таврике

играла близость к городу формирующегося татарского административного центра – Солхата, активное проникновение в регион ислама. Именно к этому времени относится переход христианских общин ряда населенных пунктов Сугдеи под юрисдикцию митрополита Готии, ставший причиной последующих споров о границах епархии и жалоб архиерея Сугдеи 1317–1318 гг. к Константинопольскому патриарху.

Таким образом, в XII–XIII вв., несмотря на падение в регионе политического значения Византийской империи, церковная структура в Таврике не претерпела существенных изменений. Епископии полуострова, объединенные под управлением архиепископа или митрополита, продолжали сохранять статус автокефалии по отношению к Константинопольскому патриархату. Однако в связи с постоянно меняющейся экономической и политической ситуацией в регионе кафедра старшего среди архиереев епископий постоянно перемещалась. Центром автокефалии определялся город, отличавшийся экономической и политической стабильностью, высоким уровнем развития и политического влияния, а также, вероятно, значительной численностью христианского населения. В этот период прежнее административное деление византийской провинции и сопредельных государственных объединений оказалось разрушенным, а новое не сформировалось. Шел активный процесс первоначального становления феодальных государств, сопровождающийся территориальным дроблением и нестабильностью в регионе. В таких условиях церковная иерархическая структура оказалась более гибкой, и на определенном этапе епархиальные власти, вероятно, подменяли светские институты управления, во всяком случае для христианского населения. Что касается перемещения кафедры архиепископа и митрополита, то оно отображает весь спектр социально-экономической и политической ситуации на полуострове, дает ответ на то, какие центры и в какое время, с точки зрения патриарха Константинопольского, можно было считать реальными центрами экономики, политики и культуры в Крыму.

Только к середине XIV в. политическая ситуация на полуострове относительно стабилизировалась. К этому времени

четко определяются три основных политически самостоятельных региона Крыма: прибрежные города, укрепления и населенные пункты, контролируемые венецианцами и позднее генуэзцами; княжество Феодоро, с тяготеющими к нему южнобережными поселениями; предгорье, степной и Восточный Крым, контролируемый ханами Крымского юрта (позднее – Крымским ханством).

Православное население Крыма, объединенное в епископиях Сугдейской, Готской и Херсонской, соответственно, также оказалось живущим в различных социально-экономических и политических условиях. Сложившаяся система управления епископиями в Таврической автокефалии уже не соответствовала политической ситуации. Учитывая, что священнослужители того времени в большей или меньшей степени принимали участие в светском управлении, исполняли отдельные судебные и контрольные функции, владели земельными наделами и угодьями, выступали в качестве представителей от православного населения перед главами феодальных государств, их влияние могло распространяться только на паству, проживающую в пределах этих государств либо государственных объединений. Духовная и судебная власть, например, архиерея Готской епархии, охватывающей в основном территории княжества Феодоро, не могла распространяться на жителей генуэзских населенных пунктов, живущих по собственным уставам. Более того, вмешательство в дела паствы соседней епархии могло расцениваться как вмешательство в дела сопредельного государства. Не исключено, что споры между архиереями епископий о принадлежности уже упоминаемых нами пограничных сельских общин местечек Элиссос, Кинсанус, Сикита, Партенит, Лампас, Алуста, Фуна и Алания, которые пришлось разрешать Константинопольским патриархам на протяжении с 1376 по 1390 гг.¹⁰⁰, являются отражением процесса формирования политических границ между регионами.

В связи с новым территориальным делением полуострова, в соответствии с церковными правилами, изменилась и структура церковного управления в регионе. Начиная с 1338–1340 гг. во всех трех епископиях учреждаются кафедры митрополитов.

С одной стороны, это упорядочивало систему церковного управления в Таврике, позволяло ликвидировать спорные ситуации внутри бывшей автокефалии, подчиняя каждого из митрополитов непосредственно патриарху Константинопольскому. С другой стороны, сан главы митрополии позволял каждому из равных архиереев епископий сопредельных государств вести более гибкую и эффективную религиозно-церковную политику с учетом местных законов, традиций и обычаев, отстаивать интересы православной паствы и удовлетворять ее религиозные потребности, создавать церковную инфраструктуру внутри митрополии. Повышение статуса архиереев не означает увеличения численности христиан, а лишь отображает изменение политической ситуации и административного деления.

Несмотря на сложившуюся в Константинопольском патриархате традицию размещения кафедр в центральных городах округов, кафедры митрополий, вероятно, сохранялись в прежних центрах епископий. Таким образом, с новыми административными центрами совпадала только кафедра митрополита Готии. Во всяком случае, это косвенно подтверждается текстом надписи, гласящей о том, что в 1427 г. митрополит города Феодоро и всей Готии Дамиан восстановил базилику Петра и Павла в Партените¹⁰¹. Какие-либо упоминания о перемещении кафедр митрополитов Сугдейского и Херсонского в новые административные центры XIV–XV вв. неизвестны. Погребение в 1339 г. в Кафе митрополита Сугдеи Луки, бесспорно, не может свидетельствовать о перемещении кафедры. Можно только предположить, что на позднем этапе размещение центров Таврических митрополий сохранялось традиционно и определялось не столько политическими интересами доживающей последнее десятилетие Византийской империи, сколько этническим составом и концентрацией православного населения. После захвата Османской империей в 1453 г. Константинополя и в 1475 г. Крыма вновь изменилось административное деление. Феодоро и генуэзские фактории перестали существовать. Территория Крыма оказалась в пределах одного государства под управлением султана. Крымское ханство, так и не успевшее оформиться окончательно в самостоятельное государство, превратилось

в вассала Османской империи. Что касается греко-православной церкви, то после территориального объединения Крыма в XV в. исчезла необходимость церковного деления полуострова на три митрополии. Кроме того, православная церковь быстро уступала свои позиции исламу. В итоге здесь была сохранена лишь одна кафедра митрополита Готии, которая просуществовала вплоть до присоединения Крыма к России.

Резюмируя сказанное, можно представить, как изменения в иерархической церковной структуре средневековой Таврики отражали политические и социально-экономические события того времени.

1. Наличие нескольких епископий и рукоположение одного из равных архиереев в сан архиепископа или митрополита позволяет предполагать наличие в Таврике с 40-х гг. VIII в. по 842 г. и с 966 г. по 1347 г. церковной автокефалии.

2. До 536 г. старший среди равных архиереев занимал кафедру епископии Боспорской. Таким образом, административным центром Византии в Таврике до середины VIII в. являлся Боспор.

3. В период иконоборчества изменения в церковной иерархии Таврики могут объясняться двумя гипотезами:

– в 40-х гг. VIII в. кафедра архиепископа первоначально учреждается в независимой от византийской администрации Сугдее, придерживающейся ортодоксальных взглядов. Только после поражения иконоборцев на поместном Константинопольском соборе 842 г. епископии Сугдейская и Готская подчиняются архиерею Херсонскому, произведенному в сан митрополита и представляющему теперь интересы иконопочитателей в Таврике;

– епископии Сугдейская и Готская остаются независимы по отношению к иконоборческому патриархату, а учреждение кафедры митрополита Херсонского в 839–842 гг. означает создание подконтрольной Константинополю автокефалии на управляемых императорской администрацией землях, в противовес существующим иконопочитательским епископиям.

4. После восстановления иконопочитания, на рубеже IX–X вв., Сугдейская и Готская епископии могли быть упразднены (во всяком случае, не упоминаются в источниках), и церковное управление сосредотачивается в руках Херсонского епископа. Это отражает государственные и церковные тенденции к централизации управления, совпадает с ликвидацией органов самоуправления в Херсоне и установлением власти стратига во всей провинции. Не исключено, что централизация церковного управления в Таврике была предпринята с целью подавления сепаратистских тенденций на периферии, которые могли возникнуть из-за догматических разногласий.

5. Анализируя имеющиеся источники, можно предположить, что Готская епархия имеет два периода существования.

Первый период: епархия возникает не позднее 741 г. и существует по 787 г. Ее учреждение непосредственно связано с деятельностью св. Иоанна Готского и иконопочитательским противостоянием центру части клира и паствы. Епископия ликвидируется в 787 г. одновременно с признанием иконопочитания как официального течения на VII Никейском Вселенском соборе.

Второй период: епархия учреждается на рубеже X–XI вв., что совпадает прежде всего с разгромом Хазарского каганата, усилением влияния в регионе Киевской Руси и назревающим вторжением половцев. Кроме того, причиной воссоздания епархии могло стать возникновение крупных феодальных владений в Горной Таврике и укрепление нового политического центра в Мангупе.

6. Причиной споров между архиереями Херсонской, Сугдейской и Готской митрополий и противоречивых решений патриархов Константинопольских Нила Керамевса и Макария в XIII в. о подчиненности паствы ряда южнобережных поселений (Элиссоса, Сикиты, Партенита, Лампаса, Алусты, Фуны, Алании) могла стать вышеупомянутая ликвидация на рубеже IX–X вв. Готской и Сугдейской епархий с последующим переходом общин под руку Херсонских архиереев. Последующее возрождение епархий, естественно, вызвало территориальные споры.

7. Учреждение архиепископской кафедры в Сугдее не позднее 966 г. и ее существование здесь до начала XIII в. означает признание Византией со второй половины X в. данного города центром Таврической провинции. Херсонес, вероятно, оставался только военно-стратегической базой и ставкой стратига. Кратковременные перемещения кафедры архиепископа (позже – митрополита) в Готскую епархию совпадают, а значит, связаны только с обострением политической ситуации из-за чередовавшихся вторжений на полуостров очередных захватчиков.

8. Учреждение в Таврике Сугдо-Фулльской епархии не означает слияния двух епископий. Можно предположить, что Фулльская епархия возникала как составная часть Сугдейской епархии. Не исключено, что данная епископия могла быть учреждена на месте части упраздненной епархии Ходзиров. В таком случае архиепископ или митрополит Сугдеи, как рукоположивший епископа Фулльского, являлся по отношению к нему старшим. Аналогичная ситуация возникает с рукоположением Сугдейским митрополитом епископа селения Элиссос. Таким образом, упоминаемая епархия Фулльская в 1283–1328 гг. (судя по номеру в списке епархий, ниже по рангу, чем Сугдейская) могла на время отпочковаться, например, в связи с выделением города как центра самостоятельного феодального княжества. Во всех остальных случаях начиная с 1158 г. название епархии Сугдо-Фулльская (а не наоборот) означает первенство Сугдеи и, возможно, территориальную зависимость от нее Фулл. Следует учесть, что в 1347–1369 гг. архиерей Евсевий упоминается как митрополит Сугдеи и Гипперии. О местонахождении указанного населенного пункта – Гипперии, как, впрочем, Фулл и Элиссоса, нам остается только догадываться, но данные названия подчеркивают то, что на территории Сугдейской епископии учреждались более мелкие, подконтрольные архиепископам или митрополитам, епископские кафедры. Не исключено, что такая же структура была и в остальных епископиях Таврики. Отсутствие сведений о мелких епископиях объясняет лишь то, что главы этих епископий непосредственно не участвовали в патриарших соборах и их интересы представляли старшие архиереи.

9. Учреждение кафедры митрополита Сугдеи в 1275 г. при архиерее Феодоре могло быть связано с занятой им позицией унии с Латинской Церковью, что должно было способствовать улучшению отношений с администрацией венецианских и генуэзских факторий на территориях, входивших в состав всех трех епархий и прежде всего Сугдейской.

10. Ликвидация предполагаемой нами автокефалии в Таврике и учреждение в конце XIV в. трех равноправных митрополий совпадает с наметившимся более четким территориальным разграничением в Крыму между княжеством Феодоро, генуэзскими колониями и Крымским юртом. Захват Османской империей в 1475 г. территории Таврики и, соответственно, ее объединение послужили причиной ликвидации двух митрополий и объединения паствы под духовным управлением Готского митрополита, представлявшего интересы православных христиан перед султаном и крымским ханом.

Предложенные нами выводы¹⁰² являются лишь гипотезой, построенной на основе немногочисленных источников, и, бесспорно, требуют дальнейшего уточнения. Тем не менее, касаясь темы наших исследований, они достаточно подробно иллюстрируют епархиальную структуру церкви в средневековой Таврике. Во всяком случае, перемещение епархиальных центров имело непосредственное влияние на время и место возникновения монастырей, бесспорно к ним тяготеющих.

Итак, мы остановились на том, что отдельные монашеские общины, возникшие в Таврике, спасаясь от иконоборческих притеснений, а также часть христианского населения не признавали Константинопольских патриархов и представителей официальной власти в Херсонесе. Это могло стать одной из причин строительства первых обителей за пределами административного центра, то есть на землях, подвластных Хазарскому каганату либо находящихся под ослабленным контролем Византии. В то же время стремление к безопасности на политически нестабильных территориях требовало устройства обителей в естественно защищенных районах. При этом использовался и распространенный в Малой Азии опыт сооружения келий и иных помещений, вырубленных в труднодоступных скалах.

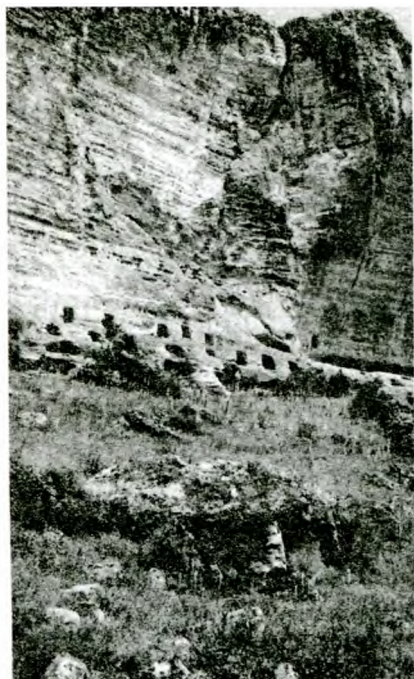
Такие сооружения не могли защитить от уничтожения, например, при военных походах хазар, когда разрушениям подверглись многие крупные населенные пункты в VIII–IX вв.¹⁰³, но вполне годились для защиты от грабителей, всегда сопутствующих нестабильной ситуации. Для поселений данного периода также характерно строительство примитивных убежищ и отток населения в труднодоступные горные районы. Параллельно фиксируется временный упадок экономики и регресс культуры. Даже отдельные церкви создаются в естественных пещерах, отличаются скромными размерами и «архитектурным убожеством»¹⁰⁴. В то же время, по примеру Византии, раннесредневековые монастыри создаются в густонаселенных местностях. Причинами этому являются стремление к безопасности, возможности активной проповеднической деятельности, экономические интересы. Соседство с крупными населенными пунктами позволяло регулярно получать доход в виде платы за различные требы, с торговли и промыслов, развивать сельскохозяйственное производство¹⁰⁵.

Решения поместного Константинопольского собора 842 г. под председательством патриарха – иконопочитателя Мефодия – и последующая иконопочитательская ориентация императора Михаила III положили конец иконоборческой политике. Это благоприятно сказалось на авторитете церкви. При активной поддержке императорской власти монастыри восстанавливают свое влияние. Они расширяют земельные владения, превращаясь постепенно в коллективных феодалов, которые, наряду с собственными доходами, получали еще и солемнии – дополнительные выплаты от государства. Монастырские владения интенсивно расширяются за счет императорских и частных пожертвований. Существенное влияние на рост монастырского землевладения оказала практика жалования земель, изъятых у общин или конфискованных государством класм¹⁰⁶. В конце X в. для населения был введен дополнительный налог в пользу церкви¹⁰⁷, а также практика передачи инокам права на взимание государственного налога с крестьян не подвластных монастырю деревень¹⁰⁸. Перечисленные меры способствовали росту числен-

ности и экономическому могуществу монастырей как в целом в Византии, так и на ее далеких окраинах.

Процесс феодализации монастырей в средневековой Таврике, вероятно, протекал так же, как и в Византии¹⁰⁹. Тем не менее, нестабильная социально-политическая ситуация на полуострове наложила отпечаток на судьбу монашества. В процессе хазаро-византийских конфликтов, последующего проникновения печенегов, походов древнерусских князей и разгрома Хазарского каганата население было вынуждено принимать меры к собственной безопасности, укрепляя поселения и возводя убежища.

Опираясь на выводы, изложенные в монографии В.Л. Мыца «Укрепления Таврики X–XV вв.»¹¹⁰, можно представить, что процесс феодализации на полуострове имел некоторые особенности. В годы нестабильности в первую очередь возрастает роль военных вождей. Выстроенные общинниками – стратиготами – небольшие, но достаточно надежные укрепления постепенно утрачивают значение убежищ для всего населения и становятся местом обитания военных предводителей и их дружин. Отсутствие жесткой централизованной власти и необходимость каждого вождя самостоятельно защищать интересы подконтрольного ему населения приводят к вытеснению восстановленных в период социально-политических конфликтов родоплеменных отношений и замене их феодальными. Аналогичные процессы затронули и монастыри, которые на рубеже IX–X вв. опоясываются оборонительными стенами. Они постепенно становятся владельцами определенных территорий, то есть коллективными феодалами, и играют роль религиозно-административных и хозяйственных центров принадлежащих либо зависимых от них сельских поселений¹¹¹. Примером этому служат церковно-феодальный комплекс IX–XV вв. на горе Бойка, огражденный оборонительными сооружениями, возведенными предположительно в IX–X вв.; крупный укрепленный монастырь X–XV вв. Качи-Кальон рядом с с. Баштановкой; монастыри X–XIII вв. на г. Панеа около Симеиза, Ай-Тодор – XIII–XV вв. и Ильяс-Кая – X–XIII вв.; монастыри X–XIII вв. на скале Пахкал-Кая и св. Иоанна около Ялты¹¹². В.Н. Даниленко упоминает

*Средневековый
монастырь Качи-Кальон*

также о наличии примитивных оборонительных сооружений в пещерном монастыре VIII–XV вв. Челтер-Коба¹¹³.

Однако так называемые монастырские оборонительные комплексы можно считать таковыми условно. Это, скорее, ограды, защищающие от разбойников. Межфеодальные конфликты для обитателей Таврики, при доминирующей численности населения христианского вероисповедания, не представляли опасности для монастырей, а противостояние немногочисленной братии при межгосударственных конфликтах или крупных набегах было просто нереальным.

К X в. христианство окончательно побеждает и закрепляется как ведущая религия на территории Прибрежного и Горного Крыма, заселенного в основном грекоязычным, готским и аланским населением. Об этом свидетельствует устройство христианских храмов не только в городах, но и в большинстве исследованных на сегодняшний день поселений¹¹⁴. Причем следует

*Качи-Кальон.
Алтарь пещерного храма*

отметить, что христианство активно проникает в среду тюркского населения¹¹⁵. В то же время пошатнувшееся влияние Византии в северных провинциях не стимулировало строительства новых обителей и развития монастырского хозяйства. Это отмечает в своих исследованиях и О.И. Домбровский¹¹⁶. Согласно его гипотезе, при разросшейся численности мелких феодальных владений на Южном берегу Крыма длительное время сохранялся теократический образ правления, сложившийся еще во времена епископа Иоанна Готского и его предшественников. Власть в данном регионе и в горной части Юго-Западного Крыма сосредоточивалась в руках епископов, бывших и духовными, и светскими правителями¹¹⁷. Лишь учреждение Херсонской фемы и объединение независимого населения Юго-Западной Таврики под эгидой Херсонеса способствовали некоторой стабилизации экономики и политической безопасности данного региона, противостоявшего агрессии хазар, восточных славян

и печенегов. Поэтому после X в. монастырская жизнь также сосредоточивается в этой же, наиболее безопасной зоне.

Однако период относительной стабильности оказался непродолжительным. Уже в XII в. арабский географ Идриси упоминает, что путь от Херсона до Ялты лежит в стране «куман», и население платило половцам дань¹¹⁸. Как отмечает в упомянутой монографии Ю.М. Могаричев¹¹⁹, до XIII–XIV вв. пещерные монастыри в Горном Крыму также не получили широкого распространения¹²⁰, и строительство большинства из них совпадает с возникновением княжества Феодоро. К ним он относит монастыри Челтер-Коба (XIV–XV вв. – ?), Челтер-Мармара (XII–XIII вв.), Шулдан (XIII–XIV вв.), часть монастырских комплексов Инкермана (XIV–XV вв.), Успенский монастырь, четыре комплекса на Мангупе¹²¹, монастырь в районе южных ворот Чуфут-Кале и скит с храмом «Донаторов» близ Эски-Кермена. Сомнителен, с нашей точки зрения, тезис о том, что развитию монастырей в Горной Таврике способствовали политическая и экономическая ситуации. Если вторжение сельджуков в 1222 г. и татаро-монголов под предводительством темников Джебе и Субедея в 1223 г. затронуло только Восточный Крым, то со второй половины XIII в. татары совершали набеги не только в юго-восточные районы, но и в юго-западные. Междоусобные конфликты в Золотой Орде привели к известному набегу в 1299 г. темника Ногая, разорившего многие города и поселения полуострова. В это же время в прибрежных районах активизировалась борьба генуэзцев с княжеством Феодоро. Даже перечисленные события явно противоречат тезису о политической стабильности. Конечно, нельзя представлять жизнь местного населения как бесконечное участие в войнах. Были, бесспорно, и длительные периоды относительного затишья.

Касаясь причин концентрации монастырей на территории Южного и Горного Крыма, в первую очередь надо отметить: доминирующее христианское вероисповедание среди населения; малодоступность данного региона и его естественную защищенность от набегов кочевников; активное развитие феодальных отношений, что позволяло получать поддержку от местных владельцев; возможность в отдельных долинах иметь существ-

*Мангун.
Монастырский пещерный
комплекс «Барабан-Коба»*

венную земельную собственность. Кроме того, в поздний период монастыри концентрировались в пределах государства Феодоро, князя и население которого традиционно придерживались православного вероисповедания, что на фоне язычества, активного утверждения ислама, а в генуэзских колониях – влияния римской церкви имело решающее значение.

Надо отметить, что в Крыму имелся еще один регион концентрации православных монастырей с центром в Судаке. Христианство, доминировавшее здесь еще с периода иконоборчества, не утратило своего влияния и в X–XIV вв. В Восточном Крыму вторжение волн кочевников, бесспорно, оказывало серьезное влияние на этнический состав населения, и, кроме того, здесь византийские позиции не были настолько сильны, как в Херсоне. Но в то же время развитие крупного торгового центра средневековья, связывающего страны Средиземноморья с кочевыми народами Северного Причерноморья, Средней Азией и Русью, предоставление Византией льготных условий для торговли Генуе согласно договору 1169 г. способствовали не только

интенсивному развитию этого региона, но и распространению христианства. К сожалению, в отличие от Южного и Юго-Западного Крыма этот регион слабо исследован в археологическом отношении, однако даже имеющиеся сведения говорят о наличии здесь мощного религиозного центра епархии¹²².

В настоящее время в непосредственной близости к древнему городу нами исследован монастырь VIII–XIV вв. на горе Перчем¹²³. Во время археологических разведок нами там же были обнаружены еще две обители. К сожалению, И.А. Баранов не успел завершить исследования крупного монастыря указанного периода на мысе Димитраки¹²⁴. По ряду субъективных причин нам так же до настоящего времени не представилось возможности продолжить исследования указанных памятников в Судаке, завершить работы, начатые И.А. Барановым, и детально изучить монастыри, обнаруженные во время многолетних визуальных археологических разведок на той же горе Перчем, в Долине Роз, Анастасьевской балке, горе Ай-Георгий, с южной и восточной стороны горы Сокол, долине Кизил-Таш¹²⁵. В целом даже проведенные исследования свидетельствуют о большой концентрации культовых построек и монастырей как в самом Судаке, так и в его окрестностях. Причем православное духовенство и монастыри пользовались защитой консулов генуэзских колоний¹²⁶.

Что касается Боспорской епархии, то здесь, за редким исключением, исследования средневековых памятников христианства вообще не проводились. Раскопки монастыря на горе Сюрюю-Кая (Карадагский природный заповедник), по не зависящим от нас обстоятельствам, также пришлось прекратить, и дата его основания осталась невыясненной*. В то же время о наличии монашества на Боспоре свидетельствует текст на надгробной плите, найденной в 1884 г. в Партените. Вероятно, о памятнике авве Партенитского монастыря Никите, умершему в 906 (907) г., позаботился монах из Боспора. Надпись окан-

---

* В процессе проведения охранных археологических работ по исследованию Монастырской церкви на г. Сюрюю-Кая были изучены ограниченные площади на глубину до 0,5 м и установлена только верхняя дата культурного слоя – XV в.

Пещерный город Бакла

чивается словами: «Молись, отче, о сыне твоём Николае, монахе и пресвитере от Боспора, да помилует меня Бог»¹²⁷.

Итак, что же представляли собой монастыри X–XIV вв. в Таврике? Прежде всего необходимо отметить, что в Крыму сложилось два типа монастырей: крупные монастыри-феодалы, напоминающие, вероятно, аббатства и характерные для феодальной Западной Европы, и многочисленные мелкие киновии.

К первой группе монастырей можно с известной долей уверенности отнести только церковно-феодалные комплексы в урочище Бойка и на мысе Аю-Даг. Бойка (IX–XV вв.) представляет собой отдельный горный массив между истоками р. Бельбека и р. Коккозки. Защищенная площадь составляет 225 кв. км. Главенствующее положение занимает храм Спасителя на горе Сотере. Расположенные вокруг шесть поселений были объединены в замкнутый удел. Оборонительные сооружения Бойки представлены стенами, перегораживающими горные перевалы, двумя укреплениями на южной оконечности хребта Курушлюк и рвом, пересекавшим перешеек, соединявший Бойку с Ай-Петринской яйлой¹²⁸. Второй комплекс на мысе Аю-Даг (предположительно, монастырь св. Апостолов – VIII–XIV вв.)

расположен между поселками Партенит и Артеком. Возможно, он был основан еще Иоанном Готским. Периметр горы составляет до 30 км. На ее территории выявлены фундаменты нескольких церквей XII–XIV вв., следы поселений и оборонительный комплекс, состоящий из трех линий заградительных стен и укрепления на вершине горы¹²⁹.

Основная же группа монастырей Таврики представлена небольшими киновиями или скитами, насчитывавшими от 3 до 10–14 иноков. Киновитная форма пустынножительства была наиболее характерной для византийского православного монашества. Компактное расположение обитателей в средневековой Таврике (например, монастырские комплексы Мангупа, включая Челтер-Кобу, Челтер-Мармару и Шулдан, комплекс киновий в Инкермане и на горе Перчем под Судаком) дает основание предположить, что в средневековом Крыму практиковалось объединение нескольких киновий под управлением киновиярха (старшего аввы). Такая форма управления, как мы отмечали, сложилась еще при Пахомии Великом и получила широкое распространение на православном Востоке. Киновиярх был обязан наблюдать за жизнью в киновиях, представлять в своем лице высшую монастырскую власть. Обычно киновиярх был в сане архимандрита¹³⁰.

Средневековые киновии занимали сравнительно небольшие площади. Центральной постройкой в них был, как правило, однефный одноапсидный храм, сложенный из местного камня на известковом растворе или глине и не превышающий в длину 8–10 м. Алтарная часть отделялась от нефа предалтарной преградой. В ряде случаев вдоль стен нефа тянулись узкие каменные скамьи. Дверные проемы и окна в апсиде обычно имели перекрытие в виде арки и иногда украшались резными наличниками. Двускатная крыша наземных храмов чаще покрывалась черепицей-керамидой. В Горном Крыму помещение храма обычно высекалось в скальном известняковом грунте. Внутри храмов имелись фресковые росписи. Пол в наземных храмах выстилался сланцевыми плитами или плинфой. Вторым по площади помещением была трапезная. Однако в ряде мелких обителей она не встречается. Жилые помещения ограничивались одной общей или несколькими кельями.

Подробное описание типичной для большинства монастырей средневекового Крыма трапезной и кельи на примере монастыря Челтер-Коба представил В.Н. Даниленко¹³¹. В огражденных каменной оградой двориках располагались хозяйственные пристройки, винодельни, мастерские.

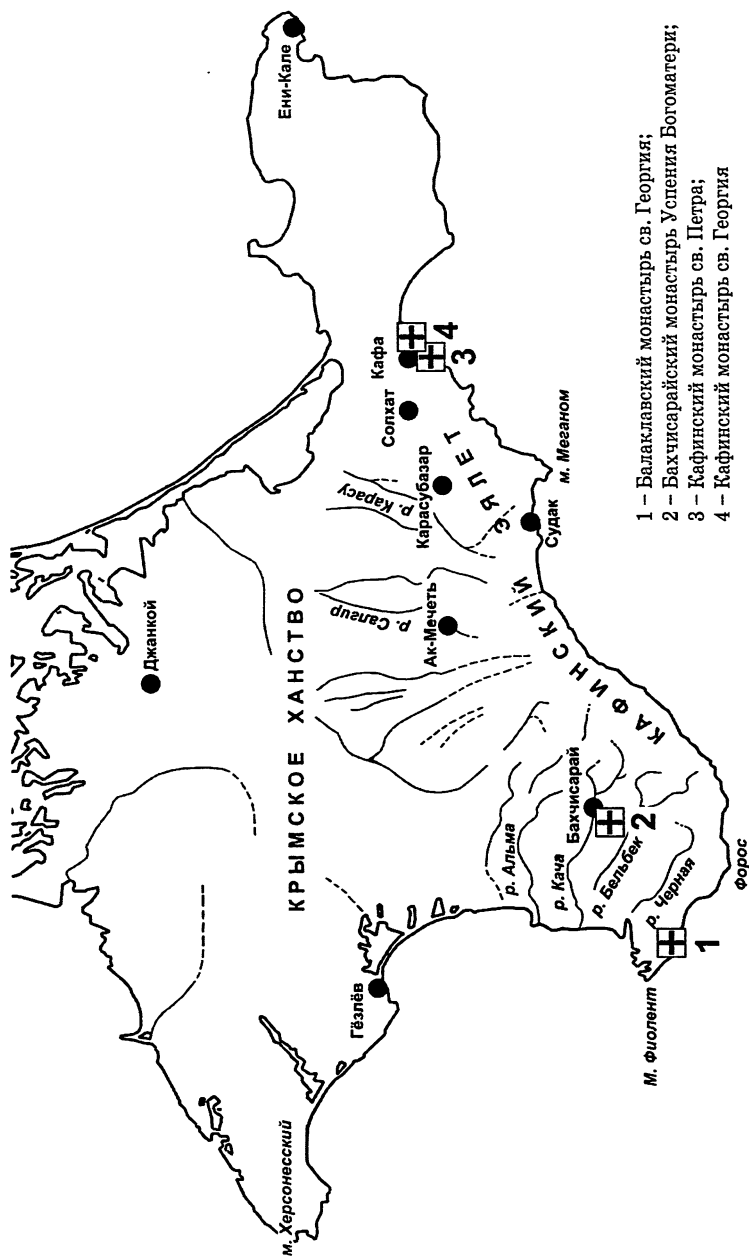
Интересно, что стремление разместиться в индивидуальной келье характерно для монастырской братии более позднего периода. В то же время ранние киновии, как, например, на г. Перчем-Кая, имеют одну общую келью, что напоминает раннюю форму общинножительства – келиотство, когда два-три инока объединялись в одной келье под управлением опытного старца.

2. Греко-православный период иночества

В XIII в. новая волна завоевателей вторглась в Таврику. В первую очередь их привлекал своим богатством один из крупнейших торговых центров средневековья Сугдея (Солдайя). В 1222 г. сельджуки во главе с Хусейном-аддином Чабаном разгромили половцев и захватили город. Сугдея признала васальную зависимость от султана Кейкобада и вынуждена была выплатить победителям крупную контрибуцию в пятьдесят тысяч динаров¹³². Город и округа были разграблены.

Второй удар по Восточному Крыму и Сугдее нанесли на следующий год татаро-монголы. Ослабленная предыдущим вторжением, разоренная Сугдея фактически не оказала сопротивления новым захватчикам. На страницах дошедшего до нас греческого синаксаря 27 января 6731 г. (1223 г.) была сделана запись: «В тот же день пришли впервые татары»¹³³. Арабский писатель Ибн-ал-Асир сообщает: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители разбрелись, некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море»¹³⁴. Тем не менее, кратковременность этих набегов позволила возродиться городу, а Южный и Юго-Западный Крым они вообще, вероятно, не затронули. Короткий период относительной стабильности завершился в 1238 г., когда орды татаро-монголов вторично нахлынули в Крым. «Разорили крепость [и храмы] св. Софию Сугдеи, и св. Стефана и св. Варвару...», – гласит запись в упомянутом синаксаре¹³⁵. Вероятно,

ГРЕЧЕСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ XVI–XVIII ВВ.

автор ограничился перечислением только основных разоренных святыниц христианства, не упоминая многочисленных мелких церквей и монастырей в пределах стен и округи. С этого момента татары окончательно утвердились в Крыму. Если первоначально они ограничивались набегами (только на Судак в течение 1308–1338 гг. их было совершено не менее пяти), то постепенно начался процесс оседания завоевателей на полуострове. Степной и Юго-Восточный Крым стал улусом Золотой Орды. Венецианские и генуэзские колонии оказались в положении данников. Здесь следует упомянуть весьма тенденциозную работу В.Е. Возгриня «Исторические судьбы крымских татар», в которой отношения между захватчиками и местным населением представляются как некая идиллия: «Местные жители примирились с верховенством татарских чиновников, исправно платили татарам торговые пошлины и другие дани, взамен получая почти полную свободу деятельности...»¹³⁶. Тогда непонятно, почему, согласно записи в синаксаре 27 апреля 1249 г., население Сугдеи праздновало освобождение от татар: «В тот же день очищено от татар все... и сосчитал севаст народ... и праздновал торжественно». Вероятно, еще не раз жителям крупного торгового центра приходилось сдаваться на милость победителей. Например, 8 августа 6830 г. (1322 г.) в синаксаре сделана запись: «Пришел Толактемир и апокрисиарий узбеков. Имя ему Карабулат. И взял Сугдею без войны, и сняли колокола все, и сломали иконы и кресты, и затворили ворота, и была скорбь, какова не была никогда»¹³⁷. В последующие годы консулы Сугдеи и подвластной им округи, вероятно, ограничивались выплатой дани. Во всяком случае, Гильом де Рубрук, начавший свое путешествие к татарам в Судаке, не упоминает о каких-либо золотоордынских наместниках в городе. Он встречался с лицами, заменявшими местных начальников – *capitaneos*, которые еще зимой отправились к Батью с данью¹³⁸.

Во второй половине XIV в. венецианцы окончательно вытесняются с прибрежной территории Генуеи, первоначально подерживавшей с татарами союзнические отношения, по крайней мере до тех пор, пока не столкнулись их политические и коммерческие интересы в прибрежной зоне и имелась возможность

разрешать конфликты путем договоров, как, например, в 1381 г. Вероятно, на короткий период в определенную зависимость от Генуи попадает и часть Горной Таврики¹³⁹, в «стране, именуемой Готия, но которую язычники называют Тат. Она населена греческими христианами...»¹⁴⁰. В этот период в горной части Юго-Западного Крыма отдельные феодальные уделы, еще не затронутые новыми завоевателями, объединяются в княжество Феодоро, населенное преимущественно христианами. В свою очередь, и золотоордынцы постепенно проникают в горные регионы. С Кафой ведет борьбу Джанибек, и, вероятно, во второй половине XIV в. крепость Кырк-ор попадает в непосредственную зависимость от татар¹⁴¹. В 1399 г. ряд населенных пунктов подвергся нападению Орды под предводительством Едигея. Тогда же пал и Херсон. Только утверждение в Крыму династии Гиреев, начавшийся процесс раскола Орды и отделения Крымского юрта, конфликты татар с генуэзцами в первой половине XV в. подтолкнули крымских татар к союзу с христианским княжеством Феодоро.

В создавшейся политической ситуации православное население и, естественно, монастыри по-прежнему концентрировались в двух основных регионах: в Горном Крыму – под покровительством княжества Феодоро и в прибрежной зоне (Юго-Восточный и Южнобережный Крым) – под протекторатом Генуи.

Первоначально вторжение татар в Крым действительно не вызвало каких-либо межконфессиональных проблем, а сокращение христианского населения было связано с военными действиями и сопутствующими грабежами.

Разноплеменное объединение кочевников, известное под термином «татары», в основной массе было языческим. Опираясь на Яссу Чингисхана, требовавшего уважать и бояться всех богов, чьи бы они ни были, завоеватели не относились враждебно к иным религиям. В Орде свободно отправлялись всякие богослужения, и сами ханы часто присутствовали при совершении христианских, магометанских, буддийских и иных обрядов¹⁴². Поэтому запустение некоторых церквей и монастырей в период набегов в первую очередь было связано не с борьбой против христианства, а с грабежами, сопровождающими, как правило,

любые военные действия, и оттоком местного христианского населения в более безопасные регионы. Более того, часть татар, осевших в Крыму, даже приняла христианство. Например, в упомянутом нами синаксаре упоминаются имена выкрещенных татар¹⁴³. Широкая исламизация населения началась только при хане Узбеке (1312–1342) и с захватом полуострова Османской империей в 1475 г. С этого момента ислам окончательно побеждает на полуострове. В то же время в Крымском ханстве, с учетом древних традиций, в некоторой степени сохранялась веротерпимость, во всяком случае, в отношении христиан и иудеев. Причем это не противоречило Корану: «Не одинаковы они, – среди обладателей писания есть община стойкая: они читают знамения Аллаха (Бога) в часы ночи, совершая поклонение» (Коран, 3:109). «Они веруют в Аллаха (Бога) и последний день, приказывают одобряемое и удерживают от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они праведники» (Коран, 3:110). В соответствии с шариатом, население подвластных территорий, исповедующее иную веру (верующие в единого Бога: христиане, иудеи), получают статус зимиев, которые ограничены в своих гражданских правах и платят поголовный налог джиз. Поэтому даже в фирмане турецкого султана Мустафы, данном митрополиту Крымской епархии Гедону несколько позднее, в 1757 г. (права, которые, судя по тексту, существовали ранее и подтверждались очередным султаном), мы читаем: «Подданных наших христиан без добровольного их желания к принятию магометанского закона не принуждать»¹⁴⁴.

По традиции ислама, в котором правовые и судебные вопросы были прерогативой священнослужителей, фирманом султана «христиане... пожалованы были в смотрение... митрополиту». Ему предоставлялось право суда над православными, беспрепятственного управления церковью и монастырями, сбор податей с православного населения. Впрочем, турецкие власти, судя по содержанию фирмана, заботились в основном о своевременном сборе установленных податей с христиан: «Посылаемым от митрополита поверенным людям для сбора казенных податей от епископов, иеромонахов, священников и прочих христиан, в присутственных местах начальникам делать

вспомоществование, подати же собираемые должны быть: за строение, за монастыри, за венчания и за прочие мелочи, за кои, по древнему обыкновению патриархи и митрополиты должны в казну нашу платить»¹⁴⁵. Из 39 пунктов фирмана более трети прямо или косвенно посвящены вопросам сбора государственных налогов и имущественным правам. Одновременно можно отметить, что первоначально, до захвата Крыма Турцией, были случаи, когда церковь даже получала материальную поддержку со стороны крымских ханов. Например, известно, что Хаджи-Девлет-Гирей жертвовал некоторые суммы Успенскому монастырю¹⁴⁶. Примером терпимого отношения к христианам было строительство православных греческих, армянских и католических церквей в Бахчисарае, не говоря о портовых городах, населенных первоначально в основном христианами.

Однако положение священнослужителей не было легким. Если фирман запрещал какие-либо притеснения в отношении митрополита, то это не распространялось на рядовых священников и монастыри. Священник воспринимался властями как народный распорядитель и представитель от христиан. Поэтому совершение преступления прихожанином расценивалось не иначе, как попустительство его духовного наставника. Причем если преступление совершалось против нехристианина или в спорном вопросе лишь одна сторона была представлена христианином, он не попадал под юрисдикцию митрополита, и дело рассматривалось в диване. Правительственные чиновники при объезде деревень останавливались обычно у священников, обязанных не только их содержать, но и платить за оказанную честь (тыш-парасы)¹⁴⁷. В целом положение покоренного христианского населения было далеко не благополучным. Даже турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, убежденный мусульманин, пишет: «Творец же Всевышний, благословение Аллаху, татар полуострова Крымского имеет под опекой своей, ибо сколько раз они ни обращались к Нему с молениями, всегда с его помощью победителями выходят, так что от их жестокостей вся земля гяурская стенает»¹⁴⁸.

Причем если к христианской церкви в целом, исключая крайние течения, отношение было терпимым, то к монашеству

учение Мухаммеда более категорично: «Потом Мы отправили по следам их Наших посланников и отправили вслед Ису, сына Марйам, и даровали ему Евангелие, и вложили в сердца тех, которые последовали за ним, кротость и милосердие, а монашество они изобрели; Мы им его не предписывали» (Коран, 58:27), «Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марйам... Они хотят затушить свет Аллаха своими устами...» (Коран, 9:31–32). С приходом турок многие монастыри прекратили существование. Митрополит Серафим, прося в 1637 г. у царя Михаила Федоровича пособие для церквей, указывает на притеснения, терпимые от татар¹⁴⁹. Ф. Хартахай связывает эти события с Балаклавским Георгиевским монастырем¹⁵⁰. Эвлия Челеби, скрупулезно описывая Крым по пути следования, указывает только на два греческих монастыря: в Инкермане и близ Бахчисарая (вероятно, имея в виду Успенский скит)¹⁵¹. О Георгиевском и двух Кафинских монастырях он мог и не знать, так как путь его лежал через Степной и Горный Крым. Странно то, что он указывает на монастырь в Инкермане, тогда как в своих записках священник Иаков, бывший в Крыму немногим раньше (1634–1635), описывает запустение в церквях и Инкерманской обители¹⁵². Таким образом, к периоду исхода христиан из Крыма в 1778 г.¹⁵³ на территории полуострова сохранилось не более четырех православных монастырей, подчиненных Константинопольскому патриархату: Георгиевский, Успенский и в Кафе – св. Петра и св. Георгия¹⁵⁴. Каймаканами в отчетах 1783 г. упоминается лишь об уцелевших 33 церквях и всего одном монастыре. По их сведениям, до исхода христиан в монастыре насчитывалось всего 3 инока¹⁵⁵. В любом случае, даже если эти сведения в два-три раза занижены, то по сравнению с 1518 действующими мечетями, упомянутыми в этом же источнике, цифра просто ничтожна, что говорит о плачевном положении христианства и ликвидации монашества на полуострове к середине XVIII в.

Период активной христианизации Таврики, начавшийся в IV–VIII вв. и достигший своего апогея в XII–XV вв., завершился почти полным искоренением христианства и утверждением ислама на полуострове в XVII–XVIII вв. Христианство, проникшее

в Крым из Византии, способствовало распространению греческой культуры. Наличие пяти епархий и сети монастырей, подчиненных Константинопольскому патриарху, свидетельствует о доминирующей роли на полуострове ортодоксального христианства. Православные монастыри, среди которых преобладали мелкие киновии, в основном концентрировались вокруг крупнейших центров в трех епархиях: Херсонской, Готской и Сугдейской, и, бесспорно, играли важную роль в экономическом развитии и политических событиях средневековой Таврики. Часть из них, основанная, вероятно, эмигрантами-иконопочитателями в VIII–X вв., длительное время строго придерживалась норм благочестия, воздержания и аскезы, в отличие от центральных областей империи. Жизнь на рубеже с языческим миром требовала своего рода религиозного подвига. Можно предположить, что в указанный период православные монастыри возникают в некоторой отдаленности от официального центра византийских провинций – Херсона, то есть там, где влияние иконоборцев было менее чувствительным.

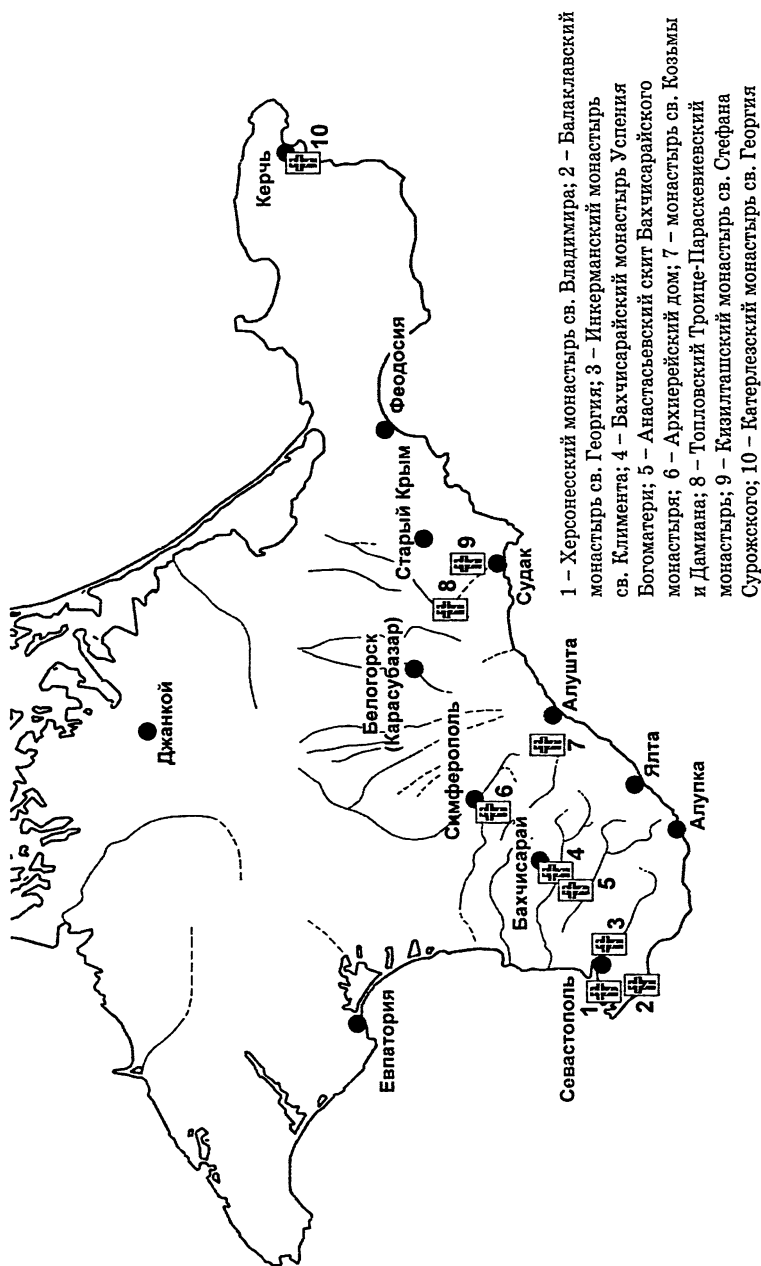
Политическая нестабильность и раннефеодальная раздробленность делали церковь и в частности монастыри связующими центрами политической, идеологической, социальной и экономической жизни населения. В то же время монастыри в хозяйственном отношении были замкнутыми, экономически независимыми хозяйствами, которые могли обеспечить братию всем необходимым. Процесс развития феодальных отношений со временем не обошел и обители. Начиная с X–XI вв. в отдельных регионах Крыма они становятся своего рода коллективными феодалами. Примечательно, что вторжение многочисленных кочевых племен, военная опасность, политическая и экономическая нестабильность, постоянные поборы завоевателей не вели к сокращению обителей и падению влияния церкви, а наоборот, способствовали концентрации вокруг них христианского местного населения вплоть до XV в. В свою очередь, монастыри создавались в регионах компактного проживания христиан, что обеспечивало их хозяйственное развитие и безопасность.

Однако в результате турецкой агрессии против Константинополя, а впоследствии – и против православного княжества

Феодоро и генуэзских торговых колоний Таврики, где ортодоксальное христианство уживалось с католицизмом, давление ислама, являвшегося государственной религией в Османской империи и вассально зависимом от нее Крымском ханстве, положило конец доминирующей роли христианства в Крыму и привело к резкому сокращению монашеских обителей. Завершился первый – византийский – период истории православных монастырей в Таврике. Из пяти епархий сохранилась лишь одна. Турецкое влияние в Крымском ханстве, постоянная борьба с соседними христианскими государствами, уничтожение на этапе военных вторжений и последующая ассимиляция части местного населения, смешанные браки и экономическое давление на «неверных» привели к необратимому процессу. На фоне сокращения численности христиан к концу XVIII в. на полуострове упоминается не более четырех монастырей.

Переселением части христианского населения в 1778 г. при поддержке российского правительства и выходом крымских священнослужителей из-под юрисдикции Константинопольской патриархии завершился второй – греко-православный – период истории христианской церкви на полуострове. Православным монастырям на крымской земле предстояло пережить новый этап возрождения, но теперь уже под эгидой Российской православной церкви.

РОССИЙСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ XVIII–XX ВВ.

ГЛАВА II

РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД ИНОЧЕСТВА

1. Возрождение православных обителей

Укрепление Крымского ханства и, соответственно, торжество ислама на полуострове свели христианство к религии меньшинства. Православная церковь была оттеснена и утратила свое доминирующее значение, достигнутое в период раннего средневековья. Мартин Броневский, совершивший два путешествия в Крым в конце XVII в., указывает на незначительное число православных христиан, проживающих в отдельных населенных пунктах¹. Он пишет, что от христиан-греков «осталась лишь одна тень их существования»². Ему вторит в 1634 г. священник Иаков, прибывший на полуостров с посольством царя Михаила Федоровича. Он также отмечает, что «от насилия татарского благочестие иссякло» и «многие христианские церкви разорены»³.

Физическое уничтожение местного населения на начальном этапе набегов, продажа детей-христиан в рабство, смешанные браки, правовые отношения шариата, ненависть и неприязнь к гяурам и иноверцам, пронизывающие содержание Корана, доминирующий язык, религиозные и экономические притеснения греческого православного населения⁴ говорят не столько о взаимообогащении культур, как утверждает В.Е. Возгрин⁵, сколько о поглощении христианской культуры азиатско-мусульманской. В этом процессе нет ничего удивительного, так как религия в любом государстве была идеологическим инструментом своего времени. Аналогично, например, шел процесс этно-религиозного

давления в католической Испании или в той же православной России в отношении покоренных народов Средней Азии или Сибири. При этом, бесспорно, какие-то народные традиции все же сохранялись в памяти омусульманенных потомков жителей Таврики. Тем не менее, остается фактом, что к XVII в. даже церковные книги составлялись греческим алфавитом, но на татарском языке⁶. «Греки-христиане, – отмечает М. Броневский, – живущие в некоторых деревнях, работают и возделывают поля, как невольники... христианские церкви уничтожены»⁷. Только специальные фирманы турецкого султана еще в некоторой степени защищали от расправы и унижения священнослужителей⁸. Однако гарантии защиты были весьма сомнительны. Как пишет в своем дневнике протоиерей Трифиллий, ближайший помощник Гот[ф]о-Кефайских митрополитов Гедсона и Игнатия, когда с последним он в 1771 г. прибыл в Крым: «От татар великих страхов мы натерпелись; прятались где могли, в домах и самих шкафах. Митрополита я скрывал в известных мне потаенных местах. А татары искали нас; если бы нашли, на куски изрезали бы»⁹.

Христианство в начале XVIII в., как считает Ф. Хартахай, едва «осталось в 60 селах на всем пространстве Крыма»¹⁰. Население, придерживающееся вероисповедания предков, было вынуждено платить повышенные налоги, им запрещалось строить церкви и устанавливать на них кресты¹¹.

Из четырех небольших православных обителей, сохранившихся к началу XVIII в., Успенский монастырь стал центром Готфо-Кефайской епархии и резиденцией митрополита. На общем фоне кажется странным, что уцелели Балаклавский Георгиевский и Бахчисарайский Успенский монастыри, расположенные вблизи столицы Крымского ханства. Вероятно, это стало возможным благодаря охранным фирманам султана, которые получали митрополиты. Но не исключено, что еще один фактор сыграл роль. Как утверждал монах Георгиевского монастыря Калинник, живший в монастыре еще в татарский период, «уважение татар к воде [подразумеваются священные источники. – Авт.] [были] причиною, что монастырь совсем не уничтожен, подобно другим святым местам в Крыму, а особливо

в последнее время перед тем, как Таврия присоединилась к России»¹².

Сегодня по-прежнему нет ясности в вопросе об исходе христиан в 1778 г.¹³ Ю.А. Катунин в работе «Таврическая епархия» ставит под сомнение тезис о том, что основными причинами вывода более 31 тысячи христиан из Крыма была попытка подрыва экономики Крымского ханства российскими властями и боязнь расправы над христианским населением со стороны мусульман. Он полагает, что одной из причин могло стать выведение епископии из-под юрисдикции Константинопольского патриарха¹⁴. Мы склонны придерживаться первоначального утверждения. В своих записках Мартин Броневский отмечает, что земледелием, торговлей и ремеслом в Крыму в основном занимались только невольники-христиане: венгерцы, русские, валахи, молдаване и пр., либо греки, которые жили и работали как невольники¹⁵. Таким образом, если учесть, что с захватом Крыма и последующим установлением российского протектората институт рабства на полуострове исчез, то выход немногих земледельцев, торговцев и ремесленников при экономических отношениях в XVIII в. означал катастрофу. С другой стороны, действительно существовала угроза расправы над христианами, которые в связи с экспансией России на юг могли рассматриваться мусульманским населением как потенциальные противники.

О преследованиях православных священнослужителей в 1772–1774 гг. крымскими властями и жителями-мусульманами упоминает протоиерей Трифиллий, едва спасшийся вместе с митрополитом¹⁶. Судя по источнику, нападениям подвергались не только священнослужители, но и рядовые христиане, например, в сожженном селении Русохать. Акты притеснения греческого христианского населения зафиксированы в 1770, 1772, 1774 гг.¹⁷ Возможно, вопросы епархиального подчинения и сыграли роль, но если учесть глобальные претензии Екатерины II на Константинополь в начале русско-турецкой войны, то вряд ли ее могла волновать эта проблема. Епархия в таком случае должна была перейти России вместе с Константинопольским патриархом¹⁸. Если целью Екатерины было окончательное

присоединение полуострова, то логичным было бы сохранить христианское население, на которое можно было бы опереться как на единоверцев.

Здесь в очередной раз хотелось бы вспомнить работу В.Е. Возгрин, в которой он отрицает применение рабского труда в ханстве по причине отсутствия источников (?), а переселение христиан представляет как акт насилия русского правительства над местным населением¹⁹. Необходимо вспомнить, что Шагин-Гирей за подданных христиан получил крупную компенсацию из российской казны в сумме 50 тыс. руб. Такая же сумма была выплачена родственникам хана, беям, мурзам и чиновникам²⁰. И совсем неясно, из каких источников В.Е. Возгрин почерпнул сведения о гибели половины переселенцев в пути. Если говорить о сокращении численности переселенцев, то это относится к последующему периоду их обустройства в Приазовье²¹. В рескрипте Румянцеву от 19 марта 1778 г. Екатерина II, касаясь вопроса о переселении в Новороссийскую и Азовскую губернии, писала, что там «под покровительством Нашим найдут они спокойнейшую жизнь и возможное благоденствие»²². Князю Потемкину и графу Румянцеву предписывалось принять все меры к обеспечению новых подданных продовольствием, снабжению их всем необходимым на местах, а также привилегиями.

После литургии в день Святой Пасхи 23 апреля 1778 г. в Успенском соборе митрополит Игнатий призвал христиан покинуть полуостров²³. Бесспорно, решение оставить родину предков не сразу было воспринято однозначно. Однако удовлетворение ряда чисто экономических условий, выдвинутых населением, решило проблему²⁴. Греческий митрополит Игнатий, армяно-григорианский архимандрит Петр Маргос и католический пастор Яков вручили А.В. Суворову «Постановление крымских христиан...», по которому они, с согласия и по доброй воле вступая во всероссийское подданство, готовы переселиться из Крыма в Азовскую губернию²⁵. Решение принималось добровольно, и массовый исход – свидетельство тому, что для основной части христианского населения Крыма опасение за жизнь оказалось сильнее привязанности к дому. При этом решение об эмиграции христиан не являлось сиюминутным, принятым

в угоду данному политическому моменту, как это часто представляют. Инициатива митрополита Игнатия была изложена задолго до указанных событий в письмах от 29 сентября 1771 г. Святейшему Синоду, а 8 декабря 1772 г. – непосредственно императрице Екатерине II²⁶. Процесс переселения проходил в несколько этапов с 25 июня по 30 сентября. Взяв с собой святые иконы, 31 тысяча христиан на 6 тысячах подвод покинула полуостров²⁷. Уже 18 сентября 1778 г. А.В. Суворов доносил о результатах акции, предоставив подробные ведомости²⁸. Сам же Игнатий покинул Крым 7 октября того же года²⁹.

Однако после исхода основной части христианского населения на полуострове еще оставалось 27 тысяч христиан различных конфессий, причем часть из них приняла впоследствии ислам³⁰. Трудно сказать, какими чувствами руководствовался последний крымский хан Шагин-Гирей, ставленник России: любовью к оставшимся подданным-христианам или демонстрировал свою преданность христианке-императрице, когда в 1781 г. заставил священника Спиранди возобновить службу в Успенском скиту³¹. Тем не менее, служба в Успенской церкви, превратившейся в приходскую, была возобновлена еще на 6 лет. В Георгиевском монастыре из трех монахов двое покинули полуостров и остался лишь старец Калинин, который многие годы в одиночестве присматривал за монастырем³².

После присоединения Крыма к России здесь едва тлели очаги христианской веры. По статистической ведомости, составленной для князя Потемкина, в 1783 г. в Крыму насчитывалось 80 православных церквей, в том числе только 33 неразрушенных³³. По отзыву барона Игельстрома, в том же году насчитывалась 71 церковь, в том числе 40 уцелевших, а по клировым ведомостям их осталось немногим более 20. В 1783 г. на полуострове проживало всего 27412 христиан³⁴.

После присоединения Крыма к России одновременно происходил обратный процесс переселения на полуостров подданных Российской империи. Восполнялись людские потери, связанные с переселением греков и частичной эмиграцией крымских татар в Турцию. Русские помещики или иностранцы, получившие земли от казны или купившие их за бесценок у местного

населения, были заинтересованы в привлечении опытных в земледелии крестьян, а также ремесленников. Вместе с переселенцами и солдатами число христиан возросло, и необходимо было обеспечить удовлетворение их духовных потребностей.

Однако Таврика на протяжении еще нескольких десятков лет входила в состав различных епархий: Славянской и Херсонской (1775–1786), Екатеринославской и Херсонской (1786–1799), Новороссийской и Днепровской (1799–1803), Екатеринославской и Таганрогской, позже – Екатеринославской, Херсонской и Таврической и, наконец, Херсонской и Одесской (с 1837 г.)³⁵. В этот же период, параллельно заселению полуострова христианским населением, медленно шел процесс восстановления и строительства новых храмов. Архиепископ Гавриил в «Хронологическом описании церквей епархии Херсонской и Таврической» перечисляет всего 34 церкви, отремонтированные или, чаще, вновь построенные на полуострове в период с 1779 по 1837 гг.³⁶ При этом о существовании православных монастырей вообще не упоминается. «Присоединение Крыма, – отмечает Г. Прошин, – не вызвало... оживления монастырской деятельности. Миссионерством в районах распространения ислама церковь занималась без особой надежды. Здесь, как и со старообрядничеством, успеха ждать не следовало»³⁷.

Чем объяснить столь скромный рост приходов в Крыму на фоне притока христианского населения, доминирующей позиции православной церкви в империи и, судя по законодательству³⁸, широких возможностей ее влияния? Даже значительно позже, в 1882 г., архиепископ Гермоген в отчете Святейшему Синоду говорит, что «многие русские... забыли свой язык..., соблюдают многие обычаи и праздники ислама»³⁹. Ему вторит протоирей А. Лебединцев: «Хотя татары, никем впрочем не гонимые, но по своим убеждениям, массами исходили из Крыма в Турцию, тем не менее справедливо сказать, что Крым, который мы в 1783 г. приобрели, был не христианский, а мусульманский. Нам предстояло вызвать в Крым новых христианских жителей, восстановить для них разрушенные или строить новые храмы, учреждать здесь новую христианскую епархию и новое церковное управление, кратко – восстановить и утвердить здесь

христианство»⁴⁰. На причины столь медленного возрождения христианства в Крыму в отчете Святейшему Синоду (1851 г.) указывал архиепископ Иннокентий. Он писал: «...кроме неупотребления со стороны православной церкви никаких к тому мер, — должно полагать, что по нынешнему Своду Законов для магометан гораздо выгоднее оставаться в мусульманстве, нежели переходить в христианство; ибо вместе с сим переходом он тотчас подвергается разным, новым для него повинностям, как-то: рекрутскому набору, платежу больших податей и проч. Достоинство господствующей веры, самая справедливая и здравая политика требовала бы устранить это препятствие, по крайней мере на столько, чтобы магометанин, по переходе в христианство, если не пользовался новыми правами, то сохранял бы прежние, хотя пожизненно. Если христианству отворить через сие дверь, толк очевидный, польза самого государства: ибо мусульманин доколе не войдет в храм, всегда будет обращать взор и сердце в Мекку и почитать иностранного Падишаха главою своей веры и всех правоверных мусульман»⁴¹. Эта цитата явно противоречит точке зрения В.Е. Возгрина, уверяющего, что крымские татары сразу после присоединения к России терпели бесконечные притеснения.

О заботливом отношении властей к крымским жителям мы читаем, например, в ордере князя Потемкина правителю Таврической области в 1787 г. Каховскому: «Новые подданные ни языка ни обычаев наших неведующие требуют всякой защиты и покровительства. Спокойствие и безопасность каждого должны быть предохранены, в таковом положении не вздумали бы они оставить земли отцов своих. Предпринимаемое некоторыми удаление из Тавриды, доказывает их неудовольствие. Войдите в причины оного и с твердостью исполните долг ваш, доставя удовлетворение обиженным. Ласкою и благоприятством привлекают сердца, но правосудие одно утверждает прямую доверенность»⁴². Аналогичные примеры мы встречаем и в более поздних источниках. Например, сохранилось письмо севастопольского градоначальника к благочинному монастырей Таврической епархии от 1888 г., в котором он обращается с просьбой «принять меры, чтобы татары ни в чем не встретили

препятствий в отправлении религиозного обряда... дабы противными действиями не возбудить среди татар нежелательного неудовольствия...»⁴³.

Только к середине XIX в., когда славянские народы стран Черноморского и Средиземноморского бассейнов начинают освобождаться от власти Порты и число прихожан православной церкви в Крыму достигло почти 500 тысяч⁴⁴, а также, вероятно, в связи с новой волной обострения отношений с мусульманской Турцией, начался активный процесс христианизации Таврики.

Возрождение православия в Крыму, воссоздание святых обителей было непосредственно связано с деятельностью архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия – одного из выдающихся церковных, политических и общественных деятелей России.

Иннокентий, Иван Алексеевич Борисов (1800–1857), родился в городе Ельце Орловской губернии в семье священника. Учился в Воронежской и Севской семинариях. В 1823 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью магистра и был назначен инспектором в Санкт-Петербургскую семинарию. Затем последовало назначение его ректором Александровского духовного училища. Со временем Иннокентий достиг степени доктора богословия. Был избран профессором Санкт-Петербургской духовной академии, где принял пострижение, а в 1826 г. он был возведен в сан архимандрита. В 1830 г. получил назначение на должность ректора и одновременно избран профессором Киевской академии. В 1841 г. удостоен сана епископа. Занимал кафедры в Вологде и Харькове. Жизненный путь завершил архиепископом Херсонским и Таврическим. Иннокентий являлся членом Святейшего Правительствующего Синода (с 1856 г.), почетным членом Императорской Российской, Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской духовных академий, императорских Московского, Санкт-Петербургского и Харьковского университетов, членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России и Вольного экономического общества, принимал активное участие в работе Императорского археологического и Русского

*Архиепископ
Херсонский
и Таврический
Иннокентий,
скончавшийся
в Одессе
26 мая 1857 года*

географического обществ, был ординарным академиком Императорской академии наук с 1841 г. Кавалер орденов: св. Александра Невского (1853 г.), св. Владимира 2-й степени (1835 г.), св. Анны 1-й степени (1839 г.), Греческого королевства Спасителя 1-й степени (1851 г.). Награжден драгоценным Императорским (1827 г.) и Алмазным крестами (1854 г.). Изпод его пера вышел и был опубликован ряд трудов: 10 томов богословских трудов, церковно-исторические сочинения «Жизнь апостола Павла», «Жизнь св. Киприана», «Последние дни земной жизни Иисуса Христа», «Начало христианства в Польше», «Памятник веры» и другие. Многие работы Иннокентия увидели свет только после его смерти, а часть до сих пор сохраняется в рукописях. Иннокентию удалось первым добиться отмены преподавания богословия на латыни, введения ряда новых учебных предметов, соответствующих уровню научного развития Западной Европы. В Киеве им основан еженедельник «Воскресное чтение». Иннокентий известен как прекрасный проповедник и оратор. Благодаря близким отношениям с обер-прокурором

Синода и многими архиереями, Иннокентий долгие годы оказывал заметное влияние на общий ход церковных дел в стране. Находясь во главе епархий, он много внимания уделял восстановлению старых памятников христианства и строительству новых. Благодаря его неутомимой деятельности и личным средствам, был основан ряд православных монастырей, включая и крымские. Большое мужество архиепископ проявил во время Крымской войны, ободряя и вдохновляя солдат и мирное население, утешая умирающих⁴⁵.

24 февраля 1848 г. архиепископ Иннокентий был переведен на Херсоно-Таврическую кафедру. Крымский полуостров оказался в центре его внимания и особого попечения. Посетив Тавриду и ознакомившись с памятниками христианской истории, состоянием дел православной церкви на полуострове, он отмечал: «Крым как будто создан для того, чтобы быть нашим русским Афоном. Ежели бы возобновить на горах его разрушенные храмы и монастыри и поселять в них по одному или по два таких монахов, которые желают уединения строже обыкновенного монастырского. Благоприятный воздух Крыма и разнородные плодоносные деревья, растущие дико в горах, как-то кизил, яблони, орехи, даже виноград, также годные в пищу овощи и корни, – все это чрезвычайно удобно для отшельника... При этом он мог бы сделаться истинным благотворителем своего соседства в этой малолюдной стране, где сообщения так неудобны. Он мог бы приобрести несколько медицинских сведений и посредством их сблизиться даже с магометанскою частью народонаселения, которое потом стало бы мало по малу внимать и духовным его наставлениям»⁴⁶. Одному из своих друзей Иннокентий писал: «Наши горы Таврические представляют редкую и совершенно удобную к иноческому подвижничеству [местность. – Авт.]. Если отшельников на Афоне привлекают горы подоблачные, безмолвные и удаленные от мятежа человеческого совершенно, близость моря беспредельного, благословенное обилие плодов земли, то всем этим, в том же совершенстве ущедрена от Господа и наша Таврида. Если Афон обилует священными памятниками и воспоминаниями, то и русский Афон, Таврида, не уступит в этом Афону греческому»⁴⁷.

Ознакомившись со средневековыми памятниками христианства в Крыму, архиепископ в проекте их восстановления указывал на цели, которыми он руководствовался: «Восстановление древних святых мест по горам Крымским в приличном виде без издержек со стороны казны, было бы делом весьма добрым во многих отношениях:

а) Этим поддержались бы особенно в глазах иноверцев честь веры христианской и русского правительства.

б) Сохранились бы от конечного разрушения места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещенного человека.

в) Образовались бы непременно средоточия такого благотворного действия веры христианской на окрестное население татар, и, кто знает, может быть приготовили бы постепенно сближение мусульман крымских с христианством.

г) Самим путешественникам по горам Крымским было бы приятно, вместо безгласных развалин, наводящих грусть и уныние, находить по местам пристанища, где бы вместе с телом мог почтить и дух»⁴⁸.

В своих проповедях архиепископ Иннокентий убеждал прихожан, что недостаточно собираться в священных местах только в праздничные дни на богомоления, а необходимо позаботиться о восстановлении памятников веры. В итоге 3 августа 1849 г. группа православных жителей Крыма обратилась с прошением «о восстановлении святых христианских памятников в Крыму, оставшихся в уничтожении и развалинах со времени владычества татар»⁴⁹.

Уже в ноябре 1849 г. Иннокентий обратился в Святейший Синод с предложением основать первоначально Бахчисарайский Успенский скит, а также киновии в разных местах Крыма, «чтимых издавна в народе по христианским воспоминаниям... дабы таким образом, сообразно природному устройству здешних мест, похожих на известную всему миру христианскую гору Афонскую, на горах Крымских со временем мог составиться наш русский Афон, в пристанище многим душам кои, ища безмолвия, оставляют отечество и текут в монастыри Афонские»⁵⁰. В числе памятников христианства в Крыму, где было бы

рационально основать киновии, Иннокентий называет древнюю церковь св. Анастасии в долине р. Качи; древнюю церковь в Инкермане, в долине р. Черной; урочище с источником св. Иоанна Предтечи, около деревни Комары; церковь св. Пророка Ильи в Козской долине; церковь св. Матвея в Судакской долине; церковь св. Георгия около г. Старый Крым; церковь св. Иоанна Предтечи с источником у горы Кизилташ; церковь св. Георгия с источником в урочище Катерлез около г. Керчи; источник Сувлук-Су святых Козьмы и Дамиана и урочище Топлы с источником св. Параскевы⁵¹. При этом Иннокентий намечал и занятия для будущих пустынножителей в Крыму. «Кто может, пусть занимается собранием исторических преданий и описанием древностей; другой пусть посвящает свободное время на писание святых икон; третий на собирание целебных трав и подание помощи болящим; четвертый на прием и путеводительство странников; пятый на разведение винограда, смоков и пр. и так далее. Не бесполезно, чтобы некоторые по крайней мере познакомились с языком татарским, дабы могли при случае вести речь с татарами»⁵².

Указом Святейшего Синода № 4141 от 4 мая 1850 г. было объявлено о последовавшем 15 апреля того же года императорском согласии на открытие Бахчисарайского скита и киновий. В синодальном указе сказано: «Святейший Синод... находит, что мысль о восстановлении и ознаменовании церковными учреждениями вышеупомянутых мест на Таврическом полуострове заслуживает полного одобрения, что равномерно заслуживает одобрения и предлагаемый способ восстановления оных учреждением в них малочисленных монашеских пустынножителей, так как сие соответствовало бы старинным благочестивым обычаям русского монашества, что таковое учреждение было бы в религиозно-нравственном отношении весьма полезно для страны, которая по малому своему населению и недоступности гор, имеет мало храмов Божьих, между тем как посещается временно и русскими и иностранцами, а постоянными жителями имеет магометан, к действию на которых предполагаемое учреждение откроет мирный и прямой путь и что наконец оно же... заменив мертвые и безгласные развалины,

наводящие грусть и уныние, священными пристанищами для путешественников, могло бы удовлетворить и нравственной потребности в пределах отечества тех людей, которые, по особенному расположению и подвижнической жизни, ищут себе приют в лучшем климате и в монашеском общежитии на Афоне, и, не находя там ожидаемого преуспевания в подвигах духовных, подвергаются соблазнам и внушениям иноземцев. По сим соображениям Святейший Синод полагает:

Предложение Херсонского епархиального начальства в общем смысле одобрить.

Разрешить сему начальству устроить на предположительном основании Успенский скит на скале близ Бахчисарая теперь же, а к учреждению прочих приступить постепенно, с тем, однако же, чтобы о каждом предварительно испрашивалось разрешение Святейшего Синода...»⁵³.

Заборами архиепископа Иннокентия и его последователей во второй половине XIX в. в Крыму были основаны первоклассный монастырь Херсонский Владимирский, Успенский Бахчисарайский скит, Инкерманская, Катерлезская, Кизилташская и Козьмо-Дамиановская киновии. Немногим ранее был восстановлен Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь, и в 1864 г. основан первый женский Топловский монастырь св. Параскевы. Причем Балаклавский Георгиевский монастырь также своим возрождением во многом был обязан Иннокентию, способствовавшему его благоустройству. Место же для Топловского монастыря было выбрано архиепископом во время его ознакомления с Таврическим полуостровом. Большинство обитателей возникло на месте древних памятников христианства, имело легендарное обоснование либо святыни, которые делали монастыри центрами поклонения богомольцев. Удивительные по красоте природные ландшафты Крыма, которые выбрал архиепископ, с источниками чистой воды и целебными природными условиями, с древних времен почитались местным населением. Доходы монастырей не ограничивались отшельнической скудостью. Иннокентию удалось добиться специальных императорских указов на выделение монастырям земли из государственных фондов. Он сам пожертвовал на их содержание 224 акции

Общества пароходства и торговли по Черному морю на сумму 50 тыс. рублей. На личные средства приобрел 150 десятин земли для Кизилташской киновии и выделил 8 тыс. рублей из сбережений на обустройство Успенского скита⁵⁴. Со временем монастыри расширили свои владения за счет дарений меценатами земельных угодий.

Анализируя процесс воссоздания христианских обителей в Крыму на фоне исторических событий, следует отметить, что в данном случае определенно преследовались религиозно-политические цели. В конце XVIII в. Россия, укрепшая в экономическом и военно-политическом отношениях после реформ Петра I и управления Екатерины II, столкнувшись с ослабленной Османской империей, чувствовала себя на южных рубежах достаточно уверенно. Политический авторитет и серия побед в ходе русско-турецких войн исключали всякую возможность отторжения Крымского полуострова, контролируемого новой администрацией и войсками. В такой ситуации (при преобладающем мусульманском населении) можно было позволить проводить политику заигрывания с местной национальной знатью и в целом с населением. Тактика отказа от национального притеснения обеспечивала беспрепятственное строительство флота, оборонительных рубежей и утверждение новых хозяев в Тавриде. Одновременно стратегия внешней политики, направленная на Балканские государства, требовала осторожного отношения к вопросам вероисповедания. Использование церкви как инструмента идеологического давления было преждевременным и, вероятно, не столь необходимым. В то же время и русское православие не видело особых перспектив на полуострове. Крым, население которого в целом исповедовало ислам и из которого было выселено большинство христиан – греков и армян, оказался мало восприимчив к христианским идеям. Почти 70 лет христианство на полуострове едва теплилось.

Однако к середине XIX в. ситуация изменилась. За истекший период окрепли местная администрация и помещичьи хозяйства. Вместо массово эмигрировавших в Турцию татар, полуостров заселялся русскими, украинцами, немцами. Здесь обосновываются эмигрировавшие болгары и греки. Таким

образом, в первой половине XIX в. этнический состав полуострова существенно изменился. Одновременно необходимо учесть, что Российская империя вновь вступала в полосу социально-экономического кризиса. Более того, ей противостояла теперь не только слабая Турция, а коалиция развитых государств, в которую вошли Англия и Франция. В обострившейся к началу 50-х гг. международной политической ситуации возникала вполне реальная опасность потери стратегически важного региона.

Поэтому не удивительно, что для укрепления России в Крыму использовались возможности всех институтов власти. Необходимо было подтвердить историческое право христианского государства на овладение причерноморскими землями. Доказать этническую близость местного населения к славянам было проблематично, поэтому мог использоваться лишь один фактор – религиозный. Отдавая дань уважения архиепископу Иннокентию, вступившему в управление епархией в наиболее критический политический момент, как патриоту своего Отечества, искренне верующему человеку, болевшему за распространение веры и воссоздание христианских святынь, следует отметить, что как политический деятель он четко определял место церкви, которая должна была сыграть существенную роль в закреплении Крыма за Россией. Он понимал, что в этой ситуации все идеологические силы должны были быть брошены на христианизацию края.

И. Палимпсестов в воспоминаниях об Иннокентии, характеризуя его взгляды на единство церкви и государства, писал: «Церковь составляет одно целое с государством, и тот, кто трудится для церкви, трудится и для государства. Пусть на Западе проповедуют свободную церковь в свободном государстве; но мы, русские, должны желать, чтобы у нас навсегда осталась самодержавная церковь в самодержавной власти и самодержавная власть в самодержавной церкви, как одно целое, взаимно «оскудевающая, восполняющее»⁵⁵. Сам архиепископ Иннокентий в письме к великому князю Константину Николаевичу от 26 июня 1852 г. писал: «Крым куплен ценою русской крови, не раз обливавшей его от Перекопа до Керчи, и, следовательно,

жители его, как побежденные, не имеют никаких прав на особые преимущества; ... на обращение татар к христианству никогда не было обращено ни малейшего внимания, хотя дело это первой важности не только в отношении к церкви, но и к государству...». Далее, изложив свои предложения по христианизации полуострова, архиепископ завершает: «...пером моим, как и сердцем, водит одна искренняя любовь к престолу и отечеству, для коих вера православная была и есть краеугольным камнем силы и величия, которого не могут затмить никакие искусственные контрфорсы самой оборотливой политики»⁵⁶. Во время своей проповеди при открытии храма св. Владимира он говорит: «Непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед; нет, это древнее и родовое достояние наше, это наследие еще св. Владимира. Здесь купель нашего крещения; здесь начало нашей священной истории и народных преданий»⁵⁷.

Наряду с восстановлением и открытием православных церквей монашество представляется как наиболее эффективный фактор, влияющий на распространение христианской веры среди населения полуострова. Как отмечал А. Ельчанинов, «живя в быте, православный ценит, как высший путь, назначенный для особых избранников – монастырь»⁵⁸. Основными задачами братии являлись миссионерская деятельность и восстановление древних памятников православной церкви, подтверждающих преемственность, а значит, право православного государства на Крым. Идея основания второго Афона – не что иное, как создание святыни для всех христиан Российской империи.

В такой ситуации исключительно важен был выбор места для новых обителей. Они, с одной стороны, должны были иметь древнюю историю и окружаться ореолом святости, что привлекало бы богомольцев. С другой – бесспорно, почитаться местным населением, что обеспечивало бы жизненность обителей и привлечение к ним внимания не только со стороны христиан, но и мусульман. Крымские монастыри возникают в местах, связанных легендами с именами святых, почитаемых православ-

ной церковью, либо около источников, имеющих издревле славу «целебных». В первом случае основанием является воссоздание святых мест, во втором – легенды о чудесном явлении святых икон. Несмотря на то, что «чудеса» при основании обителей в синодальный период уже не практиковались⁵⁹, в Крыму опыт XV–XVII вв. становится нормой.

Главное внимание уделяется средневековому Херсону как основному опорному пункту Византийской империи и, соответственно, византийской церкви, давшей учение Руси. Здесь, по легендам, в 988 г. принял крещение князь Владимир с дружиной, здесь и теперь была опора России – Севастополь и Черноморский флот. В «Житиях святых» захват византийского Херсона князем Владимиром представляется как единственное стремление «завоевать веру христианскую и принять ее рукою победителя»⁶⁰. Таким образом, принятие христианства Русью представляется не как акт миссионерства Константинопольской церкви и стремление князя Владимира получить международное признание, кровное родство, а значит, – равенство с императорами величайшего государства своего времени, а как «трофей» государства-победителя. Недаром на развалинах Херсонеса, о которых церковь не вспоминала почти 70 лет после присоединения Крыма, в первую очередь создается первоклассный штатный монастырь св. князя Владимира, пользующийся существенной материальной поддержкой казны и непосредственно царствующего дома Романовых. По своему материальному обеспечению он уступал только Таврическому архиерейскому дому. Здесь же, на месте предполагаемого крещения князя, строится и знаменитый собор св. Владимира.

В церковных описаниях крещения князя Владимира присутствуют и «чудеса». Основным условием брачного союза с порфирородной принцессой Анной являлось принятие язычником Владимиром христианской веры. Однако церковь трактует это событие по-иному. В «Житии» говорится о слепоте, поразившей князя, и совете Анны принять крещение как необходимое условие исцеления. После крещения Владимир прозрел: «Вот теперь впервые узрел я Бога истинного». По житию, принять крещение его заставило не условие договора с императором Василием,

а якобы божественное провидение. Таким образом, русская православная церковь, стараясь доказать свое превосходство и независимость от Византии, вступает в противоречие с историей. Если целью захвата Херсона был брачный союз и принятие христианства, то почему потребовалось уговаривать князя принять крещение после поразившей его слепоты, о которой исторические источники даже не упоминают? Здесь, вероятно, понятие духовной слепоты со временем трансформировалось в слепоту физиологическую.

Не менее важным памятником христианства становится и Инкерманская киновия, основанная на месте древнего пещерного монастыря. В «Житиях» говорится о ссылке императором Траяном в Инкерманские каменоломни в 90-х гг. третьего (или четвертого) епископа римской общины Климента. В окрестностях Херсонеса, по легендам, он застал уже до 2000 сосланных христиан либо крещенных ранее еще апостолом Андреем Первозванным. В «Житиях» упоминается и о том, что Климент вырубил здесь одну из церквей, молитвой «извел» источник воды и ежедневно крестил до 500 язычников. Благодаря его проповеднической деятельности в Таврике было построено 75 христианских церквей [либо создано общин. – *Авт.*]. За отказ отрешиться от своих убеждений Климент Римский был утоплен в море на рубеже II в., но ежегодно в месте его гибели море отступало и открывало мощи святого, творившие чудеса. Эти мощи были якобы вывезены в IX в. Константином Философом в Рим или, по другой версии, перенесены в IX в. в Херсонесский храм Двенадцати Апостолов, а их частицы – в Рим и Киев⁶¹.

Легенда о мученической кончине св. Климента Римского родилась в X в. и с тех пор неоднократно пересказывалась в многочисленных церковных изданиях, включая русские Четьи-Минеи, Месяцеслов и др.

Тем не менее, епископ Кесарии Палестинской Евсевий Памфил в книге «Церковная история» (325 г.), упоминает, что «в третий год царствования упомянутого императора [Траяна. – *Авт.*] Климент, епископ Римский, скончался, передав свое служение Эваресту. В течение девяти лет он возглавлял обучение Божественному слову»⁶². Ни о какой ссылке в Таврику или

о мученической кончине Климента не упоминается. Сказание о мученической смерти Климента Римского родилось, предположительно, в результате его отождествления с личностью Тита Флавия Климента. Во всяком случае, Ириней во II в. и другие древние авторы, перечисляющие преемников Климента и описывающие мученическую смерть некоторых из них, о подобных событиях, связанных с Климентом Римским не упоминают⁶³. Более того, фантастические цифры о массовом крещении в Таврике на рубеже I–II вв. абсолютно нереальны. 2 тыс. христиан и ежедневное крещение 500 человек при имеющейся на то время плотности населения должны были в считанные месяцы сделать Таврику христианской. Следов же хотя бы одного храма начала II в. археологами в Крыму пока не обнаружено. Таким образом, легенда о св. Клименте не только мало соответствует действительности, но и к Инкерманскому монастырю, равно как и ко всей Таврике, отношения не имеет.

Не менее «достоверны» и сказания о семи херсонесских святых-великомучениках – Василии, Ефрееме, Капитоне, Евгении, Ефери, Елпидии, Агафодоре. Из них только Еферий, скончавшийся, так и не доехав до Херсонеса, упоминается в источниках и является реально существовавшим лицом. Историчность остальных священномучеников, легенды о которых возникли не ранее VI в., пока остается сомнительной⁶⁴.

Прочие монастырские сказания связаны, как правило, с явлениями «чудесным образом» различных икон и целительными родниками.

Историю возникновения Бахчисарайского скита церковные источники обычно ведут от явления крымской Мариупольской чудотворной иконы Божьей Матери (Панагии). Существуют две легенды. В одной из них, записанной в XVII в., говорится, что в горах поселился кровожадный Змей, пожиравший людей и скот. Местные жители, вынужденные оставить свои жилища, молились Пресвятой Богородице о заступничестве. В одну из ночей увидели люди на скале икону Богородицы и горящую рядом свечу, а под ней – Змея мертвого, иссеченного. С тех пор жители вернулись в родные места, а христиане и даже мусульмане-татары стали приходить к этой скале и молиться иконе

Пресвятой Богородицы⁶⁵. Возможно, в этой легенде отразилась в художественной форме история набегов завоевателей, отождествляемых со Змеем, как это часто прослеживается в древнерусских сказаниях.

Вторая легенда говорит о том, что пастух одного местного топарха по имени Михаил увидел на скале икону Богоматери, а перед ней горящую свечу. По приказу топарха икона была перенесена в дом властителя, но утром она чудесным образом вновь оказалась на скале. Так повторилось несколько раз. После этого поняли, что в скале надо устроить христианский храм, куда и была помещена икона⁶⁶.

Источник св. Козьмы и Дамиана также имеет несколько легенд, обосновывающих его «чудесные» свойства. В одной из них говорится, что два брата-медика, практиковавшие в пригороде Рима, требовали за исцеление лишь одного – веры во Христа. В III в. они были сосланы в Таврику и обосновались у подножья Чатыр-Дага, где лечили больных. Благодаря их молитвам здесь забили целебные ключи. Впоследствии лекари были вызваны в Рим, где и погибли⁶⁷. Однако каких-либо, даже церковных, источников, подтверждающих ссылку Козьмы и Дамиана в Таврику, не существует⁶⁸. Со временем эта легенда приобрела несколько иное содержание. В ней говорится о том, что во время турецкого владычества здесь практиковал врач-грек, имевший двух учеников – близнецов Козьму и Дамиана. Но ученики превзошли в умении своего учителя, и из ревности он убил обоих. Раскаявшийся убийца просил Бога, чтобы на месте гибели его жертв возникли родники как источники слез и чтобы вода этих источников лечила людей вместо убитых им Козьмы и Дамиана. После его долгих молитв забили два ключа с «чудесной» водой⁶⁹.

Третья легенда более прозаична и имеет много аналогов. В ней говорится о том, что старик-грек, задремав около источника, во сне увидел двух странников, напившихся воды из источника. Когда он проснулся, то возле дерева нашел икону с изображением увиденных им странников и надпись, что на ней изображены св. Козьма и Дамиан.

Аналогичны и легенды, связанные с источниками в Троице-Параскевиевском монастыре, Кизилташской и Катерлезской

киновиях. В трех случаях около источников были обнаружены иконы: в первом случае – св. Параскевы, во втором – Богоматери и в третьем – Георгия Победоносца⁷⁰. Эти легенды, в отличие от предыдущих, вообще возникли, вероятно, не ранее первой половины XIX в. Все монастырские источники почитаются верующими как «чудотворные». Такая привязанность легенд к «чудесному» появлению икон около источников, во-первых, оправдана исключительно бережным отношением местного населения к родникам в скудном влагой Крыму, а во-вторых, многие из горных источников полуострова издревле почитались местным населением не независимо от вероисповедания. Создание здесь монастырей и, соответственно, легенд, подчеркивающих то, что эти места отмечены божественным знаком, – естественный, апробированный для большинства русских обитателей, шаг.

Иначе обстояло дело с Балаклавским Георгиевским монастырем. Первоначально существовала только древнегреческая легенда об Ифигении. В ней говорилось о том, что перед походом на Троицу предводитель греческого флота Агамемнон ранил на охоте любимую лань богини Артемиды. Мстя, Посейдон разметал по морю суда греческого флота. По совету оракула, чтобы умиловить богов, Агамемнон должен был принести в жертву свою дочь Ифигению. Но в последний миг перед свершением обряда Артемиды заменила Ифигению ланью и унесла девушку в Таврику. Здесь, как искупительная жертва Артемиды, Ифигения почиталась как богиня храма Девы. По предположению некоторых авторов дореволюционной литературы, храм Девы находился на мысе Фиолент, однако археологических подтверждений эта гипотеза пока не получила.

Легенда об Ифигении была романтична и привлекательна для туристов, однако к монастырю явно не имела отношения. Необходимо было связать основание монастыря с каким-либо христианским чудом. И это «чудо» свершилось при игумене Никандре. Для обоснования 1000-летней даты образования монастыря появилась легенда о том, что в 891 г. шторм угрожал разбить о скалы мыса Фиолент греческое судно. Отчаявшись, моряки обратились с молитвой о спасении к св. Георгию. Внезапно явился на скале образ святого, шторм утих, а вышедшие

на берег моряки нашли на камне икону св. Георгия. Ее вынесли на берег, вырубили в скале пещерную церковь, и часть спасенных так и осталась в обители⁷¹. Бертье-Делагард в своей критической работе по поводу «многого тысячелетия» Георгиевского монастыря⁷² доказал несостоятельность как даты, так и легенды, о которой до Никандра никто из местных жителей никогда ранее не слышал, в письменных источниках она не упоминалась, да и сам монастырь возник через пять веков после указанных в легенде событий. Таким образом, если в приведенных выше случаях «явления» икон нам трудно определить, как и при каких обстоятельствах возникли легенды, то «явление» иконы в Георгиевском монастыре – наглядный пример откровенного вымысла.

Нам остается лишь констатировать, что в целом, по уже отработанной в православной России методике, монастырские легенды в Крыму возникли значительно позже описываемых событий, объясняли для верующих святость мест основания обителей, но, к сожалению, не могут быть использованы при научном анализе, так как не несут в себе какой-либо достоверной информации.

Прежде чем рассмотреть вопросы внутреннего устройства и правового положения православных монастырей, важно ознакомиться с краткой историей крымских обителей.

2. Херсонесский монастырь св. Владимира

После выхода уже упомянутого Указа Святейшего Синода 1850 г. по инициативе архиепископа Иннокентия на мысе Херсонес была основана общежительная киновия. В настоящее время это территория национального заповедника «Херсонес Таврический».

Первым настоятелем киновии стал игумен Василий (В. Юдин), выходец из донских казаков. Из биографических сведений известно, что в 1827 г. он окончил естественный факультет Московского университета и к пострижению пришел уже в зрелом возрасте после трагической смерти семьи. Около четырех лет Юдин провел в Афоне, откуда вернулся в сане иеромонаха⁷³. На пожертвованные благотворителями средства

*Херсонесский монастырь св. Владимира
(фото начала XX в.)*

и личные сбережения игумен Василий за два с половиной года построил малую каменную церковь и два небольших помещения для монахов. Большинство авторов утверждают, что первая монастырская церковь была основана в честь княгини Ольги. 23 февраля 1853 г. храм был освящен архимандритом Поликарпом, настоятелем Бахчисарайского скита⁷⁴. Однако группа авторов труда «Крым христианский», опираясь на материалы переписки Василия, предполагает, что первый храм был воздвигнут в честь св. князя Владимира⁷⁵.

Крымская война прервала жизнь Херсонесской киновии. На ее месте были установлены французская батарея и пороховые склады, территория перерыта окопами, а первая церковь и кельи разрушены⁷⁶. 29 апреля 1855 г. архиепископ Иннокентий в письме преосвященному Макарию с сожалением отмечал: «Двух скитов наших Херсонесского и Инкерманского как не бывало... Херсонесский, построенный едва не одними слезами, пошел на топливо у французов...»⁷⁷. После Крымской кампании игумен Василий отправился на Дон собрать пожертвования для восстановления киновии, но в 1856 г. трагически погиб⁷⁸.

*Херсонесский монастырь. Храм св. Владимира
(фото начала XX в.)*

Новым настоятелем монастыря был назначен игумен, впоследствии архимандрит, Евгений (И. Экштейн), а с апреля 1857 г. – игумен Анфим (Казимиров)⁷⁹. Скромный деревянный храм во имя семи херсонских святых-великомучеников и монастырские кельи были построены на средства севастопольских купцов Петра и Михаила Телятниковых. 30 апреля 1857 г. церковь была освящена архимандритом Геронтием, настоятелем Балаклавского монастыря. Через 3 года на месте деревянного храма был воздвигнут каменный, освященный 2 апреля 1861 г. таврическим епископом Алексием⁸⁰. Впоследствии в этом храме в небольшом ковчеге хранилась часть мощей кн. Владимира, пожалованных Александром II из малой церкви Зимнего Дворца 29 июня 1859 г. На ковчеге имелась надпись: «Десницею Всевышнего укреплен, идольскую прелесть отринул еси, славне, и святым Крещением просветятя, светом познания Христова Землю Русскую озарил еси»⁸¹.

В 1863 г. завершилось строительство настоятельского корпуса, созданного по проекту архитектора Вяткина. Домовая церковь Покрова Богоматери Корсуньской первоначально

находилась в северной части здания, но во время ремонта 1899 г. перенесена в центр. Она была освящена 14 июля 1863 г. Еще в 1857 г. архиепископ Иннокентий благословил возобновление киновии иконой Богоматери, а в 1861 г. она была подарена монастырю Александром II и императрицей Марией Александровной⁸². Что касается дара, то здесь, вероятно, речь идет о списке с иконы Богоматери Эфесской или Корсуньской⁸³.

В память крещения князя Владимира и окончания Крымской войны 15 июля 1858 г. из Севастопольского адмиралтейского собора в монастырь был совершен первый крестный ход⁸⁴. Еще по представлению адмирала Черноморского флота А.С. Грейга император Александр I планировал увековечить место крещения князя Владимира строительством храма на развалинах древнего Херсонеса⁸⁵. Однако собранные средства были направлены на постройку храма в честь князя Владимира непосредственно в Севастополе. С целью сохранения святых для России мест участок с развалинами Херсонеса по ходатайству архиепископа Иннокентия был передан из морского ведомства в епархиальное. Иннокентий планировал построить близ предполагаемого места крещения князя Владимира церковь с соблюдением всех 4 архитектурных особенностей византийских храмов XI в. В «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» он писал о Херсонесе, что здесь «надлежало быть и церкви, предполагаемой к постройке от лица всей России в память крещения Владимирова»⁸⁶.

Под руководством члена Одесского общества истории и древностей Н. Мурзакевича был составлен проект сооружения⁸⁷, однако его осуществлению помешала Крымская война. После ее окончания 10 февраля 1858 г. императором Александром Николаевичем было дано разрешение на строительство соборного храма в честь св. Владимира. Уже на следующий год был утвержден проект, разработанный архитектором Д.И. Гримом. Место для строительства храма подсказал археолог граф А.С. Уваров, предполагавший, что исследованная им базилика и есть соборный храм Рождества Божией Матери, в котором, по легенде, крестился князь Владимир. По предложению игумена Херсонесского монастыря возникла идея построить храм в два

Храм св. Владимира до реставрации

этажа, так, чтобы сохранить фундамент древней церкви⁸⁸. 18 августа 1859 г. был учрежден строительный комитет, а 23 августа 1861 г. император и его свита уложили первые каменные блоки, на которых члены царской семьи и сопровождавшие лица оставили по традиции золотые десятирублевые монеты⁸⁹. Одесское общество истории и древностей передало для престола из музея мраморную доску с византийскими крестами, найденную в 1845 г. в окрестностях Херсонесского монастыря. В 1867 г. великий князь Владимир Александрович принял на себя звание ктитора* храма. Подряд на строительство храма св. Владимира взял московский предприниматель Губонин. Деньги на отливку 111-пудового колокола пожертвовал монастырю Александр II. Колокольня была пристроена к настоятельскому корпусу.

В 1877 г. основные работы по строительству храма св. Владимира были завершены, но отсутствовали средства на внутреннюю отделку. Настоятель монастыря архимандрит Иннокентий

---

* Ктитор – строитель, создатель (греч.). В Византии храмы часто строились за средства частных лиц, которые приобретали по отношению к ним наследственное (ктиторное) право. Ктитор пользовался доходами с церкви и сам назначал настоятеля, которому выплачивал ругу. В XVII в. ктиторм в России называли старосту. Впоследствии данный термин трансформировался в понятие почетного светского покровителя храма.

Храм св. Владимира после реставрации

предпринял поездку в Санкт-Петербург с ходатайством о выделении денег. При поддержке обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева* казначейством было выделено 300 тыс. рублей с ежегодным ассигнованием еще по 100 тыс. рублей. В результате этого в 1891 г. удалось завершить внутреннюю отделку храма. К 900-летию крещения Руси был освящен нижний храм Рождества Богородицы; 17 октября 1891 г., в день спасения царской семьи при крушении поезда в Борках, архиепископом Мартинианом в присутствии обер-прокурора Синода и духовенства совершен ритуал освящения главного престола Владимирского собора⁹⁰ и в 1892 г. – храма в южном приделе. Эта величественная трехнефная базилика как бы подчеркивала древнюю неразрывную связь Таврики с народами, вышедшими из лона Киевской Руси, окончательное и бесповоротное возвращение христианской веры на полуостров. Историк Е.И. Кириченко отмечал, что византийский облик Херсонесского храма был символом и зримым подтверждением духовной, культурной и политической преемственности притязаний России на полное и нераздельное наследование величия «второго Рима»⁹¹.

---

* Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – известный юрист и государственный деятель. Сенатор (с 1868), член Государственного совета (с 1872), обер-прокурор Святейшего Синода (1880).

Кроме храмов и настоятельского корпуса с большим количеством келий, в течение десяти лет были выстроены также трапезная, монастырская гостиница, каретная, кузница и ряд подсобных помещений, а в конце XIX в. – два братских корпуса, баня, новая гостиница, дом эконома, посажены настоятельский и братский парки⁹². При строительстве монастыря не существовало специального единого проекта, и каждый настоятель на вырученные средства достраивал помещения в зависимости от материальных возможностей и вкуса. Поэтому не удивительно, что Е.Л. Марков, описывая достопримечательности Крыма в 70-х гг. XIX в., отмечал: «Монастырь неуютен, некрасив и не имеет никакой определенной физиономии... Его дворы и немногие церкви как-то оторваны друг от друга и будто еще не выкарабкались из тысячелетнего мусора, на котором возникли. Общее впечатление – неустройство и беспокойство... Палаты... значительно громаднее двух бедных церквей, построенных в первый раз на развалинах Херсонеса, еще при преосвященном Иннокентии. Но эти палаты... более похожи на французский замок, чем на греческий или русский монастырь... Храм Владимира, судя по плану и началу кладки, будет прост и величествен, вполне в русском стиле». Тут же он замечает, что «вокруг дома большая чистота и порядок; садик деятельно разводится кругом, у крылец оранжерейные растения в кадках, везде лак, блеск, парад...»⁹³.

Указом Святейшего Синода № 1611 от 11 апреля 1861 г. Херсонесская киновия «во внимание к историческому значению местности» была возведена в степень штатного первоклассного монастыря по окладу западных епархий⁹⁴. При монастыре предполагался такой штат: архимандрит, наместник, 8 иеромонахов, 4 иеродиакона, 3 монаха и 5 послушников. Однако численность и состав проживающих в обители постоянно менялись. В 1875 г. в монастыре проживали: архимандрит, наместник, казначей, 2 иеромонаха, духовник, 4 иеродиакона, монах и 8 послушников, то есть 19 человек⁹⁵; в декабре 1877 г. – архимандрит, 3 иеромонаха, 2 иеродиакона, 2 послушника, то есть 8 человек⁹⁶; в 1878 г. – 4 иеромонаха, 3 иеродиакона, монах, 6 послушников и один диакон на эпитимии, то есть всего

15 человек⁹⁷; в 1879 г. – 5 иеромонахов, 4 иеродиакона, 2 монаха и 2 послушника – 13 человек⁹⁸. В январе 1894 г. в монастыре состояли: настоятель – архимандрит, 4 иеромонаха, 3 иеродиакона, монах, 4 указных и 17 живущих на испытании послушников – 30 человек⁹⁹. В итоге численность братии в монастыре практически никогда не соответствовала учрежденному штату. В то же время мы не учитывали числящихся при монастыре наемных рабочих и светских лиц, временно проживающих в его стенах. Например, только в 1877 г. на 8 иноков приходилось 11 постоянно проживающих при монастыре рабочих¹⁰⁰.

Содержание церквей и монастырских построек на священном для христиан месте, непрекращающийся поток паломников и «высочайших» посетителей, а также содержание самой братии требовали солидных средств. Синодом ежегодно выделялось монастырю 4 085 руб.¹⁰¹, в том числе 3185 руб. по штату и 900 руб. – наемным служителям. Настоятелю монастыря ежегодно полагалось жалование 500 руб, наместнику – 120 руб., иеромонахам – по 40 руб., шести иеродиаконам – по 35 руб., монахам и послушникам – по 25 руб. Кроме того, на церковные потребности, ремонт отопления из казны отчислялось 750 руб.; на освещение, наем рабочих и прислуги – 500 руб.; на ведение документов и иные канцелярские, почтовые и аналогичные расходы – 200 руб.¹⁰²

В начале 70-х гг. XIX в. доходы монастыря от подаяний и продажи свечей не превышали нескольких десятков рублей в год¹⁰³ и даже в сумме со средствами, выделяемыми Синодом, не могли покрыть расходов. Поэтому активная хозяйственная деятельность и строжайшая экономия стали необходимостью. Монастырь завел племенной скот, не только обеспечивающий братию продуктами, но и позволяющий получать доход от торговли; плата поступала за места на монастырском кладбище и за аренду двух домов в Севастополе. Но основной доход обители приносили пожалованные и приобретенные земли. В целом за период с 1862 по 1868 гг. Херсонскому монастырю было пожаловано 2 498 десятин земли, из них 2 338 десятин в Мелитопольском и Бердянском уездах. Вместе с арендной платой за дома в Севастополе они приносили доход до 36 тыс. руб.¹⁰⁴

Постепенно прибыль монастыря настолько выросла, что с ним мог соперничать только архиерейский дом. Например, уже в 1894 г. годовой доход монастыря достиг 68 419 руб., из которых пожертвования составляли всего 0,6%¹⁰⁵; в 1915 г. – 81 933 руб., в 1916 г. – 94 281 руб. Крупные поступления позволяли содержать наемных работников и обслуживающий персонал, который состоял всего из двух человек в 1873 г. и вырос до 24 человек – в 1915 г., не считая поденных рабочих¹⁰⁶. Однако в начале XX в. доходы монастыря все же вновь перестали удовлетворять потребности. Дело в том, что с 1899 г. он был объявлен общежительным¹⁰⁷, и количество братии теперь не ограничивалось. В итоге число монашествующих к 1907 г. выросло до 158 человек, в том числе 25 послушников¹⁰⁸.

Рост численности проживающих в обители вновь вынудил братию заняться строительством. За счет сокращения площади было расширено число келий, а с 1896 г. началось строительство нового трехэтажного настоятельского дома. В целом к 1910 г. монастырский комплекс, исключая культовые постройки, состоял из трехэтажного настоятельского корпуса, двух гостиниц, двух братских корпусов, двух бань, трапезной, оранжереи и пяти мастерских. К 1916 г. была достроена новая трапезная. Однако в результате экономического и политического кризиса, вызванного Первой мировой войной и революциями 1917 г., начался процесс угасания монастыря. При последнем настоятеле – архимандрите Вениамине – в 1921 г. часть зданий была передана воинским частям и дому призрения инвалидов. Храм св. Владимира переходил к Севастопольской общине верующих прихожан, действовавшей до декабря 1925 г. Монастырь был закрыт окончательно в 1924 г., а здания, по мере освобождения, к 1927 г. окончательно переданы дирекции Херсонесских раскопок.

3. Балаклавский монастырь св. Георгия

Балаклавская обитель имеет более древнюю историю, чем Херсонесский монастырь. Она была основана около мыса Фиолент не ранее конца XIV–XV в.¹⁰⁹ Согласно гипотезе, высказанной В.Ф. Филиппенко, первые храмы и кельи Георгиевского монастыря могли быть построены изгнанными из Инкерманской обители монахами, сохранившими даже прежнее ее название – Георгия Победоносца¹¹⁰. Если в процессе последующих исследований это предположение найдет надежное подтверждение, то датой начала строительства Балаклавского монастыря можно считать XV в., а основание монастырской общины, в силу практиковавшейся преемственности, справедливо отнести к более раннему периоду.

Об истории Георгиевского монастыря до 1794 г. мы имеем очень скудные сведения, в связи с тем, что он принадлежал Константинопольскому патриархату и какие-либо документы этого периода в отечественных архивах не сохранились. Архимандрит Никон упоминал, что один французский аббат видел в 1855 г. документы Балаклавского Георгиевского монастыря в константинопольском патриаршем архиве¹¹¹. Однако Бертье-Делагард, проанализировав имеющиеся в его распоряжении источники, высказал сомнения в достоверности подобного свидетельства. Более того, он считал, что на раннем этапе монастырь был настолько убог и мал, что этих документов вообще могло не быть¹¹². Если архивы монастыря и имелись, то они, вероятно, сгорели в 1780 г. при пожаре в доме архиепископа Игнатия в Мариуполе или в груди так называемого «рукописного и печатного хлама», сожженного в монастыре самим архимандритом Никоном¹¹³. Все попытки Святейшего Синода в 1793 г. и Херсонской духовной консистории в 1839 г. собрать сведения об истории монастыря не увенчались успехом. Бывший игумен монастыря Анфим и монахи, эмигрировавшие в 1778 г. по призыву митрополита Игнатия, о древней истории монастыря сведений не имели. Только митрополит Агафангел, бывший настоятелем обители в 1839 г., ответил, ни на чем, впрочем, не основываясь, что монастырь якобы возник в период владения генуэзцами Херсонесом Таврическим¹¹⁴.

Балаклавский монастырь св. Георгия

Единственным ранним упоминанием о Балаклавском монастыре можно считать произведение уже упомянутого нами польского посла Броневского, в котором он пишет: «В том месте, откуда вытекает этот ручеек [предположительно речь идет об источнике в балке Юхарина. – *Авт.*], есть деревня, ни ничтожная; и неподалеку, на берегу моря, на каменистой горе, греческий монастырь. Там обычно празднуют ежегодно торжество св. Георгия благочестивые греки христиане, еще остающиеся в Тавриде, стекаясь многолюдным сборищем»¹¹⁵. Странно, что священник Иаков, оказавшийся в Крыму в 1634–1635 гг. и интересовавшийся положением христиан, даже не упоминает о Георгиевском монастыре¹¹⁶. К числу древних сообщений об обители относят грамоту 1598 г. царя Федора и Бориса Годунова о выдаче пособия четырем крымским церквям, в том числе «Егория Страсто-терпица», и письмо митрополита Серафима к великому князю Михаилу Федоровичу от 16 августа 1637 г.¹¹⁷ (если предположить, что речь идет именно о Балаклавском Георгиевском монастыре, а не о какой-нибудь иной церкви св. Геор-

гия). Прямо указывает на существование в 1771 г. монастыря только протоиерей Трифиллий¹¹⁸.

Остальные свидетельства относятся уже ко времени присоединения Крыма к России: путеводитель 1786 г., книга госпожи Гутри, публикации Чернявского, Палласа, Кларка, Сумарокова, Кастельно, Рельи, Измайлова, Венцеля, Броневского и ряда других¹¹⁹. Архимандрит Никон, перечисляя древности, сохранившиеся в монастыре, упоминает тестамент в кожаном переплете, датированный 1587 г., святой антиминс, датированный 1652 г., и большой омофор из архиерейского облачения, пожертвованный в 1664 г., два Евангелия, написанные древнегреческим языком в 1587 и 1604 гг., чиноположение литургии для диакона 1654 г. и ирмологий 1661 г., что косвенно подтверждает существование монастыря в XVI – первой половине XVII вв. Самой древней из находок в монастыре оказалась рукопись Евангелия XI в., предположительно попавшая в монастырь в 1783 г. из Керчи и едва не сожженная самим Никоном¹²⁰. Что касается картины на холсте с датой 15 мая 1081 г. и фрагмента колонны с надписью 1175 г.¹²¹, то, как отметил Бертье-Делагард, фрагмент колонны был сюда завезен с каких-то иных развалин, и год в XII в. должен был считаться от сотворения мира, а на холсте, скорее всего, надо читать 1801 г.¹²²

Возможно, в будущем археологические исследования и какие-либо письменные свидетельства раскроют страницы древней истории обители. Однако для нас важен уже тот факт, что Георгиевский монастырь действовал в период татаро-монгольского господства и фактически более 300 лет оставался одним из немногих центров православного христианства в Крымском ханстве.

После того как иноки оставили монастырь в 1778 г., за ним присматривал монах-отшельник Калинин, который в 118-летнем возрасте скончался в 1818 г. В конце XVIII в. началось возрождение обители. Уже в 1793 г. численность братии составляла девять человек (игумен, три иеромонаха, один иеродиакон и четыре монаха), а в 1796 г. – пять, причем все греки¹²³. В монастыре возобновились службы. Древнюю обитель стали посещать офицеры молодого Черноморского флота, военнослужащие и

*Балаклавский
монастырь.
Монахи и послушники
около храма
св. Георгия
(фото начала XX в.)*

чиновники. В 1794 г. монастырь был подчинен Святейшему Синоду, который 23 марта 1806 г. предложил императору сделать его базовым для флотских иеромонахов: «Севастопольский Георгиевский монастырь самое удобное место для определения им непрерывного пребывания, ибо оный состоит в десяти верстах от Севастополя, в месте изобилующем источниками хороших вод, виноградниками и фруктовыми садами и по этим отношениям весьма выгодным для монашества, в коем теперь находится один начальник и четыре монаха»¹²⁴. 23 марта 1806 г. был утвержден штат монастыря: настоятель, 5 монашествующих и 13 иеромонахов Черноморского флота. Однако в 1820 г. братии насчитывалось всего 11 человек, в 1822 г. – 5 чел.¹²⁵ 1 декабря 1833 г. штат черноморских иеромонахов был удвоен. В перерывах между плаваниями им предписывалось жить в монастыре, а сама обитель была взята на казенное содержание¹²⁶. Статус первоклассного монастыря обитель получила только в 1850 г. Флотские иеромонахи несли службу в экипажах Черноморского флота, участвовали в дальних морских походах,

*Балаклавский
монастырь.
Храм св. Георгия
(фото начала XX в.)*

служили в крепостях Сухум-кале и Геленджик, фортах Лазарева, Раевского, Вельяминова, в укреплениях Гагры, Святого Духа, Бомборы, в Пицунде, Троицком, Новаринском, Михайловском, Кабардинском, Николаевском, а также в гарнизонах Шапсухо и Новороссийска. Иеромонахи монастыря несли службу и в четырех госпитальных церквях Крыма. Однако после уничтожения флота в результате Крымской войны число братии вновь сократилось. В 1875 г. в монастыре проживали 13 человек¹²⁷, в 1883 г. – 10¹²⁸. Но в 1893 г. монастырская братия уже насчитывала 6 иеромонахов, 3 иеродиакона и до 40 послушников и рабочих¹²⁹.

История не сохранила имен первых настоятелей монастыря. В числе известных нам – греки, в основном имевшие высокий церковный сан: игумен Никодим (упоминается в 1791 г.), архиепископ Игнатий Реондажский (1794–1799), игумен Анфим (1792–1793; 1799–1806), архимандрит Дионисий Делограннати (1806–1808), архимандрит Евтахий (1808–1810), митрополит Хрисанф Новопатрский (1810), архиепископ Иаков Сидон

и митрополит Агафангел Типальдо (1824–1854), управлявший монастырем тридцать лет. С 1854 г. в Георгиевский монастырь назначаются настоятели из подданных России. Первым из них стал архимандрит Геронтий (1854–1860), на долю которого выпало пережить оккупацию англо-франко-турецкими войсками в период Крымской войны¹³⁰.

В первые полтора десятилетия после возрождения монастырь влачил жалкое существование. Небольшой каменный храм во имя св. Георгия, кельи и контрфорс, укреплявший террасу, были на грани разрушения. Игумен Анфим отмечал, что церковь и строения «едва способны помещать живущих»¹³¹. Древний храм, по свидетельству князя А.Н. Голицына, адмирала Ф.Ф. Ушакова, контр-адмирала П.В. Пустошкина и приглашенного архитектора, «был вовсе не способным к исправлению и близким к разрушению»¹³². Флотской комиссией было принято решение разобрать древний храм и поставить новый. Сметная стоимость церкви св. Георгия по проекту И. Дамошникова определялась в 23 844 руб. Средства на строительство храма были пожертвованы адмиралом Ф.Ф. Ушаковым, министром духовных дел князем А.Н. Голицыным, великим князем и будущим императором Николаем Павловичем, севастопольским купцом Кази и иеромонахом Ананиею¹³³. Судя по пожалованным суммам, должны были иметь место и иные поступления, но история не сохранила имен всех меценатов. После утверждения проекта Екатеринославской духовной консисторией контракт на строительство был заключен с турецкоподданным греком Иоакимом Панаиоти. Уже в сентябре 1809 г. планировалось завершить работы по строительству нового храма. Но фактически строительство церкви началось только в 1810 г. и завершилось в 1815 г.¹³⁴ Точные сведения об освящении храма не сохранились, однако, со слов архимандрита Никона, освящена она митрополитом Хрисанфом Новопатрским в присутствии князя Голицына. По предположению Бертье-Делагарда, это произошло в 1816 г. Причем до этого времени на территории монастыря еще сохранялась и древняя церковь, алтарная часть которой частично была вырублена в скале. После открытия новой церкви древний храм был полностью уничтожен и даже часть скалы

срезана¹³⁵. Дюбуа де Монпере пишет: «Недавно перестроенная церковь возбуждает сожаление о древней часовне, разрушенной для образования места новой»¹³⁶.

Архимандрит Никон и поздние авторы утверждают, что еще в 1779 г. две древние чудотворные иконы св. Георгия и образ Богоматери были вывезены из монастыря митрополитом Игнатием в Мариуполь¹³⁷. Однако архиепископ Гавриил, опирающийся в своем труде на подробные описания, сделанные по его требованию благочинными в 1836 г., вообще не упоминает о каких-либо чудотворных иконах, вывезенных греками, кроме иконы Пресвятой Богородицы из Успенского монастыря¹³⁸. Все иконы позднего происхождения, которые, возможно, были вывезены из Георгиевской обители, находились в церкви села Сартаны около Мариуполя. Икона же св. Георгия (XII–XIII вв.), установленная в Свято-Харлампиевской церкви, являлась семейной реликвией в роду Игнатия и никакого отношения к истории монастыря не имела¹³⁹.

В Севастопольском городском архиве сохранились впечатляющие сведения о богатстве нового убранства Георгиевского храма. Резной деревянный позолоченный иконостас был выполнен севастопольскими мастерами. «При нем наместные иконы: Спаситель благословляющий – живописной работы. На голове венец серебряный, лучи усыпаны стразами, на венце буквы О.Т.Н. усыпаны бирюзой, на грудях маленькая пряжка, золотая, усыпанная двумя камнями топазовыми, посредине бирюза, вокруг стразы. Божья мать живописной работы, с держащим в руках Младенцем, на голове два венца вместе, святые серебряные вызолоченные, лучи усыпаны стразами, посредине венца корона, усыпанная бирюзой и пятью рубинами. На короне у младенца буквы О.Н., усыпанные бирюзой, на правой руке у Божьей матери поруча серебряная вызолоченная, кругом обложенная бирюзой, а посредине один большой и восемь маленьких бриллиантовых камней. От южных дверей живописной работы семь Священномучеников в Херсонесе епископствовавших, сверху же их изображение Спасителя с венцом на голове серебряным вызолоченным, посредине митра, усыпанная бирюзой, рубинами и стразами. От северных дверей три святителя:

Николай, Спиридон и Митрофан, живописной работы. Сверху их изображение Спасителя с серебряным вызолоченным венцом. На нем буквы О.Т.Н., усыпанные стразами. На Святителях три венца серебряные вызолоченные, лучи усыпанные стразами. Посредине у двух Святителей Николая и Спиридона митры серебряные вызолоченные с насыпью стразами. Посредине на митре у Святителя Николая три камня рубина и две бирюзы, у Святого Спиридона – один рубин и звезда обложена стразами, а у Святого Митрофана – схима с восьмиконечным крестом усыпана бирюзой». В алтаре в золоченной раме находилась икона Св. Марии Магдалины. Над царскими воротами надпись: «Эрмоса, утверждения на тя надеющимся, утверди Господи церковь юже стяжалъ еси честною твоею кровию» была составлена из литых серебряных букв¹⁴⁰. Четыре иконы, украшенные бриллиантами и рубинами, обители подарил настоятель Агафангел Типальдо. Остальные принадлежат кисти новомосковского священника Никиты Бурянова. В 1901 и 1906 гг. реставрацию икон проводили мастер Михаил Зыбин и художник Богословский.

Масштабные строительные и ремонтные работы начались с назначением игуменом монастыря митрополита Агафангела Типальдо, который правил братией в течение 30 лет (до 1854 г.). Выходец из Греции, митрополит Агафангел занимал высшие церковные посты в Валахии, Молдавии, на о. Корфу и в Сирии. Находясь в эмиграции в Венеции, он познакомился с императором Александром I и его семьей. Обладая обширными познаниями, произвел на императора глубокое впечатление. Заслуги митрополита были впоследствии отмечены многими российскими и греческими наградами¹⁴¹. Несмотря на ряд достойных претендентов на вакантное место настоятеля Георгиевского монастыря, Александр I поручил обитель митрополиту Агафангелу, эмигрировавшему в Санкт-Петербург в 1824 г. Святейший Синод 6 августа определил его настоятелем (Указ от 31 мая 1826 г. № 4650). Агафангелу был установлен оклад в 2 тыс. руб. и единовременное пособие в 5 тыс. руб. Надо отметить, что персональный доход предшественников митрополита Агафангела был значительно скромнее. При учреждении штата монастыря жалование архимандриту было установлено всего 200 руб.¹⁴²

*Балаклавский монастырь св. Георгия.
Храм Воздвижения Креста Господня (фото начала XX в.)*

В 1825 г. новый настоятель монастыря приступил к своим обязанностям. Энергия, с которой он начал свою деятельность, и особое благоволение императорской семьи не замедлили сказаться на жизни обители. В этот период были построены два двухэтажных корпуса для братии (с 1837 по 1842 гг.), два одноэтажных корпуса для богомольцев (с 1847 по 1849 гг.), двухэтажная гостиница, конюшенный двор и ряд хозяйственных помещений. С именем митрополита Агафангела связывают строительство каменных контрфорсов (проект С. Дево), поддерживающих площадку монастыря, и фонтан с двумя источниками, на который пожертвовал средства купец Гуцин¹⁴³.

В этот же период по проекту инженера-поручика В.А. Рулева был сооружен еще один храм – Воздвижения Честного Креста, освященный в 1850 г. Средства на него собирались по всероссийской подписке. С назначением архиепископом Иннокентия,

*Балаклавский монастырь св. Георгия.
Братский корпус (фото начала XX в.)*

стремившегося к возрождению святых мест Тавриды, помощь в строительстве оказал Святейший Синод и епархиальное ведомство. Живописные работы в новом храме были выполнены академиком живописи Н.М. Алексеевым и живописцем Академии художеств Силиным¹⁴⁴.

Строительные работы в монастыре требовали огромных, по местным масштабам, средств. Большую помощь оказало флотское начальство. В частности, в 1835 г. адмирал М.П. Лазарев организовал сбор пожертвований в пользу монастыря среди флотских экипажей, способствовал реконструкции обители в 1839–1840 гг. Существенное значение имел и авторитет настоятеля¹⁴⁵. Георгиевский монастырь как духовный центр военного флота пользовался особым расположением царской семьи. Он неоднократно посещался Александром I, Николаем I, Александром II, Александром III, Николаем II и членами императорской семьи¹⁴⁶.

Частыми посетителями древней обители были известные деятели науки и культуры. В стенах монастыря побывали П.С. Паллас, И.М. Муравьев-Апостол, А.Л. Бертье-Делагард,

П.И. Сумароков, И.К. Айвазовский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов и многие другие.

Крымская война 1853–1856 гг. не обошла стороной монастырь. 14 сентября 1854 г. англичане захватили Балаклаву, и во время службы храмового праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня английские и французские военнослужащие вошли в святую обитель. Двадцать иеромонахов Черноморского флота в это время участвовали в героической 349-дневной обороне Севастополя. В обители осталось 17 человек во главе с настоятелем Геронтием. Плененным монахам запрещалось покидать монастырь, в котором они находились до конца кампании. Следует отдать должное завоевателям, что первоначально они с уважением отнеслись к христианской святыне. Монастырь не затронула волна разрушений и грабежей при вторжении союзников на полуостров. Главнокомандующий французской армией маршал Сен-Арно позаботился об охране монастыря. В приказе от 2 октября 1854 г. было сказано: «Монастырь Святого Георгия поставлен под покровительство союзных войск. Военным и всяким иным лицам, следующим за армиею, воспрещается входить туда насильно, тревожить каким бы то ни было путем его обитателей или нарушать права собственности»¹⁴⁷. Даже главнокомандующий турецкой армией Омер-Паша и его свита по требованию французской охраны при осмотре храма были вынуждены снять чалмы.

Гостиницы монастыря были использованы под госпиталь и для жилья чиновников, а один из корпусов – под телеграфную контору, из которой подводный кабель соединял главнокомандующих французской и английской армий с Варной, Синопом, Лондоном и Парижем. Не исключено, что особое внимание к охране обители было связано именно с устройством здесь узла связи. Все необходимое для жизни братии и службы доставлялось со складов французской армии за плату, о чем свидетельствуют приходно-расходные книги монастыря¹⁴⁸. И если первоначально захватчики даже, пусть и по произвольной цене, но все же оплачивали расходы, которые понесла община на их содержание, то, уходя из Крыма, союзники не забыли ограбить и монастырь. Все хозяйство обители было уничтожено¹⁴⁹. Виноградный

и фруктовые сады, строевой и дровяной лес были спилены и выкопаны с корнями. Взамен, как отмечает архимандрит Никон, оставили «несколько деревянных барачков и до двадцати лошадей заморенных»¹⁵⁰. Наиболее ценные древние иконы и вещи были похищены, и только часть из них – иконы святых Симеона Персидского, Анастасии Узорешительницы и Великомученицы Параскевы, а также миная – были через много лет выкуплены и возвращены обители флигель-адъютантом гвардии полковником Н.Н.Толстым и командующим эскадрой К.А. Авеланом.

Всю войну в Георгиевском монастыре шли службы, монахи молились за победу русского оружия. Несмотря на то, что присутствовавшие на литургии завоеватели соблюдали благочиние, уходили они со словами: «Это нас проклинают». По окончании войны все флотские иеромонахи и братья монастыря были награждены медалями «За защиту Севастополя», «В память войны 1853–1856 гг.» и специально учрежденной для духовенства наградой – наперсным крестом на Владимирской ленте «В память войны 1853–1856 гг.».

Еще одним ярким событием в истории Георгиевского монастыря было празднование так называемого «тысячелетия». Новый настоятель – игумен Никандр (Н. Чуватин), назначенный в 1890 г., развил активную деятельность по подготовке праздника, посвященного вымышленной дате¹⁵¹. Подробный научный критический анализ данного события впоследствии был дан Бертье-Делагардом в статье «К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря»¹⁵². Следует отдать должное Епархиальному управлению и непосредственно епископу Таврическому и Симферопольскому Мартиниану, также критически отнесшемуся к событию. В ответ на письма Никандра в официальные инстанции и частным лицам о древности обители, ему пришло сообщение из Таврической духовной консистории с резолюцией его преосвященства от 23 мая 1891 г.: «За отсутствием научных обоснований относить начало Георгиевского Балаклавского монастыря к 891 г., мною не будет испрашиваться благословения Св. Синода на празднование тысячелетнего существования оного монастыря и потому не будет составлено особенной программы для этого торжества, а будет только

совершенно архиерейское служение с крестным вокруг алтаря обители ходом по случаю храмового праздника Воздвижения Креста Господня в верхней кладбищенской церкви»¹⁵³. Не отказывая Никандру в проведении мероприятия, которое могло принести монастырю материальную поддержку, архиепископ, судя по всему, решил немного поумерить пыл настоятеля.

Но в обитель уже начали поступать пожертвования, и игумен развил активную подготовку к празднику. В первую очередь по проекту архитекторов Н.М. Чагина и В.А. Фельдмана на средства, пожертвованные А.А. Максимовым, была реконструирована «древняя пещерная церковь», которая также была вымышлена¹⁵⁴. Деревянный храм Рождества Христова, стоявший над ней, к 1893 г. был заменен на каменный. К сожалению, настоящая ранняя церковь в пещере, обнаруженная позднее при разбивке огорода на территории монастыря в 1908 г., была впоследствии вместе с несколькими кельям засыпана. Предварительно комплекс был исследован А.И. Маркевичем¹⁵⁵, который датировал его IX (?) веком. Возможно, дальнейшее археологическое изучение древностей монастыря позволило бы уточнить столь спорную дату и предоставить с учетом современных знаний новые сведения по ранней истории обители.

Кроме реконструкции, в процессе подготовки к празднованию были отремонтированы гостиница и кельи, заново вымощен двор, а к морю провели новую дорогу и построили лестницу в 800 ступеней. На скале Св. Явления, согласно новой легенде, был воздвигнут каменный крест с изображением Георгия Победоносца.

14 сентября 1891 г. состоялось торжественное богослужение, проведенное епископом Мартинианом. Икона Георгия Победоносца, привезенная на время праздника из Мариуполя, отныне с апреля по октябрь ежегодно передавалась в монастырь¹⁵⁶. Во время торжеств было решено построить новый соборный храм в память 1000-летия и в честь чудесного избавления наследника – цесаревича Николая Александровича – от опасности в Японии. По проекту архитектора Ларионова, на строительство храма требовалось не менее 70 тыс. руб.¹⁵⁷ За сбором средств Никандр отправился по губерниям Украины. К верующим обратились с воззванием собрать средства на новый храм

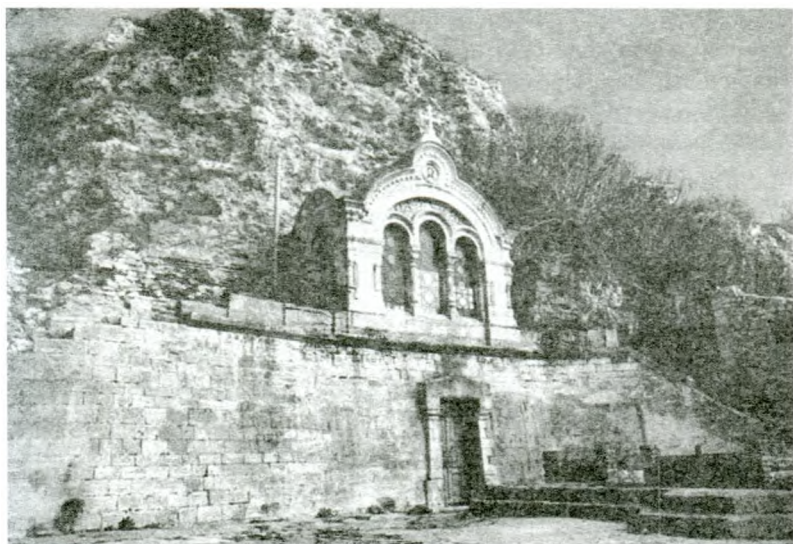
Вознесения Господня¹⁵⁸. Несмотря на усилия игумена Никандра, сбор средств шел медленно, и к 1892 г. было собрано всего чуть более 3 тыс. руб. Тем не менее, в 1898 г. была проведена торжественная закладка храма, в которой приняли участие император Николай II с супругой.

Однако после выявленных епархиальной комиссией недостатков акты самовольства игумена Никандра завершились его смещением в 1899 г. На его место был назначен игумен Филадельф. Необходимо добавить, что, кроме основных построек непосредственно в самом монастыре, на пожертвованных частными лицами подворьях в 1894 и 1898 гг. были освящены вновь выстроенные церкви и сооружена колокольня в Екатеринодаре, а в 1915 г. утвержден проект церкви в с. Большая Белозерка Мелитопольского уезда.

Балаклавский монастырь, как и Херсонесский, не имел единого проекта застройки и расширялся по мере поступления средств. Духовный центр Черноморского флота не отличался оригинальностью. На фоне изумительной по красоте природы стояла, по словам Е. Маркова, «неуклюжая колокольня, около нее длинные казармы... и на краю торчит самый прозаичный монастырь... все тот же солдатский ранжир и солдатское безвкусье...»¹⁵⁹. Однако не все посетители монастыря остались так разочарованы Георгиевской обителью. Например, А.С. Пушкин писал: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление»¹⁶⁰.

Земельные владения Георгиевского монастыря, по сравнению, например, с Херсонесским, были скромнее. Причиной этому является горная местность, в которой он располагался, и, вероятно, содержание монастыря военным ведомством, постоянная помощь Черноморского флота, что позволяло монастырю вести в целом безбедную жизнь.

Царскими указами от 18 декабря 1797 г. и 5 ноября 1817 гг. монастырь получил «земельные и рыбные» угодья общей площадью 904 десятины 440 сажень¹⁶¹. Ф.В. Ливанов в «Путеводителе по Крыму...», вышедшем в 1875 г., указывает, что в собственности монастыря имелось 934 десятины земли¹⁶². По данным архимандрита Никона, земельная собственность обители составляла в 1862 г. 931 десятину, причем большая ее часть

Балаклавский монастырь св. Георгия. Современный вид

складывалась из личных пожертвований. Он упоминает в числе дарителей командира греческого батальона полковника Цапония, пожертвовавшего 240 десятин, и иеромонаха Калининка, пожертвовавшего 44 десятины, адмирала Ф.Ф. Ушакова и вице-адмирала П.В. Пустошкина, которые, взамен выделенной монастырю земли, отвели местным грекам наделы в своих владениях. В 1805 г. все перечисленные земельные угодья были признаны комиссией, созданной по указанию министра внутренних дел, принадлежащими монастырю, а 5 ноября 1807 г. утверждены за ним специальным указом¹⁶³. В ноябре 1893 г. по предписанию управления госимущества Таврической губернии монастырю был выделен участок леса площадью 150 десятин. Однако из всей имеющейся земли братия использовала под пашни чуть более 8 десятин, под сенокосы – 5 десятин 2070 сажень; 2 десятины 1350 сажень занимали монастырские постройки, хутор, устроенный монахами в одной версте от обители, и сады, 6 десятин – дороги. Остальные земли, ввиду гористой местности, использовать под культурные насаждения было невозможно. В 1895 г. по императорскому указу в предместье Севастополя

для устройства подворья было выделено еще 200 сажень земли, где через два года был построен небольшой флигель и разбит фруктовый сад. Кроме того, как мы упоминали, с конца XIX в. земельные владения монастыря пополнились подворьями в г. Екатеринодаре и с. Большая Белозерка¹⁶⁴.

Большинство земель передавалось монашеской братией в аренду. Одним из наиболее крупных арендаторов монастырских угодий был Г.И. Апарин, организовавший серию дачных поселков на берегу моря.

На содержание монастыря из казны ежегодно выделялось 3 тыс. руб. Кроме того, монастырь получал доход – в среднем около 2 тыс. руб. в год – от аренды, процентов по вкладам, пожертвований, кружечного сбора, продажи свечей и просфор. Например, в 1894 г. эта сумма составила 1 866 руб. 24 коп., а общий годовой доход – более 10 тыс. руб.¹⁶⁵

В первом десятилетии XX в. экономическое благосостояние монастыря св. Георгия продолжало крепнуть. Однако Первая мировая война, революции и гражданская война круто изменили судьбу обители. Большая часть братии поддерживала Врангеля и участвовала в белогвардейском движении. После установления советской власти имущество монастыря было национализировано, и на его угодьях в июле 1922 г. создан совхоз «Георгиевский монастырь». В том же году церкви монастыря и ряд построек были переданы общине верующих, в число которых вошли и монахи, по-прежнему проживавшие в стенах обители. Во время изъятия драгоценностей в связи с голодом настоятель монастыря иеромонах Ипполит укрыл ряд наиболее ценных вещей, но был арестован в феврале 1923 г. и позднее осужден за хищение. Это событие ускорило решение судьбы обители. Весной 1923 г. все здания совхоза (бывшего монастыря) были переданы управлению курортов. Тем не менее, отдельные храмы еще действовали вплоть до 1925 г. В 1926 г. все церкви ввиду малого числа прихожан были окончательно закрыты. Наиболее пострадавший во время землетрясения 1927 г. храм св. Георгия был снесен как не подлежащий восстановлению. В настоящее время территория Георгиевского монастыря возвращена православной церкви.

4. Бахчисарайский монастырь Успения Богоматери

Успенский монастырь расположен в балке Марьям-Дере около города Бахчисарая. Время создания обители остается невыясненным, так как археологические исследования собственно монастыря не проводились. Можно согласиться с авторами краеведческой литературы, относящими возникновение памятника к VIII–X вв. и связывающими его с иконопочитательской эмиграцией¹⁶⁶. К этому времени указанный регион был заселен алано-готами и, в меньшей степени, греками, в основной массе исповедующими христианство, и представлял удобное место для поселения первых пустынножителей: с одной стороны, пограничье с языческим миром, требующим миссионерского труда проповедников, с другой – близость к торговым путям средневековья. Однако эта гипотеза требует археологического обоснования. Даже если в древности и существовали отдельные кельи на месте монастыря, то сам он как общежительная обитель возник, бесспорно, значительно позже. Более реальным нам представляется время XIV–XV вв. К XV в. основание монастыря относит и Бертье-Делагард¹⁶⁷.

Первоначально по данной территории проходила граница между генуэзскими колониями и владениями Золотой Орды. В середине XIV в. власть ордынцев распространяется на Кырк-ор, а в XV в. этот регион превращается в ставку Гиреев¹⁶⁸. В любом случае, монастырь возникает на рубеже расселения христианского и языческого (позже – мусульманского) населения. Близость к Бахчисарая и ханскому дворцу позволяла православным христианам, по-прежнему населявшим долину, и представителям посольств православных государств удовлетворять свои религиозные потребности. Недаром в конце XV в. Успенский монастырь становится резиденцией митрополита Готфо-Кефайской епархии, и рядом со столицей ханства утверждается центр православия в Крыму.

В XVI в. обитель известна под названием «монастырь Пречистой Богородицы на Салачике». Сведения о ней сохранились в грамотах Русского посольского приказа и воспоминаниях историков. В одном из таких документов 1628 г. записано: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея

*Панорама Бахчисарайского монастыря Успения Богоматери
(рисунок с хромолитографии 1901 г.)*

Руси холопы твои Степанко Тарбеев, Ивашко Басов челом бьют. Приезжали к нам холопам твоим на стан в Яшлов... из золотчиков [Салачиков. – Авт.] поп Онтон да поп Василий и привозили с собою к нам холопам твоим царя Бриса и сына его царевича Федора жалованную ружную грамоту за красною печатью, и говорили нам холопам твоим, что они молят Бога за тебя великого государя, и за всех благоверных князей; и мы холопы твои с той жалованной грамоты, списав список слово в слово, послали к тебе к государю, подклея под сие отписку, а подлинную грамоту отдали им назад; а списали, государь, с той грамоты и послали к тебе государю для того, чтоб про тую грамоту было ведомо».

В представленной царю копии с грамоты, датированной 1598 г., упомянуто, что еще ранее четыре православные церкви имели грамоту от царя Федора Ивановича, но утеряли ее. Далее читаем: «Мы великий государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всея Руси, Пречистые Богородицы, что

*Бахчисарайская (Мариупольская, Крымская, Панагия)
икона Божьей Матери. Реконструкция по хромолитографии 1869 г.
(Опубл.: Крымский Афон / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – С. 23)*

в Крыму и Салачике попа Онтон или хто по них у тех церквей попы вперед будут, пожаловали нашу царскую жалованную грамоту велели им дати за нашою царскою печатью, коли попы Онтон или иной который поп от тех храмов приедут к нам в наше государство к Москве и им нашего царского жалования велели есмы мы давати на престол ко Пречистой Богородицы в Салачик по пятнадцати рублев на год, а к Ивану Предтечию да Егорию Стратотерпцу да к Федору Стратилату, которые у тех храмов священники будут по пятнадцати рублев на год по пяти рублев к престолу и всего на все четыре престолы велели есмя давати нашего жалования руги тридцать рублев денег на год; а коли поп Онтон или Ивана Предтечи и от Егория Стратотерпца и от Федора Стратилата священники в котором году к Москве [не] придут... Мы... велим посылати в Крым с нашими посланники или с гонцы, коли лучитца от нас посылка в Крым. А ныне

пожаловали есмь велели дати наше руги попу Онтону на прошлые на три годы, на которые годы им нашего жалования руги не дано,... по расчету по прежнему нашему указу двадцать два рубля с полтиною, а к Ивану Предтечи и к Егорию Стратотерпцу и к Федору Стратилату наше жалование ругу на те прошлые на три годы велели есмь послати з гонцом нашим с Иваном с Лодыженским по прежнему на храм по двадцати по два рубли с полтиною; да с попом же Онтоном послали есмь к Пречистой Богородицы в Салачик да к архангелу Михаилу в новосуроженой храм да и храм же к Настасье Христовы мученицы три образы: образ Пречистые Богородицы да образа архангела Михаила да образ великие мученицы Настасьи да три свечи местные поставных...»¹⁶⁹.

Еще в одном старинном документе из Посольского приказа читаем: «Лета 7103 [1596] мая в 27 день по Государеву, Цареву и Великого Князя Федора Ивановича всея Руси указу, память боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому. Приехал к Государю, Царю и Великому Князю Федору Ивановичу и всея Руси из Крыму с крымскими гонцы, из монастыря от Пречистой из Салачика гречанин Пасхалий бити челом о милостыне, а на перед сего посылаю в тот монастырь к Пречистой в Салачике по Государевой жалованной Грамоте милостыню по пятнадцати рублей, а ныне вы бояре приговорили посылать в тот монастырь с гречанином Пасхалием пятнадцать же рублей денег, и боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому велети те деньги пятнадцать рублей прислать в посольский приказ к дьяку Василию Щелкалову, а из посольского приказа дьякон Василий Щелкалов велит те деньги отдать гречанину Пасхалию»¹⁷⁰. Еще одна просьба монастыря Пречистой Богородицы на Салачике об оказании материальной помощи относится к 1681 г.¹⁷¹ Об Успенском монастыре упоминается в Книге Большого Чертежа, то есть не позднее XVII в.¹⁷² Историк XVI в. Лызлов в своем труде «Скифская история» упоминает, что к покровительству Пресвятой Богоматери в Успенском монастыре обращался даже крымский хан, обещая в случае ее помощи в борьбе с врагами «знаменитое приношение и честь образу ее воздать»¹⁷³. Не исключено, что Лызлов мог неправильно истолковать иное предание,

связанное с турецким султаном Селимом I (годы правления 1512–1520), который являлся покровителем Сумельского монастыря, тоже с церковью Успения Богородицы¹⁷⁴. Обе легенды по содержанию совпадают, а если учесть, что Бахчисарайский монастырь, как предполагают, постоянно контактировал с братией Сумельской обители, более того, – был подобием Сумельского, и даже икона Богоматери является копией Малоазийской Путеводительницы, то есть имеет анатолийское происхождение, то вполне возможно, что по недоразумению Лызлов мог приписать Гиреям заслуги Селима I.

В путевых записках 1625 г., которые велись при русском посольстве в Крыму, упоминается, что по окончании дел у хана, перед возвращением, послы служили благодарственный молебен в с. Марьино, в Успенской скале¹⁷⁵. В письме князя Прозоровского к Румянцеву-Задунайскому от 31 мая 1777 г. сообщается о том, что около Бахчисарая с давних времен существует греческий монастырь в горе. Церковь, «которая хотя и была возобновлена, но все однако же в упадке», и архиерей, видевшись с ним, «открыл свое намерение, чтобы новую и уже порядочную построить»¹⁷⁶.

Заключительным этапом первого периода существования монастыря стали уже упомянутые нами события исхода христианского населения из Крыма. Именно здесь, в соборе обители, митрополит Игнатий в день Святой Пасхи 23 апреля 1778 г. предложил христианам покинуть полуостров.

После исхода христиан духовные требы в Крыму исполняли полковые священники расквартированной русской армии. Греческий священник Спиранди, прибывший в июне 1781 г. на полуостров из Анатолии по требованию крымского хана Шагин-Гирея, вынужден был начать службу для оставшихся на родине христиан в храме Успенского монастыря. Однако его жизнь была далека от благополучия. По воспоминаниям сына Спиранди, с отцом он вынужден был скрываться от преследования мусульманских фанатиков до 1783 г., пока русские войска вновь не вошли на полуостров и Крым был присоединен к России¹⁷⁷. В Бахчисарай и окрестные села стали возвращаться скрывавшиеся от преследований греки-христиане. Успенский храм

оставался единственным православным культовым помещением в округе. Кроме местных христиан, церковь посещали и солдаты русских полков, стоявших около Бахчисарая. Общими усилиями местных меценатов превратившийся в приходскую церковь монастырский храм был обеспечен всем необходимым и благоустроен: бахчисарайский комендант полковник Тотович передал в дар церкви иконостас; на средства военного губернатора Каховского были изготовлены царские двери; провинциальный секретарь и церковный староста Стефан Калига позаботился о расширении пещерного храма (что нанесло непоправимый ущерб храму как историко-архитектурному памятнику), который не вмещал всех желающих, построил лестницу и балконы; симферопольский купец Евстафий Савопуло устроил фонтан.

Однако после окончания строительства в 1800 г. соборной церкви в Бахчисарае и с переходом в нее священнослужителей жизнь в Успенском монастыре окончательно угасла. Заброшенный монастырь посещался лишь любителями древностей. Только раз в году, в день храмового праздника Успения Богоматери, древнюю обитель наполняли массы богомольцев. Опустевший Успенский скит посещался во время экскурсий императорами Александром I (1818, 1825), Николаем I (1817, 1837), наследником и будущим императором Александром II (1837 г.) и членами их семей¹⁷⁸.

Своим возрождением Бахчисарайский Успенский монастырь был обязан неутомимой деятельности архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. В синодальном указе 1850 г. было сказано:

«Первоначально основать скит на Успенской скале, с наименованием его Успенским; остальные же (киновии) основывать постепенно, по мере имеющих открыться к тому способов.

Образ жизни в сих скитах вести общежительный, по примеру пустынножительства св. горы Афонской, составив для сего особенный, применительно к местности, устав.

В Успенском ските, как головном месте пустынножительства, иметь настоятеля, усвоив ему звание игумена, или архимандрита, по усмотрению епархиального начальства; но прочим же, которые предполагается именовать киновиями, быть

*Бахчисарайский монастырь Успения Богоматери.
Общий вид (фото 1990-х гг.)*

начальникам старшим из монашествующих, с подчинением их первому для большего благоустройства.

Число монашествующих ограничить на первый раз: в Успенском ските, кроме настоятеля, семью, а в прочих – одним иеромонахом и двумя, или тремя послушниками в каждом.

Скиту и киновиям содержаться своими трудами и приношениями богомольцев, без всяких, со стороны казны, издержек»¹⁷⁹.

Как и предлагал Иннокентий, Успенскому скиту в синодальном указе было отведено первенствующее место среди будущих киновий нового Крымского Афона.

В преддверии открытия Успенского монастыря архиепископ Иннокентий 6 августа 1850 г. начал путешествие по святым местам Горной Таврики. Он посетил источник Козьмы и Дамиана у р. Альмы, источник св. Анастасии на р. Каче, древний монастырский комплекс в Инкермане и руины Херсонеса. 12 числа к полуночи архиепископ вернулся к источнику св. Анастасии, откуда в сопровождении архимандрита

и проводника пошел к Успенской скале через горы – путем богомольцев. 14 августа в г. Бахчисарай прибыл представитель Афона греческий митрополит и настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря Агафангел¹⁸⁰.

15 августа 1850 г. в торжественной обстановке, при большом стечении людей, был открыт Успенский скит. Так как пещерная церковь не могла вместить всех желающих, то начавшаяся в 17 часов всенощная служба совершалась в ней только монашествующими. Для всех же собравшихся на открытой площадке перед монастырем совершал всенощную митрополит Агафангел. Как отмечал современник, «бдение продолжалось и по заходе солнца и среди ночного мрака, освещенного только свечами богомольцев... Оно напоминало собрание первобытных христиан, которые для совершения молитв собирались среди пустынь и ущелий»¹⁸¹.

Утром от Бахчисарайского собора начался крестный ход. Собравшееся со всего Крыма духовенство возглавлял последний священнослужитель Успенского храма протоиерей Спиранди. Для благословения нового Успенского скита из Киево-Печерской лавры была привезена икона Успения Богоматери. По окончании литургии архиепископ Иннокентий, митрополит Агафангел и духовенство совершили молебствие на основание новой обители и водрузили крест. Перед собравшимися с проповедью выступил Иннокентий, который указал на святость данного места и благословил их. Обращаясь к пастве, он говорил: «Вопреки всем превратностям времени и обстоятельств, вы продолжали веровать и любить святую гору сию. И вот Господь услышал желание ваше: любимое вами место восстанавливается в древнем его святом чине и благолепии. Отныне, не во дни только настоящие как бывало прежде, а в продолжение целого года, вы посещая место сие, будете находить в нем не только молитву и богослужение, но и образ жития иноческого по чину святой горы Афонской... отныне, в пределах собственного отечества, среди наших гор, мы будем иметь утешение зреть подобие древнего Афона.

О, какое величественное и славное будущее предстоит горам нашим! Мне кажется, я вижу уже исполнение того, чему полагается теперь только единое начало! Вижу, как святой Владимир

паки посещает своим духом тот храм, в коем он принял крещение и веру не для себя токмо, а для всей России! Вижу, как святой Стефан Сурожский обретает место для своей паствы среди тех долин, кои напоял он струями здравого учения в дни зловерия иконоборческого; как семь святителей и священномучеников херсонесских, теперь едва не забытые, паки в храмах во имя их связуются духом с прежнею их паствою и начинают поучать ее житием своим; как первосвятители римские Климент и Мартин приходят на место своего заточения и трудов и находят его не в запустении, как теперь, а в лепоте богослужения в чине церковном...»¹⁸². После произнесенной речи Иннокентий благословил иноков обители иконой св. Митрофана.

Немногочисленная братия монастыря в первые годы состояла из семи человек, пришедших из различных мест Российской империи¹⁸³. Первым настоятелем монастыря был избран архимандрит Поликарп (Ф. Родкевич), родившийся в Каменец-Подольской губернии. Он воспитывался в Подольской семинарии, а в 1823 г. окончил курс Киевской духовной академии. Пострижение принял в 1824 г. Через год Поликарп достиг сана иеромонаха, а в 1829 г. – архимандрита. В 1834 г. он был назначен ректором Смоленской семинарии, а с 1843 г. служил настоятелем Российской посольской церкви в Афинах, путешествовал по монастырям Востока. В 1834 г. награжден орденом св. Анны 2-й степени. Настоятелем Успенского скита архимандрит Поликарп пробыл всего три года, но на него легли основные заботы по созданию и благоустройству монастыря¹⁸⁴. В последующем в XIX в. братию Успенского скита возглавляли: игумен Митрофан (с 1853 по 1854 гг.), архимандриты Вениамин (с 1854 по 1855 гг.), Николай (с 1854 по 1864 гг.), Дионисий (дважды – с 1864 по 1869 гг. и с 1877 по 1882 гг.), Михаил (с 1869 по 1871 гг.), Антоний (с 1873 по 1877 гг.), Исидор (с 1890 по 1900 гг.), иеромонахи Флавиан (дважды – с 1868 по 1869 и с 1871 по 1873 гг.), Евфимий (с 1883 по 1885 гг.), Герман (с 1885 по 1887 гг.) и игумен Андрей (с 1887 по 1890 гг.)¹⁸⁵.

Изначально монастырь имел только пещерный храм Успения Богоматери и три пещерные кельи, в которых разместились первые обитатели. После открытия обитель нуждалась фактически во всем, по словам Иннокентия, «от потира и облачения до

*Бахчисарайский монастырь Успения Богоматери.
Фресковая роспись над пещерным храмом: в центре –
икона Божьей Матери, по краям – изображения семи
Херсонесских святых (фото 1990-х гг., до реставрации)*

фимиама и свечи». Однако уже в следующем году Святейший Синод снабдил монастырь полным кругом богослужебных книг, а церкви Херсоно-Таврической епархии передали скиту необходимую утварь¹⁸⁶. Частные благотворители пожертвовали новый иконостас и два колокола в 58 и 12 пудов¹⁸⁷. На собранные средства была огорожена каменной стеной территория монастыря, расширена дорога, устроена лестница по утесу.

Отличительной особенностью Успенского скита от иных монастырей было наличие генерального плана застройки, разработанного в 1848 г. губернским архитектором по указанию Иннокентия и утвержденного Синодом. По этому плану предполагалось благоустроить церковь Успения Божьей Матери, не изменяя ее внешнего вида. На месте явления чудотворной иконы надстроить балконный выступ с кровлей, отреставрировать фресковые росписи и установить по сторонам неугасимые лампы. Наверху скалы предполагалось воздвигнуть небольшой храм в честь Воскресения Христова и соединить его

подземным переходом с внутренним храмом Успения и кельями. Там же планировалось устроить несколько помещений для братии, кладбище и фруктовый сад. Три старые пещерные кельи в скале требовалось переоборудовать в небольшие пещерные храмы, в том числе во имя всех святых Афонских с помещением в них икон и трехсоставного креста, присланного новой обители Успенской непосредственно с Афона. Под скалой, слева и справа от пещерного храма, планировалось соорудить ряд малых келий для низшей братии, а по скату скалы к северу вырубить келии для настоятеля и иеромонахов. Там же разместить монастырскую библиотеку и больницу. В балке над ручьем выстроить трапезную, поварню и фонтаны. При въезде в монастырь предполагалось построить гостиницу и бассейн для богомольцев, а на развалинах древней церкви соорудить часовню в честь св. Софии. Над источником, откуда была подведена вода к фонтану, намечалось также построить часовню. В скалах вдоль оврага для любителей пустынножительства и одиночества высечь кельи, окружить монастырские постройки фруктовым садом и бассейнами¹⁸⁸.

Однако время и материальные возможности внесли свои коррективы в строительную деятельность братии. К концу XIX в. в монастыре имелось пять храмов. Первый и центральный – в честь Успения Богоматери, вырубленный еще в древние времена в скале, был отремонтирован и отреставрирован. Со стороны обрыва к нему был пристроен балкон. В храм вела отремонтированная и расширенная лестница.

Под навесом скалы Успенского храма в 1857 г. устроена небольшая церковь, освященная во имя святых равноапостольных царей Константина и Елены. Храм сооружен на средства, пожертвованные дочерью симферопольского коллежского асессора Е.Д. Берковой. Ниже Успенского храма в 1879 г. была высечена небольшая церковь во имя св. Евангелиста Марка, устроенная на средства симферопольского чиновника М. Айвазова¹⁸⁹.

С левой стороны балки, рядом с братским и военным кладбищем погибших в Крымскую войну 1853–1856 гг., на пожертвования генерала Г.И. Перовского в 1875 г. была построена небольшая кладбищенская церковь во имя св. Георгия. В 1896 г.

на средства архиепископа Таврического и Симферопольского Мартиниана была выстроена еще одна, пятая, церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского¹⁹⁰, особо почитавшегося архиепископом Иннокентием.

Большинство реликвий Успенского скита было собрано в пещерном храме в честь Успения Богоматери. В их числе икона Успения Богоматери в серебряной ризе, пожертвованная монастырю бахчисарайским комендантом полковником Тотовичем. Она имела ряд золотых и серебряных привесок. Копия с иконы Богоматери «Панагии» в серебряной ризе, украшенной жемчугом и драгоценными камнями. Риза была пожертвована женой генерал-лейтенанта Мартынова Евдокией в 1856 г. Копия иконы Богоматери Киево-Печерской в серебряной вызолоченной ризе, присланная из Киево-Печерской лавры митрополитом Филаретом в день открытия скита на благословение. Перед этой иконой в храмовый праздник 15 августа служилось всенощное бдение. Икона Спасителя с 84 частицами святых мощей разных угодников Божьих, присланная в день открытия скита Корсунским Богородичным монастырем, и Крест, с изображением на нем распятого Иисуса Христа, выполненный из частей трех деревьев: кипариса, певки и кедра, с надписью на обратной стороне: «Прислан со Старого Афона Русскому Афону на благословение в день открытия 1850 года». На скале, на месте «явления» чудотворной иконы Божьей Матери «Панагии», роспись – образ Богоматери с Младенцем на правой руке. По сторонам от нее изображены два ангела и семь херсонесских священномучеников. Перед фресковой росписью находилась неугасимая лампада¹⁹¹.

Кроме культовых зданий, на пожертвования верующих в монастыре были построены небольшая колокольня (1850 г.), настоятельский дом (1862 г.), каменный трапезный корпус с кухней, пекарней и шестью братскими кельями, ряд хозяйственных помещений. К 1865 г. в скале было вырублено 16 келий и две пристроены. Их стены внутри были отделаны досками и вполне приспособлены для жизни монаха-пустынника. В 1867 г. было завершено строительство еще двух двухэтажных каменных корпусов, в том числе гостиницы, и ряда других зданий. При въезде устроены ворота с двумя кельями. На территории

*Бахчисарайский монастырь
Успения Богоматери.
Современный вид*

монастыря, не занятой постройками, был разбит фруктовый сад. В 1867 г. выстроена Гефсиманская часовня¹⁹². На территории скита имелись три фонтана. В 1896 г. был восстановлен древний подземный водопровод и около источника устроен каменный бассейн в виде часовни, увенчанной крестом. На его лицевой стороне была укреплена еще одна икона Успения Богоматери. Вода из источника и этого бассейна попадала в скит, где на средней площадке был устроен фонтан в виде каменной вазы. В середине фонтана укреплен медный крест, из которого била струя воды. Вазу окружал каменный полукупол, украшенный также иконой Успения Богоматери. Кроме того, фонтаны были устроены около гостиницы и трапезного корпуса¹⁹³.

Бахчисарайский Успенский монастырь II класса являлся заштатным и содержался за собственные средства. Численность братии, находящейся в обители, часто превышала первоклассные Херсонесский и Георгиевский монастыри. Например, уже в 1868 г. в скиту насчитывалось 9 монахов и 4 послушника (13 человек), в 1876 г. — архимандрит, 12 монахов и 3 послушника

(16 человек), в 1890 г. – архимандрит, 15 монахов и 12 послушников (28 человек), в 1891 г. (включая Симферопольское подворье и Анастасьевскую киновию) – 8 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 7 монахов и 40 послушников (60 человек), в 1894 г. – архимандрит, 20 монахов, 9 послушников и 21 – на испытании (51 человек). В 1904 г. численность братии составляла: 4 иеромонаха, 6 иеродиаконов, 11 монахов, 6 послушников и 19 – на испытании (46 человек) и в 1915 г. – общая численность составляла 30 человек¹⁹⁴.

По завещанию Г. Ховицкого в 1851 г. Успенскому скиту перешла домовая церковь в урочище Анастасьевка на берегу р. Качи. Церковь была освящена во имя св. Анастасии Узорешительницы (Фармаколитрии – греч.). В 180 метрах от нее находилась высеченная в скале церковь во имя святых мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. В 1888 г. эта церковь по благословению Таврического епископа Мартиниана была освящена и украшена иконостасом¹⁹⁵. Церковь св. Анастасии расположена около одноименного источника, который посещал во время паломничества по крымским святым местам архиепископ Иннокентий¹⁹⁶. Вероятно, о ней упоминается в одной из грамот царя Бориса Федоровича¹⁹⁷. В 1853 г. она была официально приписана к Успенскому скиту и в начале XX в. здесь была создана новая Анастасьевская киновия¹⁹⁸. Кроме того, в 1878 г. уже упомянутой госпожой Берковой Успенскому скиту был передан в дар дом в г. Симферополе, где впоследствии было основано бахчисарайское подворье с колокольной и церковью Введения Божьей Матери. Строительные работы завершились в 1872 г.¹⁹⁹

Первые земельные угодья Бахчисарайской обители были выделены еще по ходатайству Иннокентия: в ущелье и по оврагу 15 десятин и 17 десятин на поверхности скалы. 100 десятин вдоль р. Качи были пожертвованы надворным советником Кашкадамовым и купцом Гуциным²⁰⁰. Во время Крымской войны иноки приобрели еще два земельных участка у караима и татарина-муллы²⁰¹. К 1887 г. Бахчисарайскому скиту вместе с Анастасьевским подворьем принадлежало 332 десятины 1 233 сажень земли. Из них непосредственно к скиту примыкало 45 десятин и 2 033 сажени, в Анастасьевском подворье

270 десятин и 1 500 сажень с фруктовыми садами и виноградником²⁰². Доходы скита складывались из кошелевкового и кружечного сборов, денежных пожертвований, платы за сданную в аренду землю, выручки от продажи сельхозпродуктов, свечей и иных религиозных атрибутов.

Существенный доход приносили проценты с капитала. Только 27 акций общества пароходства и торговли по Черному морю, пожертвованные скиту архиепископом Иннокентием, ежегодно давали 550 руб. Доход со всего капитала ежегодно достигал более полутора тысяч рублей. В целом, например в 1894 г., доход монастыря составлял 12 173 руб.²⁰³

Следует упомянуть, что Успенский скит не обошла стороной Крымская война 1853–1856 гг. Здесь располагался госпиталь русской армии, под который была предоставлена часть зданий монастыря. Иноки молились и помогали ухаживать за многочисленными ранеными, поступавшими из-под Севастополя. Как напоминание о войне рядом с обителью сохранилось кладбище русских воинов. На нем была устроена небольшая церковь св. Георгия.

Монастырь пережил революцию 1917 г., братия активно поддерживала белогвардейское движение и в частности Врангеля. С установлением советской власти обитель была закрыта, имущество национализировано, и на ее территории создана трудовая колония имени Артема. Храмы монастыря, переданные первоначально общине верующих, уже в 1923 г. были окончательно закрыты. Большинство из них пришли в запустение, разрушились и были разобраны на стройматериалы после землетрясения 1927 г. Древние пещерные храмы и кельи вошли в комплекс памятников средневековья в Бахчисарае и регулярно посещались многочисленными туристами. С 1993 г. Успенский монастырь возродился и вновь стал местом паломничества христиан. К сожалению, при реконструкции и строительстве (реставрацией это назвать нельзя) архитектурный стиль был нарушен, и монастырь постепенно приобретает современные черты.

5. Инкерманский монастырь св. Климента

Инкерманская киновия расположена на месте древнего пещерного церковно-монастырского комплекса в городе Инкермане у подножья Монастырской скалы. Как и большинство обитателей Тавриды, она была открыта по инициативе архиепископа Иннокентия. Основанием для возрождения монастыря послужила легенда о св. Клименте Римском.

Рассматривая византийский период иночества, мы уже высказывались в пользу гипотезы об основании Инкерманского монастыря в иконоборческий период²⁰⁴. Обнаруженная надмогильная надпись 821 г. из храма с крещальней, расположенного рядом, на обрыве Загайтанской скалы, косвенно подтверждает предполагаемую дату образования церковно-монастырского комплекса²⁰⁵. Таким образом, возникновение обители в VIII–IX вв. можно рассматривать как вполне реальную дату, но, бесспорно, требующую дальнейшего уточнения на базе археологических исследований. Причем, кем именно основан монастырь – иконоборцами или иконопочитателями, – мы сведений не имеем. Большинство исследователей традиционно отождествляют монашество в Таврике и иконопочитание. Однако, как мы упоминали, само иконоборчество, имевшее прежде всего социально-политическую ориентацию и направленное на углубление разрыва с античными традициями, восстановление чистоты первичного, более аскетичного христианского учения, нисколько не отрицало наличия монастырской общины вообще. Оно выступало против богатства общин и пышного культа, возникшего на базе сращивания христианской идеи с античными традициями. Поэтому возникновение пещерного монастыря рядом с опорой императорской власти в Северном Причерноморье, – иконоборческим Херсонесом (а значит, в VIII–IX вв.), в котором, кстати, со сменой императоров менялись и религиозные воззрения, не следует связывать обязательно с приверженцами иконопочитания.

В то же время не совсем ясен вопрос верхней даты функционирования монастыря. В.Ф. Филиппенко, высказывая предположение об основании Балаклавской обители монахами, вышедшими из Инкерманской киновии, считает, что монастырь

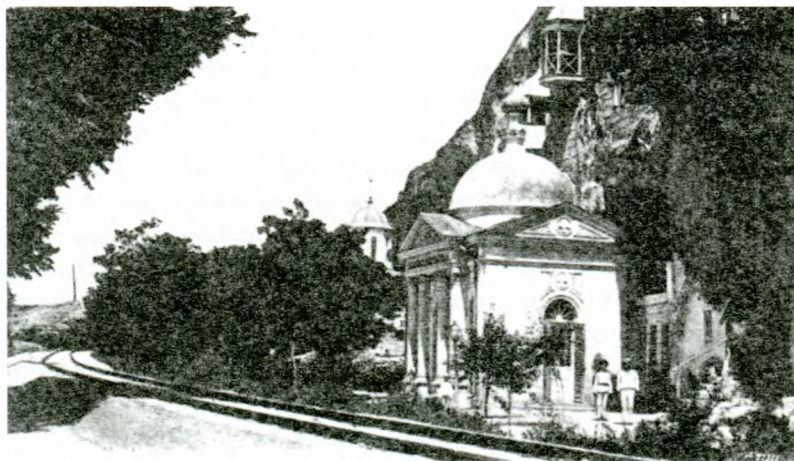
Инкерманский монастырь св. Климента (открытка начала XX в.)

прекратил свое существование в начале второй половины XV в.²⁰⁶ М. Броневский, посетивший Крым в 1578 г., описывая крепость в Инкермане и многочисленные «пещеры, с удивительным искусством высеченные под крепостью и наспротив неа...», уже не упоминает о монастыре²⁰⁷. Священник Иаков, посетивший Крым в 1634 г., однозначно говорит о запустении Инкерманского монастыря, отмечая, что «многие христианские церкви разорены...» и «запустело де то место... после царьградского взятия, десять лет спустя»²⁰⁸. Таким образом, если речь идет о взятии Константинополя турками в 1453 г., то запустение монастыря приходится на 1463 г. В то же время, совсем не вписывается в эти хронологические рамки свидетельство Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666 г. Описывая «нижнее предместье крепости Инкерман» (то есть достаточно точно указывая место), он однозначно заявляет: «...есть там и 200 несчастных домов и один монастырь неверных греков»²⁰⁹. Таким образом, либо Э. Челеби имел в виду «монастырь» как исторический памятник, что сомнительно, либо во второй половине XVII в. он временно возродился.

В 1773 г. штурман русского фрегата И. Батарин обозначил на карте «Ахтъярской гавани» у подножья крепости Инкерман «Собор св. Георгия Победоносца»²¹⁰. Странно, что более трехсот лет сохранялось название только одного заброшенного храма, когда остальные были забыты. Возможно, именно только он и был возрожден в кратковременно существовавшей небольшой обители, о которой упоминает Э. Челеби в конце XVII в. Не исключено, что храм «Егория Страстотерпца, что в Корсуне», который упоминался в русских грамотах 1598 и 1623 гг. и который, начиная с А.Л. Бертье-Делагарда, все современные источники относят к мысу Фиолент, располагался в Инкермане. Это, бесспорно, намного ближе к Херсонесу. Священник Иаков мог застать временное запустение храма. Иначе почему мусульманам-татарам потребовалось неоднократно выбрасывать мощи неизвестного святого, о котором рассказывает священник в своих путевых заметках? Таким образом, можно допустить, что монастырь, образованный предположительно в VIII–IX в., достиг апогея своего развития к XIV – началу XV вв. Во второй половине XV в. он был razoren. Однако в последующем, вероятно, периодически возрождалась находившаяся рядом с сохранившимся поселением греков-христиан церковь св. Георгия и не исключено также, что при этом возрождалась и небольшая православная обитель. К моменту присоединения Крыма к России в Инкермане какого-либо действующего монастыря не упоминается. В статистических сведениях 1783 г. сказано, что в с. Инкерман Бахчисарайского каймаканства имеется церковь Вознесения Христова без священнослужителя на 12 христианских дворов, «да еще razorenных церковей шесть, коих имена позабыты»²¹¹.

Несмотря на то, что вопрос о дате образования и функционирования древнего монастыря сегодня далек от окончательного разрешения, бесспорно одно: выбор архиепископом Иннокентием места для создания киновии вполне соответствует его идее возрождения древних христианских обителей Тавриды.

Инкерманская киновия, получившая имя св. Климента, была вновь открыта в 1852 г.²¹² В этом же году была освящена древняя одноименная пещерная церковь. В уже упомянутом

Инкерманский монастырь св. Климента (фото начала XX в.)

дневнике священника Иакова сохранилось описание первоначального вида пещерного храма: «В церкви везде стенное письмо, от многих лет полинялое и алтарь разоренный; в ней четыре столпа, толстота вокруг 4-х пядей. Позади левого клироса стоит каменная гробница, длина 1–2 пядей, высота в пояс, широта, как двум лещ; а в гробнице земля, а под гробницей конура, как у Петра митрополита, в небе конуры писан Саваоф, а по сторонам его пророки. Над гробницею на стене написаны два святые: справа – святой ростом небольшой, одежда на нем, как на Дмитрие цесаревиче, приволока – богор на золоте, испод зеленый, в руке держит меч в ножнах; слева – святой ростом великий, одежда, как на Дмитрие, мученике Солунском, верхняя риза богор с золотом, испод зеленый, верхняя пуговица застегнута, в левой руке держит выспръ крест, подписки главы обурачены; стены стесаны; в гробнице лежат мощи нагие нетленные. Подле тех мощей, другие мощи, одни кости. Подле той гробницы, другая гробница, в церковном помосте, где много человеческих голов и костей. Позади правого клироса каменные перила, в человека вышиной: между перил и церковной стены гробница же на помосте ровном: рака, как лещ человекам трем или четырем, в ней семи человеческих голов и кости нагие. Двери

у церкви чинаровые, а с паперти трое дверей затворенных против церковных дверей красное окошко для света, как у Пречистой во Пскове. Идя в храм, направо трапеза, что светлица, а слева два придела также разоренные, да по паперти многие коморы, что келии, а лестница на паперть, как у Благовещения»²¹³. К XIX в., по свидетельству Д.М. Струкова, проводившего реконструкцию церкви, фресковые росписи почти не сохранились, только «над престолом... во впадине изображение Спасителя сидящего на престоле...»²¹⁴. Странно, что священник Иаков подробно описывает иные росписи. Если фресковая роспись с изображением Саваофа и орнамент сохранилась до XIX в., то куда исчезли хотя бы следы иных росписей, о которых не мог не упомянуть Д.М. Струков? Причем термин «Саваоф» скорее приемлем к Богу-Отцу, чем к Иисусу Христу, то есть, как указывает Струков, – «Спасителю». Более того, подробно описывая церковь, Иаков не мог не обратить внимание на ступенчатые скамьи в апсиде и изображение рельефного креста, о котором он не упоминает. Таким образом, либо Иаков что-то напутал и описывал совсем не Инкерманский монастырь, во всяком случае – не его современный центральный храм, либо эта церковь не имеет отношения к храму св. Георгия, а является именно той самой церковью во имя Вознесения Христова, о которой упоминается в статистических сведениях 1783 г. Если это так, то свидетельство священника о полном запустении монастыря в начале XVII в. можно поставить под сомнение.

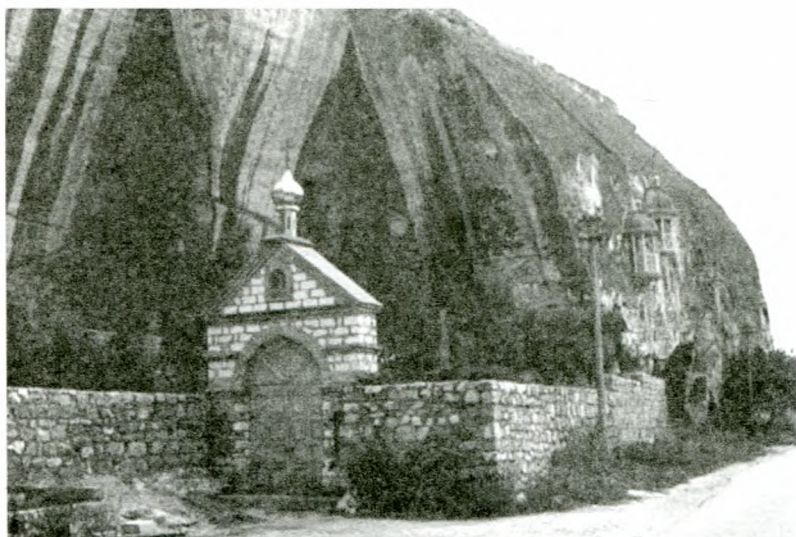
Состояние монастыря в 1876 г. было подробно описано Д.М. Струковым в его работе «Древние памятники христианства в Тавриде»²¹⁵. Из данного труда можно сделать вывод, что на первоначальном этапе своего существования у маленькой бедной киновии не имелось средств на дорогостоящую реставрацию церкви монастыря. Общежительная обитель, не получавшая государственных дотаций и первоначально не имевшая даже земельных угодий, несмотря на свое историческое прошлое, обречена была существовать на скромные подаяния единоверцев.

Едва возникший монастырь через два года оказался в центре событий Крымской войны. 24 октября 1854 г. во время Инкерманского сражения резерв русских войск, дислоцировав-

шийся на территории древней крепости Каламита (непосредственно над монастырем), был обстрелян англо-французской артиллерией и штуцерниками. Ядра, попавшие даже в подземные храмы, произвели существенные разрушения²¹⁶. Киновия была окончательно разграблена захватчиками²¹⁷. Однако сразу после войны монастырь вновь был восстановлен. Здесь поселились иеромонах и 2 послушника²¹⁸. Численность братии в послевоенные годы не превышала 3–4 человек. Даже в 1874 г. в киновии были только иеромонах, 2 монаха и послушник²¹⁹. Из числа первых настоятелей обители сохранились имена иеромонахов Ефрема (с 1854 г.) и Виссариона (1864–1868 гг.).

Только после 1859 г. Таврическое епархиальное управление уделило должное внимание монастырю св. Климента. При поддержке епископа Алексия были найдены средства на реставрацию древних храмов и строительство новых помещений. Первыми меценатами, финансировавшими строительные работы, стали И.И. Четвериков и Мелюшин. Согласно составленной поручиком К. Вяткиным смете, только на строительство настоятельского дома с надомной церковью требовалось более 11 700 руб.

Реставрационные работы и восстановление храмов осуществлялось упомянутым московским художником Д.М. Струковым. К сожалению, понятие «реставрация» к данным работам применимо с трудом. Отдав должное Д.М. Струкову как исследователю, следует сказать, что в процессе восстановления центрального древнего храма старые росписи не реставрировались, а потолок был высеребрен поверх древней вырубки, нанесены новые росписи, пол вымощен досками. В храме посреди алтаря были установлены новый каменный престол, золоченный цинковый иконостас. Храм украсили иконы работы Д.М. Струкова. В процессе ремонтно-реставрационных работ был расчищен еще один древний пещерный храм, который решено было посвятить св. Мартину. Храм имел прямоугольную в плане форму с полукруглым сводом. В результате проведенного ремонта апсида была расширена, что нарушило первоначальный вид древнего памятника. Из обновленной церкви св. Климента сюда был перенесен старый полотняный иконостас, переданный

Инкерманский монастырь св. Климента (современный вид)

монастырю еще в дни возрождения флотским начальством. Оба пещерных храма – св. Климента и св. Мартина – были освящены 25 ноября 1867 г. епископом Таврическим Алексием²²⁰.

На четыре месяца раньше в киновии было завершено строительство двухэтажного дома для настоятеля и немногочисленной братии с надомной церковью, посвященной Св. Троице. Ее освящение состоялось 13 августа 1867 г. В процессе реконструкции монастыря Д.М. Струковым был отреставрирован «Источник св. Климента», установлены колокола²²¹. Во время строительных и ремонтных работ был выявлен еще целый ряд древних пещерных церквей и помещений средневекового монастыря, но часть из них была засыпана либо закрыта стенами и оказалась недоступной для дальнейших исследований²²².

Реконструированный и обновленный монастырь, имеющий столь древнюю историю, был готов к приему высокопоставленных гостей. Уже в следующем, 1868 г., обитель посетил великий князь Алексей Александрович. 5 сентября того же года, по указанию Александра II, из государственного фонда монастырь получил 239 десятин 172 сажени земли, в том числе пахотные

*Инкерманский монастырь св. Климента.
Пещерный храм (современный вид)*

земли в Инкерманской долине и лесной участок в районе деревни Ай-Тодор (недалеко от с. Терновки)²²³. Впоследствии земельные владения кинонии выросли до 261 десятины²²⁴. Однако, по документам 1889 г., они вновь сократились до 239 десятин²²⁵.

В начале XX в. к монастырю перешла территория другого исторического памятника – крепости Каламита²²⁶. С одной стороны, это позволило увеличить приток посетителей и, соответственно, доходы, с другой – добавило забот, так как крепость требовала постоянной заботы и сохранения экспозиционного вида. По требованию Императорской археологической комиссии монастырь был вынужден провести ремонтные работы на одной из башен с въездными воротами. При этом во время «реставрации» в стену башни был вмонтирован замковый камень с изображением процветшего креста и надписью «Аз хочу Руси здесь быти». Надпись подчеркивала неразделимость Крыма и древнего христианского памятника с Россией, но искажала историческую действительность в представлениях людей, мало сведущих в истинной истории полуострова.

Кроме великого князя, киновию в 1871 г. посещал наследник престола Александр Александрович, в 1872 г. – великая княжна Мария Александровна. Окончание строительства железной дороги, проходившей через земли киновии, бесспорно, нарушило древнюю тишину обители, но одновременно способствовало и ее популярности среди многочисленных путешественников и отдыхающих, наполнявших Крым. Уникальный исторический памятник, мимо которого теперь проезжали все гости Севастополя, вызывал интерес, что способствовало притоку посетителей, увеличивавших доходы монастыря.

К 1896 г. было завершено строительство гостиницы на 24 места. Новый храм, сооруженный в память спасения августейшей семьи у ст. Борки 17 октября 1888 г., был выполнен в архитектурных традициях поздней Византии и посвящен св. Пантелеймону. Еще в 1885 г. в урочище Уч-Баш, на кладбище русских солдат, погибших в Инкерманском сражении, на добровольные пожертвования была построена часовня, приписанная к монастырю. На северном обрыве Каменоломной балки на казенные средства, выделенные к 50-летию Крымской войны в 1905 г., был восстановлен еще один древний пещерный храм св. Софии. После реконструкции он был освящен в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих радость». В этот же период реконструируется и древний пещерный храм св. Евграфия, который освящается, предположительно, во имя св. Дмитрия Солунского. В 1905 г. было завершено строительство еще одной церкви – во имя св. Николая, чудотворца Мирликийского. Церковь, выполненная также в византийском стиле, была сооружена на развалинах Каламиты и венчала архитектурный ансамбль монастыря. Строительство последних архитектурных сооружений киновии было окончено к 1910 г. Это два жилых корпуса (в том числе надомная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы), молитвенный дом на лесной даче около деревни Ай-Тодор. В том же году монастырь приобрел дом в Севастополе²²⁷.

Мы упоминали, что в начале своего существования численность братии в Инкерманской киновии ограничивалась иеромонахом и двумя послушниками или монахами. Долгие годы

количество монашествующих в киновии было сравнительно небольшим. В 1874 г. – иеромонах, 2 монаха и послушник (4 человека), в 1878 г. – 2 иеромонаха, один монах, послушник и 10 человек на испытании (14 человек), в 1887 г. – настоятель и иеромонах. Только в начале XX в., когда окрепла материальная база киновии, численность братии резко возросла. Так, в 1910 г. в штате монастыря числились настоятель, 6 иеромонахов, 3 иеродиакона, 15 монахов, 1 рясофорный и 24 послушника (50 человек), а в 1917 г. в монастыре находилось 147 человек, в том числе 25 монашествующих и 122 послушника²²⁸.

Киновия св. Климента не имела больших доходов. К 1887 г. ее неприкосновенный капитал составлял всего 13 825 руб., а в 1909 г. он сократился до 12 400 руб. Денежные поступления от традиционных источников в начале XX в. не превышали 8 тыс. руб. в год.

Монастырь св. Климента просуществовал считанные годы после революционных событий 1917 г. Во время гражданской войны братия поддерживала белогвардейское движение. После установления советской власти в 1920 г. имущество монастыря было национализировано. 34 инока вместе с группой красноармейцев и местных бедняков на базе имущества монастыря создали сельскохозяйственную артель. Последним настоятелем монастыря, назначенным в 1921 г., был архимандрит Венедикт. С 1922 г. храмы монастыря были превращены в приходские и переданы общине верующих. Постепенно, в результате раскола среди братии (на «староцерковников» – приверженцев патриарха Тихона – и «обновленцев» синодального направления) и сокращения числа прихожан, церкви монастыря были закрыты. Еще одной из причин являлось отсутствие средств у религиозной общины на содержание зданий. Часть построек, пострадавших во время землетрясения 1927 г., была разобрана. В 1931 г. была закрыта последняя церковь монастыря св. Климента.

Монастырь св. Климента возрожден в 1991. Следует отдать должное монашествующим: реставрация и реконструкция памятника, в отличие от Успенского монастыря, осуществляется в тесном контакте со специалистами. Постепенно восстанавливается прежний облик обители.

6. Катерлезский монастырь св. Георгия

Катерлезская киновия наименее известна среди крымских обитателей, возникших в середине XIX в. Она была расположена примерно в 4 км от г. Керчи. Епископ Гермоген писал, что основанием к открытию киновии послужила местная легенда о «чудесном» обретении в источнике иконы св. Георгия²²⁹. Ф.В. Ливанов упоминает о легенде, рассказанной Авксентием Митилино и братьями Дмитрием и Федором Кацыко²³⁰, о том, что на горе, где позже была построена церковь, являлся образ св. Георгия Победоносца, а на камне остался отпечаток копыта коня святого. Автор «Путеводителя по Крыму» упоминает о том, что местные жители ежегодно 23 апреля совершали крестный ход к этому месту²³¹. Архиепископ Иннокентий, посетив Керчь в 1856 г., предложил возвести на горе церковь во имя св. Георгия²³².

Первая часовня была построена в 1852 г. на средства Н. Джанибекова и Ф. Созонова, однако во время Крымской войны она была разорена²³³. В 1857 г. новый храм также был возведен на пожертвования состоятельных горожан. Церковь, освященная 23 апреля того же года, имела деревянный купол и пристроенную в 1862 г. колокольню. По ходатайству архиепископа, уже после его смерти Святейший Синод 12 января 1859 г. принял решение об открытии здесь заштатной общежительной киновии. Можно предположить, что Иннокентий, обращаясь в Синод, руководствовался не столько легендами, сколько необходимостью устроить монастыри в различных регионах Крыма, где в период византийского владычества находились очаги христианства, подтвердив тем самым преемственность традиций православия. Согласно «Житиям» святых, именно отсюда начал проповедовать еще в I в. апостол Андрей, якобы посетивший впоследствии Киев. Не останавливаясь вновь на историческом анализе источников, необходимо отметить лишь одно: с точки зрения церковной истории было бы несправедливо обойти вниманием древний Пантикапей (или Керчь).

В киновии длительное время функционировала лишь одна церковь, которая вполне удовлетворяла потребности небольшого числа иноков. Только 22 октября 1898 г. был построен храм

Катерлезский монастырь св. Георгия (гравюра начала XX в.)

с отоплением в честь св. Антония и Феодосия. В церквах хранились мощи восьми православных святых. С 1859 по 1869 г. на пожертвованные средства, в первую очередь купца И.Е. Салатича, были сооружены три братских корпуса. К одному из них в 1859 г. пристроили трапезную с кухней. В 1871 г. на пожертвования почетной гражданки города А. Аверкиевой в монастыре были возведены каменная гостиница и ряд хозяйственных пристроек. С 1889 по 1893 гг. монастырские постройки пополнились трапезной, просфорной, кухней, баней, новым помещением для богомольцев, мастерскими и кузницей²³⁴.

История сохранила имена настоятелей монастыря: иеромонаха Михаила, архимандрита Петра и игумена Филофея. Последним управлял мужской киновией игумен Сергей. В первые годы в обители проживало два старца, а впоследствии численность братии не превышала 4–6 человек²³⁵. По отчетам 1877 г., в Катерлезской киновии числилось уже 10 человек,

в том числе монашествующих, включая и игумена, – 6, на испытании – 4²³⁶. К концу XIX в. число братии выросло и составило 24 человека, в том числе: игумен, 3 иеромонаха, 2 иеродиакона, 2 монаха и 16 послушников²³⁷. Однако нетрезвый образ жизни некоторых иноков и нарушение важнейших обетов послужили основанием к преобразованию в 1900 г. мужской обители в женскую²³⁸. Настоятельницей женского монастыря была назначена игуменья Леонида, прибывшая из Московского Страстного монастыря. Численность обитателей монастыря сразу увеличилась. В 1912 г. в Катерлезской киновии насчитывалось 5 монахинь, 3 послушницы и 80 женщин (88 человек).

Керченским градоначальством для обеспечения киновии было выделено 10,5 десятин земли. Часть земли была пожертвована помещиком К.А. Хамарито. Вся же земельная собственность, едва наполовину пригодная к обработке, составляла к 1887 г. 21 десятину²³⁹. Основной доход братия получала от платы за требы, пожертвований, кружечных и иных сборов. Например, в первом полугодии 1878 г. монастырь получил только пожертвований от частных лиц на сумму 381 руб. и утвари на сумму 76 руб. 35 коп.²⁴⁰ Еще одной статьей дохода являлись ежегодные проценты с 6 205 руб. неприкосновенного капитала. Основную часть этой суммы составляли банковские билеты на 5 000 руб., пожертвованные еще архиепископом Иннокентием.

В первые годы после превращения обители в женскую также возникли проблемы с дисциплиной и благочестием. Это видно из архивных документов и резолюций архиепископа²⁴¹. Инокини, вероятно, не отличались и особым трудолюбием. Так, в резолюции благочинного от 14 августа 1909 г. в ответ на просьбу выдать киновии сборную книжку было сказано: «Прежде, чем им производить сборы на содержание обители, нужно самой обители остепениться, одуматься, исправиться. Нужно взяться за работу: рукоделие, обработку земли, за садовничество и огородничество. Обитель до сего времени умела лишь собирать. Для каковой цели высылала из монастыря целый полк послушниц. Оттого то послушницы не знакомы совершенно с духовной жизнью, дерзки, грубы и злоязычны»²⁴². К 1912 г. в монастыре установился порядок, поднялся авторитет обители.

Средневековый храм Предтечи. Керчь

Даже доходы к этому времени увеличились и составляли наличными и ценными бумагами 8 094 руб.²⁴³

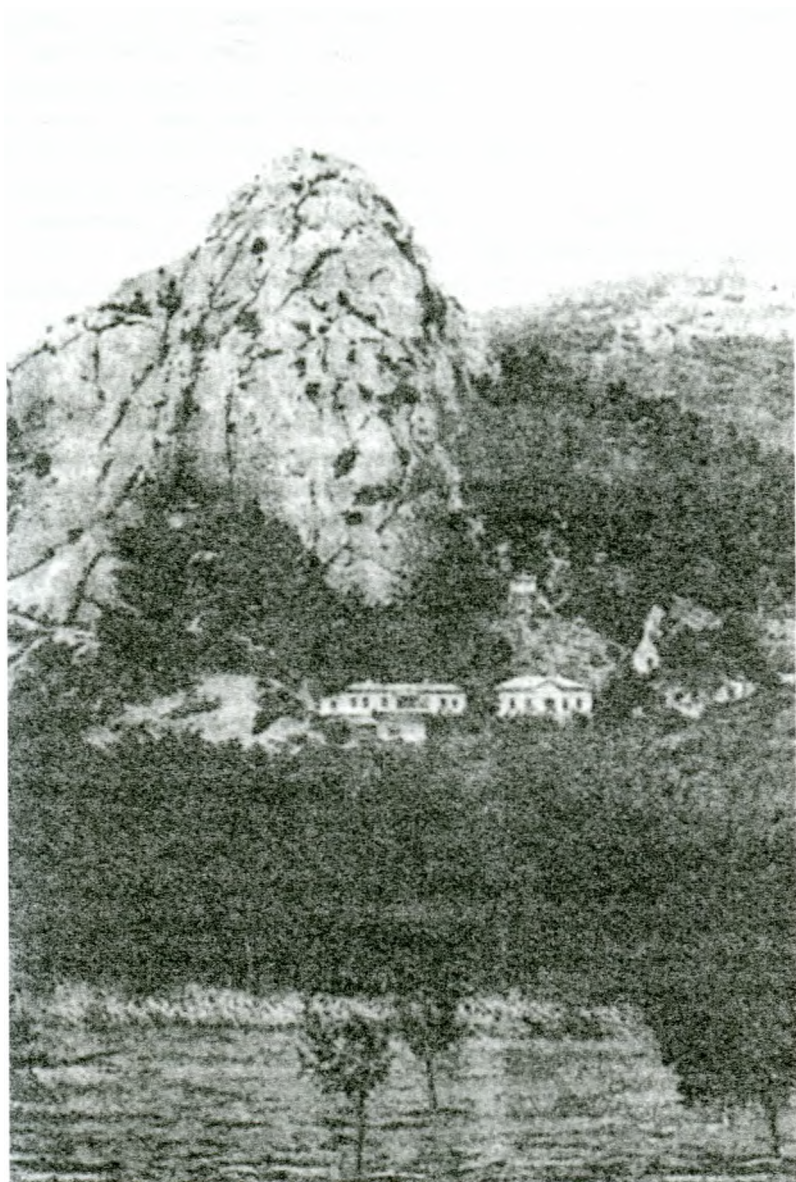
20 февраля 1921 г. Катерлезский монастырь был закрыт, и на его базе создан детский дом. Следом было ликвидировано и его подворье в Керчи. Храм некоторое время использовался местными прихожанами, но уже в 1923 г. также был закрыт. После ликвидации детского дома в 1924 г. все постройки монастыря были разобраны на стройматериалы.

7. Кизилташский монастырь св. Стефана Сурожского

Монастырь св. Стефана Сурожского был открыт в 16 км от г. Судака. Лесистые горы и обрывы скального хребта Кизил-Таш окружали небольшую живописную долину, в которой по инициативе архиепископа Иннокентия в 1853 г. была основана мужская заштатная общежительная киновия.

В церковных источниках упоминается, что здесь располагалась летняя резиденция архиепископа св. Стефана Сурожского, действительно исторического лица, с именем которого связывают массовое распространение христианства в середине VIII в. в Восточном Крыму. Согласно легенде, он претерпел мучения за верность иконопочитанию²⁴⁴.

Науке неизвестно, где была «летняя резиденция» Стефана Сурожского и была ли она вообще. В церковной литературе XIX в. эта гипотеза обосновывается многочисленными находками древностей и тем, что в долине имеются развалины древнего храма Иоанна Предтечи (?), на который якобы указывал сам архиепископ Иннокентий²⁴⁵. В связи с тем, что в урочище Кизил-Таш находилась воинская часть, многие десятилетия территория не подвергалась археологическим исследованиям. Если учесть, что прилегающие к Судаку менее привлекательные в природном отношении долины с древнейших времен были достаточно густо населены, то Кизил-Таш с его плодородными почвами, более мягким микроклиматом и, что очень важно, с водными источниками, не мог не привлечь внимания человека. Здесь был найден известный бронзовый сосуд X–XIV вв. в форме водолея, хранящийся в Крымском краеведческом музее. Во время визуального осмотра территории бывшего монастыря в 1996 г. нами была обнаружена древняя дорога, ведущая через горы к известному армянскому монастырю Сурб-Хач. Бесспорно, этой дорогой пользовались не одно столетие. Свидетельством этому является глубокая колея, выдолбленная колесами от арб в плотной горной породе. Фрагменты керамических сосудов, многие из которых можно предположительно отнести к VIII–XI вв. и более позднему времени, встречаются

*Кизилташский монастырь св. Стефана Сурожского
(гравюра начала XX в.)*

повсеместно. В гроте с известным священным источником св. Стефана явно прослеживаются остатки фундамента из дикого камня на известковом растворе. Судя по форме, размерам и ориентации, эта постройка ничем не отличалась в плане от известных в Восточном Крыму христианских средневековых храмов. Ее западная часть была пристроена к гроту, который, вероятно, выполнял роль апсиды. В районе предполагаемого алтаря вытекал источник.

П.И. Кеппен в 1837 г. писал, что «близ Отуз верстах в шести от деревни, несколько вправо от дороги таракташской, есть в скале Кизилташской пещера глубиною на 17 шагов, которая иногда привлекает к себе богомольцев. В конце оной на столе, заменяющем алтарь, при образе лежит обломок беломраморной плиты величиною вершков в пять, на коем иссечен лик какого-то святого, судя по венцу, окружающему главу»²⁴⁶. Жаль, что осталось неизвестным, о каком «образе» упоминает П. Кеппен. Сегодня мы можем лишь сожалеть об отсутствии средств и возможностей для исследования этого уникального в историческом плане района.

Церковные источники упоминают, что около 1825 г. в пещере с целебным источником, который почитался местными жителями различных вероисповеданий, была обнаружена деревянная икона Божией Матери²⁴⁷. С тех пор это место стали посещать христиане, устраивавшие здесь неофициальные богослужения в дни Успения Богоматери 15 августа и св. Николая 9 мая²⁴⁸.

В 1830 г. около родника поселилась болгарка по имени Константина, которая вела аскетический образ жизни. Когда возрос поток посетителей к источнику и появились новые поселенцы, она перешла в урочище Топлы, где был впоследствии основан монастырь св. Параскевы. В начале 1850-х гг. в Кизилташском урочище осели два богомольца: бывший крепостной Калужской губернии Андроник и отставной вахмистр Пантелеймон, построившие временное жилище и молитвенный дом из плетня, обмазанного глиной. Среди богомольцев, посещающих источник, преобладали греки и болгары из близлежащих поселений. В 1852 г. прихожане из Феодосии и Судака подали прошение архиепископу Иннокентию об учреждении в Кизилташе

«молитвенного пристанища или киновии»²⁴⁹. Сам архиепископ, посетивший долину в 1855 г., освятил глинобитный молитвенный дом в честь св. Стефана Сурожского²⁵⁰. По иным источникам, глинобитную церковь в 1857 г. освятил игумен Арсений²⁵¹.

Первым настоятелем киновии в мае 1856 г. был назначен игумен Арсений. В 1857 г. он докладывал в консисторию, что «кроме ветхого домика [в киновии. – *Авт.*] имеется еще 4 землянки, покрытые черепицею, где помещалось 11 человек братии. Они были собраны Андроником, который как сам, так и другие не умеют хорошо ни читать, ни петь по церковному...»²⁵². Через три года Арсения сменил иеромонах Парфений, направленный из Георгиевского монастыря. При новом настоятеле были начаты работы по благоустройству: созданы каменные террасы, построены два братских флигеля, гостиница. От лесных зарослей была расчищена поляна, где строился монастырь, благоустроена дорога в с. Отузах, начата разработка каменоломни и построен колодец. Е.Л. Марков об игумене Парфении восторженно писал: «Он из пустыни стремился сделать домовитое, всем обильное хозяйство... Он первый, с зари до зари, работал на своих заводах и своих плантациях. Горсть монахов помогала ему, рабочих нанимать было не на что... Он просекал дороги, ломал камень, пилил доски, жег известку и кирпичи, прививал черенки в лесных грушах, разбивал виноградники, копал колодцы... Из пещерки в скале сделался целый скит, с двумя гостиницами, с церковью, с келиями и разными службами. Лес кругом обратился в сад, в огород, в виноградник, в хлебное поле, застучала мельница на высоте гор, завелся табун лошадей и рогатый скот... Он был мастак во всем: архитектор, инженер, столяр, печник, садовник, скотовод, что хотите. Это был маленький кизилташский Петр Великий в рясе инок. К нему обращались за советами, ему поручались дела»²⁵³.

Благодаря игумену, выявившему злоупотребления ряда управляющих в соседних хозяйствах, виновные были уволены. В итоге его вмешательство в светские дела завершилось трагедией: 22 августа 1866 г. настоятель был убит, а труп его сожжен. Как показало расследование, убийцами оказались местные жители из числа мусульман, которые были осуждены и казнены

в Феодосии²⁵⁴. На месте гибели игумена Парфения на средства судакской помещицы Рудневой были поставлены чугунный памятник и дубовый крест.

Преемником Парфения был назначен игумен Николай, который управлял обителью более 20 лет. Е.Л. Марков о новом настоятеле отзывался не менее восторженно, отмечая его деловитость, хозяйственность и одновременно – истинное религиозное рвение²⁵⁵. К 1887 г. в киновии были построены две небольшие каменные церкви, крытые железом. Летняя церковь, с колокольной, не имевшая отопления, была сооружена и освящена еще в 1871 г. в честь Успения Божьей Матери. В этой церкви над царскими воротами была установлена легендарная «чудесная» икона Богоматери. Второй, зимний, храм возведен на месте бывшей глинобитной церкви и освящен в честь св. Стефана Сурожского. При церкви помещалась ризница, кельи для пономаря и послушников²⁵⁶. Среди иных построек киновии: каменный дом настоятеля, трапезная на 30 человек с кухней и просфорной, гостиница на 20 мест, 5 братских флигелей с отдельными кельями, мастерская и ряд хозяйственных помещений. На вершинах окрестных гор были установлены громадные кресты.

Численность братии первоначально также была небольшой. В 1857 г. она состояла из 12 человек, включая настоятеля. В 1875 г. в киновии насчитывалось 5 иеромонахов, 2 иеродиакона, 4 монаха и 6 послушников (17 человек)²⁵⁷; в 1877 г. – 2 иеромонаха, 2 иеродиакона, 5 монахов и 3 послушника (12 человек)²⁵⁸. Однако уже к 1894 г. число монашествующих и послушников возросло до 65²⁵⁹.

Кизилташская киновия, как и Успенский скит, содержалась за счет собственных средств. Невелики были и земельные владения. Они составляли в 1856 г. 157 десятин, приобретенных у помещика Кашкадамова на деньги, пожертвованные архиепископом Иннокентием²⁶⁰. В 1894 г. земельные угодья расширились до 227 десятин. К 1886 г. 7 десятин земли были расчищены монахами от кустарников и использованы под сенокосы, сад и огороды. Овощи шли не только на содержание братии, но и в продажу. Шесть продольных террас, на которых располага-

лись монастырские постройки, также были обсажены фруктовыми деревьями. К этому времени монастырь имел 35 голов скота. В искусственном пруду разводили карпов²⁶¹. Доход киновии приносил, вероятно, и источник, почитаемый как целебный. К нему вела дубовая лестница из 140 ступеней, а у самой пещеры был построен стеклянный павильон с иконами св. Стефана и св. Николая. К западу от монастыря вытекал еще один серный источник, ниже которого отложились целебные грязи, также использовавшиеся в лечебных целях²⁶². Остальные доходы монастыря были традиционными: от продажи свечей, просфор, крестиков, икон, церковных книг, кошелькового и кружечного сборов, в виде процентов по банковским вкладам. Например, в 1894 г. доход киновии составил 18 179 руб., из них 53% составляли пожертвования²⁶³.

Во время гражданской войны монастырь подвергся ограблению. После установления советской власти и национализации имущества на территории монастыря была создана детская трудовая колония. Братия также по-прежнему оставалась жить в монастыре, а церкви перешли общине верующих. Большинство построек со временем пришли в аварийное состояние, и в 1923 г. Кизилташская киновия, или, точнее, уже трудовая артель, состоящая из монахов, была ликвидирована. Впоследствии на территории монастыря создавались трудовая колония им. Калинина, артель «Кизил-Таш», а с 1928 г. начался снос пришедших в полную негодность построек. Сегодня на месте бывшей обители видны только остатки фундамента и заброшенные колодцы.

С 1998 г. начался процесс возрождения монастыря, и нам остается надеяться, что епархиальное управление при решении вопросов о проведении строительных работ не допустит уничтожения древних памятников археологии, которыми изобилует долина.

8. Монастырь святых Козьмы и Дамиана

Козьмо-Дамиановская киновия была основана в 16 км от Алушты, около источника Савлук-Су, расположенного в котловине гор южнее Чатыр-Дага, окруженной лесистыми склонами Бабугана, хребтом Конек и Черной горой. Здесь, на территории современного Крымского заповедника, берет свое начало река Альма. В начале XIX в. среди местного населения источник уже пользовался славой целебного, хотя вода температурой 4–5° не имеет каких-либо химических примесей, способных влиять на состояние здоровья. Популярности источника способствовала упомянутая легенда о бессребренниках-врачевателях св. Козьме и Дамиане²⁶⁴. Еще в 20-х г. XIX в. около родника на средства графини С. Потоцкой было построено временное пристанище для паломников.

В процессе ознакомления с древними памятниками христианства в Крыму архиепископ Иннокентий неоднократно посещал и этот источник. Отсюда он часто поднимался для молитвы на вершину Чатыр-Дага, где собирался воздвигнуть храм²⁶⁵.

После указа Святейшего Синода № 4141 от 4 мая 1850 г. упомянутый родник вошел в перечень мест, где планировалось создание киновий. В том же году Иннокентий ходатайствовал об отводе 4 десятин земли около источника и учреждении киновии. 19 марта 1851 г. «Государь Император соизволил на отвод этой земли...», и уже 11 августа «отмежевано было 4 десятины из местной казенной дачи для устройства... Козьмо-Дамиановской киновии»²⁶⁶. В том же году архиепископ поручил заботы об источнике настоятелю Алуштинской Федоро-Стратилатовской церкви священнику Дмитрию Черняеву и старосте – купцу Андрею Коротенко²⁶⁷. На средства купца Ивана Санютина было построено небольшое помещение для богомольцев²⁶⁸. Святейший Синод дал разрешение на открытие киновии только 3 апреля 1853 г. «без всякого пособия от казны»²⁶⁹. Начавшаяся война прервала процесс становления обители. Около родника был построен военный наблюдательный аванпост, а в ущелье по течению Альмы – временные укрепления²⁷⁰.

*Монастырь
св. Козьмы и Дамиана
(фото начала XX в.)*

Первым настоятелем мужского Козьмо-Дамиановского монастыря был назначен игумен Макарий (М. Прудкий), с именем которого связана история строительства и расцвета монастыря в течение первых 20 лет. Он родился в Белгороде Курской губернии. В 1853 г. принял пострижение и в том же году рукоположен в иеродиаконы. Уже 8 сентября 1854 г. Макарий был возведен в иеромонахи. Во время Крымской войны он был откомандирован в военные госпитали, где до 1856 г. исполнял христианские требы и ухаживал за ранеными, больными тифом и холерой. В июле 1856 г. Макарий вместе с монахом Игнатием был откомандирован для устройства новой киновии около Козьмо-Дамиановского источника и 10 сентября 1857 г. возведен в игумены нового монастыря²⁷¹.

Большинство авторов путеводителей, описывающих монастырь, лестно отзываюся о деятельности первого настоятеля

и братии. П.Г. Киреев писал: «Такие быстрые успехи Козьмо-Дамиановской киновии, при малом числе монахов, достигнуты были благодаря ее настоятелю с его замечательной энергией и умением вести дело... Хотя лесу около монастыря было много и срубали деревья без особенного затруднения, но доставка их на место постройки, при тесноте горных ущелий и крутизне гор, сопряжена была всякий раз с громадными неудобствами. Нужны были кирпичи для печей, разные железные предметы, стекла и проч., а эти материалы можно было получить только в Симферополе, и их оттуда братия во главе с о. Макарием, обыкновенно переносила в обитель на своих плечах»²⁷². Не имея поддержки от государства и пользуясь лишь скудными пожертвованиями, игумен Макарий даже свое наследство в сумме 7 тыс. руб. истратил на устройство киновии и пособия бедным. В приеме в обитель отказа не было никому, «лишь бы имел законный документ на проживание»²⁷³.

5 сентября 1857 г. архимандритом Николаем из Успенского скита был освящен первый небольшой деревянный храм в честь святых Козьмы и Дамиана, построенный по рисунку архиепископа Иннокентия на пожертвования жителей г. Симферополя²⁷⁴. Однако маленькая церковь не удовлетворяла нужд братии и не вмещала многочисленных богомольцев. Поэтому вскоре приступили к строительству новой деревянной церкви с колокольной и ризницей, которая была освящена в 1870 г. во имя тех же святых. Наиболее почитаемой иконой в киновии был образ св. Козьмы и Дамиана с частицами мощей²⁷⁵. На месте старого храма около источника была устроена часовня, сохранившаяся до 1912 г., после чего она была заменена на каменную. Новая церковь была достаточно просторной и вполне соответствовала своему назначению в периоды массового притока населения в летнее время. Тем не менее, она не отапливалась. Поэтому иноки вновь приступили к строительству еще одной деревянной зимней церкви во имя Преображения Господня. К 1874 г. она в целом была окончена. Однако строительство оказалось прерванным болезнью и смертью игумена Макария (18 сентября 1876 г.), который был погребен в притворе новой церкви. Освящение нового храма состоялось только в 1878 г.

*Монастырь св. Козьмы и Дамиана. Святой источник и часовня
(современный вид)*

Среди иных построек киновии к 1891 г. упоминаются одноэтажный настоятельский корпус, три братских корпуса, две гостиницы, трапезная с кухней, баня, торговая лавка, мастерская и иные хозяйственные постройки. Практически все они были деревянные под железной крышей, только некоторые имели высокий каменный фундамент. Около часовни была устроена деревянная купальня²⁷⁶. Первоначально почитаемый «священный» источник находился выше по течению, однако еще в 1855 г. в процессе начального строительства и благоустройства обители, по инициативе монаха Амвраамия, руководившего работой присланных в помощь солдат, был засыпан в процессе нивелирования территории. Незадачливого строителя из монастыря перевели, а упомянутая часовня с купальней были построены ниже по течению реки Альмы²⁷⁷.

В 1872 г. по ходатайству архимандрита Евгения, благочинного Таврической епархии, из земель казенной лесной дачи монастырю было отмежевано еще 19 десятин²⁷⁸. Таким образом, в Симферопольском уезде монастырь владел 23 десятинами зем-

ли, но они были малопригодными к использованию в сельскохозяйственных целях. Кроме того, в с. Григорьевке Перекопского уезда киновия владела еще 201 десятиной пахотной земли, пожертвованной в 1881 г. севастопольским мещанином Г.П. Порываем²⁷⁹. В указанном хуторе имелась каменная церковь во имя Трех Вселенских Святителей и ветхий дом²⁸⁰. Однако уже в 1891 г. здесь упоминаются два каменных дома, колодец и хозяйственные пристройки.

Доходы киновии складывались из платы за аренду земли, процентов по банковским вкладам, то есть средств, полученных от продажи 9 акций Общества пароходства и торговли по Черному морю, переданных еще архиепископом Иннокентием (в целом в 1883 г. банковский капитал составлял 14 400 руб.), пожертвований, платы за требы, кошелековых и кружечных сборов, продажи крестиков, свечей, икон и пр. По отчетам, доход монастыря, например, за семь месяцев 1898 г. составлял немногим более 4 700 руб.²⁸¹ Здесь, вероятно, не учитывались годовые проценты по банковским вкладам, так как ежегодные расходы монастыря обычно составляли от 7²⁸² до 10 тыс. руб. в год²⁸³ и, бесспорно, не могли превышать доходов. Только от продажи восковых свечей, молебных и исповедных, поминовения усопших, например в 1886 г., братия получила 3 462 руб. В 1894 г. общий доход монастыря составил 10 611 руб. Суммы, превышающие указанные пределы, были получены только в 1892 (16 570 руб.) и 1899 (13 496 руб.) годах²⁸⁴.

Полученные средства вполне обеспечивали нужды братии скромной киновии, затерявшейся в горах. В первые годы своего существования численность иноков вместе с послушниками не превышала 10 человек²⁸⁵. К 1877 г. число проживающих в обители возросло до 16 человек²⁸⁶, в 1882 г. оно составляло от 15 до 20 человек²⁸⁷, в 1883 г. – 9 человек²⁸⁸. В конце 1880-х гг. в киновии насчитывалось 50 человек, но уже к началу 1890-х гг. численность стала резко сокращаться²⁸⁹. В период с 1892 по 1899 гг., как видно из таблицы, приведенной Ю.А. Катуниним, численность монашествующих колебалась от 10 до 33 человек²⁹⁰.

Козьмо-Дамиановский монастырь не был обойден вниманием царствующих особ. В 1873 г. киновию дважды посетил

наследник престола великий князь Александр Александрович. В 1880 г. он прибыл в монастырь вместе с супругой и жил здесь с 14 по 18 октября. Впоследствии, когда был построен «Охотничий домик» в заповеднике, царствующие лица предпочитали останавливаться там.

После смерти игумена Макария новые настоятели стремительно сменяли друг друга. После Макария в киновию назначались игумен Парфений, иеромонахи Василий и Иоанн, игумены Серапион и Андрей, иеромонахи Иаков и Риладельф. Однако преемники не уделяли должного внимания строительству и хозяйству киновии. Одновременно и нравственный климат обители, особенно в 1890-х гг., изменился. Благодетельные едва успевали разбирать жалобы на поведение монашествующих, да и самих настоятелей, злоупотреблявших спиртными напитками и нарушавших церковные уставы²⁹¹. Хозяйство монастыря пришло в упадок. Бедность и антисанитария стали характерной чертой недавно процветавшей обители.

Е.Л. Марков, посетивший обитель в конце 1860-х гг., писал: «Мы решили поселиться в сырой, неприятной гостинице... Сена не было, ячменя и овса тоже не было. Голые узкие лавки были единственным ложем для нас... Повар взялся сготовить кое-что из бывшей с нами провизии... Но когда он принес то, что назвал супом и макаронами, мы убедились в тщете своих надежд и своей веры... Как ни силен был голод... мы возвратили ему непочатыми его вонючие блюда. Другие монахи, видя наше затруднение насчет постелей, ... разоблачили из своих ваточных ряс и разложили их по лавкам, вместо тюфяков... Но спать было решительно нельзя. Мириады насекомых кишели на нас, на лавках, на стенах»²⁹². Даже в «Путеводителе по Крыму» Н. Головкинского, рискнувшим посетить Козьмо-Дамиановский монастырь, рекомендовалось брать с собой «персидский порошок» от насекомых²⁹³.

Известный писатель М.М. Коцюбинский 1896 г. в самых ярких красках описывал убогость, запустение, антисанитарию и дурные нравы монастырской братии: «Грязно там, как в свиарнике, мы с полчаса бродили, пока не нашли «гостиника», чтобы поставили нам самовар. Как самовар, так и посуда покрыты

слоем вековой грязи... Монахи почти все украинцы, игумен тоже. Возле самого монастыря ничего не растет... После чая пошли осматривать «святую воду». В часовенке стоит что-то вроде купели, куда вливается Сувлук-Су... Из этой купели вода течет по желобу в деревянную купальню, которая разделена на две: женскую и мужскую. Это просто черные страшные ямы с деревянным помостом, с холодной 6° водой. Даже подумать страшно, что здесь купаются больные. Возница наш рассказывает, что ежегодно умирает несколько детей и взрослых, простудившихся «живой водой». Что касается заражения тут какой-либо прилипчивой болезнью, это очень легко. Грязь и здесь ужасная. Невозможно было долго оставаться там: отвратительно. По двору лезят, как сонные мухи, монахи. Но они лишь кажутся сонными. Достаточно затронуть их – и они тотчас расшевеливаются и начнут выносить сор из избы. Сплетни здесь, ссоры, зависть. И игумен – дурак, и эконом – мошенник и, послушаешь, каждый из «братиев» вор да разбойник»²⁹⁴. Во время повторного посещения писателем (уже женской) обители в 1904 г. здесь родился сюжет одной из антирелигиозных новелл «В грешный мир».

В итоге указом Святейшего Синода № 4143 от 16 июля 1899 г. мужская обитель была закрыта. Вместо нее учреждался одноименный женский монастырь²⁹⁵. Первой настоятельницей была утверждена монахиня Троице-Параскевиевского монастыря Варсонофия. Указом консистории ей предписывалось отобрать 25 сестер для перевода в Козьмо-Дамиановскую обитель²⁹⁶.

С учреждением женской обители здания монастыря были приведены в образцовый порядок и отремонтированы. Восстановлены подпорные стены террасы. Сооружен ряд помещений: несколько келий, просфорная, хлебопекарня, рукодельная, прачечная, амбар²⁹⁷. Чистота и опрятность вновь привлекли богомольцев, которых в праздник св. Козьмы и Дамиана 1 июля насчитывалось до тысячи человек. Увеличению числа паломников способствовало открытие Романовской шоссеиной дороги, связавшей киновию с Ялтой²⁹⁸. Приток верующих повлиял на материальное благосостояние монастыря.

Проживание в гостинице обители обходилось богомольцам от 25 до 50 коп. в сутки. Неимущие кормились бесплатно, зато лица состоятельные добровольно вносили крупные суммы как оплату за услуги. В округе монастыря сестры разбили огороды и фруктовый сад в 400 деревьев²⁹⁹, завели скот. 12 февраля 1907 г. в Симферополе было открыто монастырское подворье с Благовещенской церковью³⁰⁰, которое также приносило небольшой доход и являлось пристанищем для монахинь при перевозке урожая из имения в с. Григорьевке.

Дополнительной статьёй дохода стало налаженное монахинями изготовление церковного облачения, одежды, обуви и ковров³⁰¹. Через 31 год забвения, 25 октября 1911 г., преобразившийся монастырь вновь удостоился посещения императором Николаем Александровичем.

С улучшением благосостояния и порядка возросла и численность сестер. В 1912 г. в обители их насчитывалось 110, в том числе 72 на испытании³⁰², в 1913 г. – 111³⁰³. Доходы монастыря, например, в 1912 г., составляли уже 16 657 руб.³⁰⁴

После установления советской власти 42 монахини объединились в сельскохозяйственную артель. В 1922 г. было закрыто подворье и храм в Симферополе, а в 1924 г. – церкви в самом монастыре. Территория монастыря передавалась государственному заповеднику. Только благодаря личному вмешательству Наркома просвещения А.В. Луначарского, церкви и часовня не были разобраны на стройматериалы. С 1927 г. они использовались как выставочные залы для экскурсантов. В помещениях монастыря были устроены туристическая база и музей природы. Во время Отечественной войны большинство зданий киноии были уничтожены. Ныне сохранилась только часовня. В настоящее время Козьмо-Дамиановская киноия, как и большинство монастырей Крыма, возрождается. Священный источник по-прежнему посещают массы паломников и туристов.

9. Топловский Троице-Параскевиевский монастырь

Топловский монастырь расположен в 40 км от Феодосии и 70 от Симферополя, около современного с. Тополевки (бывшее Топлу), на склоне горы Кара-Тау. Место для монастыря было рекомендовано еще архиепископом Иннокентием³⁰⁵. Первый женский общежительный монастырь в Крыму был открыт по ходатайству архиепископа Таврического и Симферопольского Алексия 25 сентября 1864 г.

Основанием для выбора места стали почитание источника, считавшегося целебным, а также легенда о якобы пребывавшей здесь св. Параскеве и предание о существовании древней церкви. Если целебные свойства источника и пребывание св. Параскевы в Таврике сомнительны, то наличие в этом районе средневековых христианских древностей вполне реально. Даже сейчас в окрестностях с. Тополевки сохранились руины средневековых армянских храмов, а в 6 км от монастыря – древняя греческая церковь, которая функционировала еще в XIX в. Этот район, бесспорно, был заселен еще в средневековье и требует специальных археологических исследований. Поэтому не исключено, что воспоминания о находившемся в окрестностях греческом храме св. Параскевы могут найти подтверждение.

В 50-х гг. XIX в. около источника поселилась уже упомянутая нами отшельница Константина, пришедшая из урочища Кизил-Таш. Неизвестными попечителями здесь была устроена небольшая часовенка. Константина пыталась собрать средства на строительство храма, но ее инициатива не получила поддержки³⁰⁶. Впоследствии отшельница (в монашестве Параскева) приняла пострижение во вновь образованной обители, где и скончалась в 1874 г.

Причиной открытия монастыря послужило ходатайство помещицы А.А. Ламбири (Зотовой) от 29 июня 1862 г. к архиепископу Алексию о разрешении создать на принадлежащих ей землях женскую обитель. Единственным условием попечительницы являлось обязательство выплаты 50% дохода от земли ей и ее сестре – Ф.А. Зотовой – при жизни. Пока шло юридическое оформление документов, в 1862 г. был создан комитет для

*Топловский Троице-Параскевиевский женский монастырь
(рисунок начала XX в.)*

постройки храма при источнике, состоявший из настоятеля Кизилташской киновии Парфения, священника И. Новицкого, церковного старосты И. Узумбаева и дьячка С. Михно. На собранные среди местных христиан деньги был построен небольшой каменный храм. 26 июля 1863 г. его освятил в честь св. Параскевы архиепископ Алексей. Утварь для храма была собрана сборщиками, частично пожертвована из архиерейской крестовой церкви, а колокола приобретены в Симферополе³⁰⁷.

25 августа 1864 г. был получен указ Святейшего Синода (№ 1817) об учреждении женского общежительного монастыря св. Параскевы³⁰⁸. В тот же день к источнику прибыл крестный ход из Кишлавской Вознесенской церкви с иконой преподобного Сергия, отслужен молебен архиепископом Алексием. После литургии он дал наставления первым сестрам, жившим при храме с момента его сооружения. В их числе – А.А. Ламбири (Зотова) и ее сестра Ф.А. Зотова. Попечителем монастыря был назначен игумен Кизилташской киновии Парфений.

Первые годы монастырь преследовали неудачи. Затянувшийся процесс передачи земельных владений Зотовых в течение

двух лет не позволял приступить к строительству. Инокони продолжали ютиться в землянках. После разрешения проблемы новым архиепископом Гурием временное управление обителью было поручено монахиня Надежде. На средства, вырученные от 9 акций, завещанных архиепископом Иннокентием, а также полученные в виде материальной помощи прихожан, рядом с монастырской церковью был построен одноэтажный дом. С 1872 г. обителью управляла монахиня Аполлиария, переведенная из Одесского Михайловского монастыря. В течение двух лет были выстроены дом для священнослужителей, трапезная с кухней и ряд хозяйственных помещений. Обитель приобрела скот.

В 1874 г. к архиепископу Гурию обратилась игуменья Московского Страстного монастыря Валерия, пожелавшая возглавить Топловский монастырь. 14 февраля 1875 г. указом Святейшего Синода она была назначена первой настоятельницей этой обители. За три года ее управления был выстроен только настоятельский дом, обитель обросла долгами и едва устроенное хозяйство пришло в полный упадок. Игуменью уволили, однако долги остались. Архиепископ Гурий, инициировавший назначение незадачливой настоятельницы, ссудил сестрам 1 500 руб. для погашения задолженности и из них 1000 руб. после смерти отказал в пользу монастыря. Остальная сумма была постепенно выплачена самим монастырем. Вероятно, это была не единственная проблема. В архивах сохранились материалы тяжбы родственника Зотовых – подпоручика П. Малиновского, который, ссылаясь на расписку Валерии, предъявил права собственности на монастырский скот. Престарелый иеромонах Израиль докладывал архимандриту о заговоре монахинь против Валерии и нанесении ими вреда хозяйству обители. П. Малиновский также жаловался архиепископу на «оскорбления чинимые монахинями»³⁰⁹.

После длительных разбирательств и личного посещения архиепископом обители Таврической духовной консисторией и Гурием был разрублен «гордиев узел». Указом № 833 от 16 апреля 1877 г. в монастыре был создан духовный совет во главе с монахиней Манефюю, казначеем – Алевтиной, экономкой – Верой, благочинной – Капитолиной и секретарем – Вячеславой.

Все решения должны были приниматься большинством голосов, а документы подписываться членами совета, в который входил и назначенный священник. Монастырская касса печатывалась. Ключи передавались Манефе, а печать – священнику.

Подсчет денег и их распределение должны были происходить в присутствии всего совета. Иеромонах Израиль освобождался от обязанностей, а подпоручика П. Малиновского выселили из обители. Все проблемные вопросы должны были обсуждаться с настоятелем Феодосийского собора благочинным Антонием Люцидарским³¹⁰. С этого момента в монастыре был водворен порядок, и обитель стала постепенно восстанавливать свое материальное положение.

К 1883 г. завершилась пятнадцатилетняя тяжба с Ф.А. Зотовой. Доходы с земли, пожертвованной ее сестрой, теперь полностью переходили монастырю, а Зотова в качестве компенсации получала 5 000 руб.³¹¹ Основную часть суммы для этой сделки пожертвовал новый архиепископ Гермоген и вдова М.П. Киркина. В 1885 г. председатель духовного совета монастыря монахиня Манефа была возведена в сан игуменьи, а казначей Вячеслава и благочинная Капитолина поощрены грамотами Святейшего Синода. В 1889 г. игуменью Манефу сменила монахиня Параскева, в прошлом послушница Вячеслава (О.И. Родимцева), прибывшая из Московского Страстного монастыря еще с первой настоятельницей, исполнявшая обязанности секретаря и казначея совета. На следующий год она была возведена в сан игуменьи и управляла монастырем до 1928 г.

При управлении обеих настоятельниц Троице-Параскевиевский монастырь достиг благополучия. В 1880–1885 гг. к его земельным угодьям добавилось еще 249,5 десятин, приобретенных в основном на пожертвования вдовы унтер-офицера М.П. Киркиной. Всего обитель имела 480 десятин сельскохозяйственных и лесных угодий, в том числе хутор Ималакташ и два хутора в долине р. Мокрый Индол³¹². Граф Н.Ф. Гейден в 1890 г. пожаловал монастырю дачу в предместье Феодосии с домом и 3 десятинами земли. Граждане города передали обители еще 689 кв. сажень земли. Здесь было устроено Казанское подворье и установлена походная церковь, пожертвованная

баронессой М.П. Фредерикс и М.С. Сабининой. Церковь была освящена 22 октября 1891 г. в честь св. Пантелеймона. В 1885 г. симферопольским мещанином Федором Кошуниним Троице-Параскевиевской обители был передан дом в Симферополе при условии выплаты наследникам 1500 руб.³¹³

Строительные работы в монастыре начались в 1880 г. с реконструкции бани и прачечной. В 1882 г. был благоустроен источник св. Параскевы, резервуар выложен гранитом, а полукруглая стена около него украшена иконами. Вблизи церкви устроен фонтан, куда направлялась вода из ближайших горных источников. В 1883 г. рядом с «чудотворным» источником устроена купальня с двумя отделениями и резервуаром. В 1885–1886 гг. благоустроена дорога в монастырь и сооружена мельница.

Маленькая церковь обители уже не вмещала всех инокинь и богомольцев. На строительство нового храма во имя Живоначальной Троицы средств не хватило. Поэтому 15 сентября 1887 г. началась реконструкция старой церкви св. Параскевы. К ней была пристроена колокольня и расширено помещение. 24 июля 1888 г. перестроенная церковь была вновь освящена архиепископом Мартинианом. Возрастающий поток богомольцев заставил сестер начать строительство двухэтажной гостиницы на 30 номеров, с трапезной и кухней. Она приняла первых посетителей в 1890 г. На месте ветхого домика настоятельницы Валерии в 1891 г. был возведен двухэтажный корпус для настоятельницы и сестер³¹⁴.

Монастырь обладал рядом священных реликвий, которые привлекали паломников. 26 апреля 1887 г. инокини получили в дар от Старо-Афонского Пантелеймоновского монастыря частицы мощей св. Параскевы. Наиболее ценные пожертвования из семейных реликвий сделал граф Н.Ф. Гейден. 11 апреля 1890 г. он подарил монастырю древний список с Казанской иконы Божьей Матери, перешедший ему по наследству от рода Вяземских и Зубовых. Икона была в серебряной с позолотой ризе, вокруг лика Богоматери – жемчужный убрус с драгоценными камнями, в том числе бриллиантами, пожертвованными фрейлинами М.Б. Глинки-Мавриной и М.Ф. Головиной. В торжественной обстановке крестным ходом 17 мая образ был

перенесен в обитель. По просьбе прихожан г. Феодосии и специальному разрешению Святейшего Синода, в день спасения императора и его семьи 17 октября крестным ходом икону приносили из монастыря через села Салы, Кишлав, Изюмовку и г. Старый Крым в Казанское подворье г. Феодосии. Там она находилась до 22 октября и вновь крестным ходом через села Байбугу и Карагозы возвращалась в обитель.

Вторым ценным подарком монастырю от графа Н.Ф. Гейдена стал крест с мощами киево-печерских угодников, который также являлся реликвией семьи. На средства графа в 1891 г. настоятельницей монастыря в Афонской обители «Руссик» было приобретено живописное распятие в натуральную величину. При его установке в монастыре в подножье был укреплен камень от Гроба Господня, который граф Гейден еще в 1884 г. привез из Иерусалима³¹⁵. Перечисленные реликвии, дополнившие популярность источника св. Параскевы, возбуждали интерес путешественников и богомольцев.

По числу обитателей Топловский женский монастырь был самым крупным в Крыму. Начав с 7 сестер, нашедших здесь приют в день открытия обители, к 1887 г. число обительниц достигло 70³¹⁶, а в 1897 г. – 208, в том числе 148 находились на испытании³¹⁷. В 1917 г. число монашествующих выросло до 241³¹⁸.

Существенно изменилась и производственная деятельность монахинь. Наряду с поддержанием исключительного порядка в обители, строительными и ремонтными работами, в монастырских угодьях был разбит фруктовый сад и огороды, сестры занимались хлебопашеством и сенокосом, на хуторе Ималакташ содержали стадо скота. В обители имелась пасека. В мастерских инокинями было освоено изготовление церковного облачения, одежды и обуви. Часть сестер специализировалась на иконной живописи и золочении по дереву³¹⁹. В целом, например в 1897 г., годовой доход обители составлял 42 258 руб.³²⁰

Во время гражданской войны в 1919 г. монастырь был ограблен. После установления советской власти и национализации имущества 244 монахини и послушницы образовали сельскохозяйственную зартель (с 1927 г. артель «Женский труд»), которая просуществовала до 1929 г., сохраняя монастырский уклад жизни. Храмы были переданы общине верующих. Несмот-

*Топловский Троице-Параскевиевский женский монастырь
(современный вид)*

ря на то, что трудовая артель относилась к одному из немногих образцовых хозяйств, как и остальные монастыри Крыма, Троице-Параскевиевская Топловская обитель была закрыта, и на части ее земельных угодий создан совхоз «Безбожник».

С 1993 г. Троице-Параскевиевский женский монастырь возрожден.

Ряд авторов относит к монастырям и Таврический архиерейский дом, открытый в Симферополе в 1875 г. Он насчитывал в своем штате 14 человек. На его нужды из средств Святейшего Синода ежегодно выделялось 4 тыс. руб. и на содержание монахов и служащих еще 4 450 руб. Архиерейскому дому принадлежало 2 594 десятины земли, а поступавшие доходы распределялись на содержание Дома, нужды монастырей и церквей, епархиального священника и иные потребности епархиального ведомства. Следовательно, Архиерейский дом – это административный центр епархиальной власти, поэтому принадлежность его к разряду монастырей спорна. Относить его к монастырям

можно лишь на основании формального признака, то есть принадлежности архиепископа к монашескому духовенству.

* * *

Во второй половине XVIII в. христианство окончательно утратило свои позиции в Крыму. Российское правительство и Синод в течение почти 70 лет после присоединения полуострова к России не уделяли внимания возрождению христианства в этом регионе, с одной стороны, создавая иллюзию веротерпимости с учетом стратегических планов в отношении Балканских государств, а с другой – уверенные в своей силе, они не видели необходимости использовать православную церковь как идеологический фактор для утверждения на полуострове. Важную роль сыграли и указы Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II, ограничивающие политическое и экономическое влияние церкви в государстве, что в первую очередь способствовало сокращению численности монастырей³²¹. Изменение внутренней и внешней политической ситуации в первой половине XIX в., начало очередной русско-турецкой войны, заселение полуострова выходцами из России, Украины, Греции и Болгарии, исповедовавшими православие, подтолкнули империю к развитию сети приходов и монастырей на полуострове с целью удовлетворения религиозных нужд населения и, главное, идеологического закрепления права России на южные владения.

В начале второй половины XIX в. по инициативе и при активном участии архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия в Крыму создается сеть православных монастырей. При этом преследовались такие цели: миссионерская деятельность среди иноверцев, создание святых мест для богомольцев, обоснование святости и ценности Тавриды для всего православного населения России, получившего крещение в Херсонесе через князя Владимира. Особое внимание уделялось выбору места для обителей, что обеспечивало бы их жизнеспособность. Поэтому все монастыри основывались на местах древних памятников христианства либо у источников, издревле почитаемых местным населением. Таким образом подчеркивалась преемственность от древней византийской церкви и право

православного государства на владение полуостровом. Открытие каждой обители связывалось с легендами, а там, где их не было, они создавались.

На плечи первых иноков и настоятелей легли нелегкие заботы по основанию православных обителей. Несмотря на то, что Херсонесский и Георгиевский монастыри пользовались государственной поддержкой, первые годы их существования оказались достаточно тяжелыми. Остальные, нештатные, монастыри вообще содержались на собственные средства и пожертвования благотворителей. Правильный выбор «святых мест», привлекавших паломников, хозяйственные и организационные способности, а также авторитет среди местного населения способствовали тому, что большинство монастырей за несколько десятилетий превратились в цветущие хозяйства. Если в первые годы существования обителей число братии не превышало 2–3 человек, то к началу XX в. в большинстве монастырей число иноков или инокинь вместе с послушниками превышало сотню. Тем не менее, не все в обителях было идеально. Религиозный порыв основателей ушел в историю и в ряде монастырей конца XIX в. сменился бесхозяйственностью и хроническими нарушениями уставов. Козьмо-Дамиановская и Катерлезская мужские киновии пришли в упадок и были упразднены. На их месте учреждены женские монастыри.

В целом крымское монашество выполнило свою задачу. Наряду с иными мерами, полуостров фактически из мусульманского превратился в христианский. Уже к концу XIX в. здесь окончательно утвердилась и доминировала государственная православная церковь.

Однако Первая мировая война, революционные события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война стали началом конца крымских обителей. Обители, преобразованные в первые годы советской власти в трудовые артели, к началу тридцатых годов XX в. были окончательно ликвидированы. Завершился третий период православного монашества в Крыму.

ГЛАВА III

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Православные монастыри в Российской империи делились на общежительные и необщежительные, штатные и заштатные. Все возникшие во второй половине XIX в. крымские обители относились к общежительным, так как в русском православии они признавались «более высокой формой иноческой жизни»¹. Отличительной чертой общежительных обителей является то, что все необходимое братия получает от монастыря, а свой труд по священнослужению и послушаниям по назначению настоятелей предоставляет в его пользу. Все монашествующие не имеют права располагать собственностью. Фактически с 1865 г. жизнь всех новых монастырей Российской империи строилась на началах общежития².

Из восьми крымских монастырей только два (Херсонесский св. Владимира и Балаклавский св. Георгия) имели статус штатных монастырей с установленным жалованием. Херсонесский монастырь, первоначально открытый как общежительная заштатная киновия, в 1861 г. получил статус штатного монастыря I класса. Утвержденная численность монашествующих первоначально составляла всего 22 единицы, и число проживающих в монастыре до 1899 г. фактически никогда не превышало этой цифры. В то же время, согласно «Духовным штатам», изданным Екатериной II еще 26 февраля 1764 г.³, в мужских монастырях I класса предполагалось наличие 33 монахов. В 1866 г. штат Балаклавского монастыря устанавливался

в 19 человек, что, наоборот, превышало численность, установленную «Духовным штатом» для монастырей III класса. После присвоения монастырю св. Георгия статуса I класса и увеличения штатной численности флотских иеромонахов число братии было приведено в соответствие. С последующим развитием флота и военных баз на черноморском побережье возрастало и число иноков, несущих службу в гарнизонах и приписанных к обители. Таким образом, до ликвидации флота в результате Крымской войны численность монахов вновь превысила предусмотренные «Духовным штатом» нормы.

Можно предположить, что жесткая регламентация численности монашествующих в штатных монастырях, введенная Екатериной II, во второй половине XIX в., вероятно, уже не выдерживалась и полностью зависела от решения Святейшего Синода.

Остальные монастыри Крыма (Успенский, Козьмо-Дамиановский, Инкерманский, Катерлезский, Кизилташский и Троице-Параскевиевский) относились к разряду заштатных. Основным отличием их от штатных обителей являлось то, что они не получали жалованья и существовали на доходы от священнослужения, личного труда братии и пожертвований.

В церковной литературе и решениях Святейшего Синода Козьмо-Дамиановский, Инкерманский, Катерлезский и Кизилташский монастыри, а первоначально и Херсонесский, обычно именуется киновиями. Этим термином, уже не характерным для российских монастырей XIX в., вероятно, подчеркивалась преемственность православных общежительных обителей полуострова от Византии. Одна из целей создания общежительных заштатных монастырей – основание Русского Афона в Таврике в подражание (или в противовес) Афону греческому.

Исключение составляет Успенский монастырь, который обычно именуют скитом. На раннем этапе термин «скит» – синоним «лавы», которая, в свою очередь, представляла собой совокупность нескольких иноческих келий на определенной территории, находившихся под управлением и наблюдением общего аввы. Это своего рода товарищество в иноческой жизни, но одновременно и переходная стадия от отшельничества

к общежителюству⁴. К XIX в. в России скит представляется совокупностью нескольких келий, удаленных от мирской жизни, где монашествующие ведут строгий и даже аскетический образ жизни. Скиты часто были приписаны к более крупным первоклассным монастырям или являлись их ответвлениями⁵. По отношению к Успенскому скиту в Крыму данный термин не приемлем, как не соответствующий его функциональному назначению. Успенский скит – не что иное, как общежительный заштатный монастырь (или киновия). С самого начала ему предназначалась роль ведущей обители среди сети подконтрольных более мелких заштатных киновий, то есть совсем противоположная обычному представлению о ските. Фактически игумен Успенского скита должен был стать своего рода киновиархом (или «главным аввой») среди подконтрольных и подчиненных ему настоятелей более мелких обителей⁶. Тем не менее, в данном случае термин «скит», так же, как и «киновия», применяется с учетом древнего происхождения монастыря, состоявшего первоначально из ряда вырубленных в скале келий, то есть как бы предполагающих уединенное проживание монахов-аскетов. Даже в первоначальном проекте восстановления и благоустройства обители предполагалось, что братия будет продолжать проживать в вырубленных в скале старых и новых кельях по древней традиции и придерживаться строгого образа жизни.

Жизнь крымских монастырей, равно как и всех православных обителей Российской империи, регламентировалась в целом церковными и, в частности, монастырскими уставами. В основном церковные уставы опирались на решения семи Вселенских и ряда поместных соборов, решения Святейшего Синода с учетом российского законодательства и в незначительной степени ориентировались на местные условия и традиции. Монастырские уставы, с одной стороны, не противоречили общецерковным правилам и решениям Синода, с другой – во многом копировали древний Иерусалимский устав.

Все три основных типика, или устава, признанных в православии – Палестинский, или Иерусалимский св. Саввы Освященного (ум. в 532 г.), Константинопольский, или Студийский св. Феодора Студита (ум. в 826 г.) и Афонский св. Афанасия

(ум. в 1001 г.) – очень близки друг другу и фактически строятся на основе уставов Пахомия и Василия Великих⁷. Собственно типикон Саввы Освященного был утерян во время нашествия Хосрова на Палестину. Он был восстановлен Иерусалимским патриархом св. Софронием и дополнен в VIII в. Иоанном Дамаскиным и Козьмой Маюмским. На протяжении веков Иерусалимский устав пополнялся песнопениями, уточнениями особенностей богослужения. В Киевской Руси первоначально получил распространение Студийский устав, но уже к XV в. в Северном Причерноморье и Руси он был окончательно вытеснен Иерусалимским⁸. Тем не менее, в российских монастырях использовались и некоторые положения Студийского, Афонского и других восточных уставов, поскольку в Иерусалимском уставе дисциплинарной стороне уделялось недостаточно внимания. По своему устройству российские монастыри в целом практически не отличались от монастырей православного Востока. Всесторонняя регламентация монастырской жизни была принята Стоглавым собором⁹. В связи с церковной реформой в синодальный период истории русской церкви претерпели изменения и некоторые положения монастырских уставов.

Положение монастырей в церковной структуре определилось еще на Халкидонском Вселенском соборе (451 г.). В соответствии с четвертым правилом Собора¹⁰, православные монастыри были подконтрольны и подотчетны епископам и могли быть основаны только с его ведения. Епископы же обязаны были заботиться о братии.

В то же время монашествующим предписывалось не вмешиваться не только в мирские, но и общецерковные дела. С ликвидацией патриаршего престола в России и созданием коллегиального органа – Синода – после издания Петром I в 1721 г. «Духовного регламента» монастыри, вместе со всей Русской православной церковью, оказались в структуре государственного аппарата. Монастырская братия наряду с государственными служащими даже принимала присягу императору и его наследнику, то есть на подданство и «верногражданство». В Крымском архиве сохранился рапорт игумена Козьмо-Дамиановской киновии на имя благочинного от 26 ноября 1894 г., в котором

сообщается о принятии такой присяги иноками и препровождении присяжного листа приставу¹¹.

Более подробно монастырские правила и порядок принятия пострига регламентировались «Прибавлением к регламенту о правилах причта церковного и чина монашеского», изданном в 1722 г. Право решения вопросов о создании новых обителей передавалось Святейшему Синоду и непосредственно императору, так как «император... именуется Главою Церкви»¹², а «в управлении Церковью Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»¹³.

Только в 1881 г. право учреждать новые монастыри было вновь возвращено епархиальным архиереям. Поэтому все крымские монастыри XIX в., учрежденные до 1864 г. включительно, создавались по ходатайству и представлению глав епархий решением Святейшего Правительствующего Синода, принимаемым на основании указов императора. Однако женские обители, созданные после 1881 г. на месте Катерлезской и Козьмо-Дамиановской киновий, также учреждались Святейшим Синодом на основании указов императора, а не архиепископом. В данном случае архиепископ мог открыть новый монастырь, но, вероятно, только император и Синод могли упразднить ранее учрежденные ими же мужские обители.

Общежительные монастыри управлялись архимандритами или игуменами. Права и обязанности их не отличались. В соответствии с Уставом еще Василия Великого, настоятель избирался из числа братии¹⁴ и утверждался епархиальным епископом. Если достойной кандидатуры на пост настоятеля не было, он назначался архиереем¹⁵. В синодальный период в России кандидатуры настоятелей, избранных только мантийной братией (причем в выборах не могли участвовать состоящие под следствием или себя опорочившие), по представлению архиерея утверждались Святейшим Синодом, а в штатные монастыри назначались епархиальным архиереем или Синодом¹⁶. В обязанности настоятеля входил контроль за соблюдением монашеских обетов и правил, своевременным и благочинным совершением богослужений, надзор и организация хозяйственной деятельности. Наиболее важные вопросы он обязан был решать

с братией. С другой стороны, и инокам предписывалось безропотное подчинение игумену (архимандриту), который за непослушание имел право налагать наказания. Настоятель регулярно отчитывался перед епархиальным архиереем о жизни и хозяйственной деятельности монастыря. Однако в отдельных обителях имели место случаи отсутствия должной дисциплины, о чем свидетельствуют рапорт иеромонаха Израиля и иные документы о беспорядках в Троице-Параскевиевском женском монастыре¹⁷, указы Таврической консистории по Катерлезскому женскому монастырю¹⁸ и Козьмо-Дамиановской мужской киновии¹⁹, не считая мелких актов неповиновения, с которыми игумены справлялись самостоятельно, лишь докладывая архиепископам о факте. В помощь настоятелю назначались должностные лица, утверждаемые архиереем по представлению игумена. На них возлагались функции духовника, эконома, казначея, благочинного, ризничного, и при необходимости вводились иные должности, например, секретаря или делопроизводителя и пр. Они составляли духовный собор или совет, на котором решались наиболее важные вопросы²⁰. На период решения вопроса о настоятеле архиерей мог назначать в монастырь наместника, что часто имело место и в крымских монастырях. Однако в практике управления обителями на полуострове случилось и неординарное событие, когда во главе женского Троице-Параскевиевского монастыря решением архиерея 25 апреля 1877 г. оказался духовный совет во главе с монахиней Манефною²¹.

С 1860 г. в Таврической епархии контроль за деятельностью монастырей, соблюдением обетов и нравственностью осуществляли благочинные, назначаемые епархиальным архиереем из числа наиболее достойных настоятелей. На них возлагались и функции проведения расследований нарушений, допускаемых братией, рассмотрение жалоб. В рапортах настоятелей, предоставляемых благочинным каждое полугодие, освещались такие вопросы, как численность проживающих в монастыре и сведения о вновь прибывших, соблюдение монастырских уставов и в частности правил литургии, сведения о дисциплинарных нарушениях, отчеты о финансовых и иных материальных поступлениях, новых постройках и состоянии ранее имевшихся²².

Пострижение в целом не требовало строгой богоугодной жизни в прошлом, как для кандидатов в священство. Необходимо было только искреннее покаянное настроение. Но при этом было необходимо соблюдение ряда условий. Вопреки 40-му правилу Трулльского собора, допускающему пострижение в 10-летнем возрасте, в России в синодальный период государственное законодательство позволяло постриг для мужчин не ранее 30 лет, а для женщин – 40. Исключение делалось только для учащихся духовных семинарий и академий, а также овдовевших священников. Им разрешалось принимать постриг с 25 лет. Во всех остальных случаях ходатайства о пострижении в более раннем возрасте рассматривались только на уровне Синода и были исключением. Поэтому средний возраст братии в крымских монастырях, например, по отчетам Козьмо-Дамиановской киновии в 1893 г., колебался от 50 до 56 лет. Возраст самого молодого из принявших пострижение – 45 лет. Только среди лиц, живущих в послушничестве и на испытании, средний возраст составлял 36–37 лет²³.

Для принятия пострига требовалось еще одно условие – трехлетнее предварительное послушническое испытание. В исключительных случаях время послушничества могло быть сокращено. Кроме того, согласно указу Святейшего Синода от 25 мая 1832 г., от послушнического искуса освобождались овдовевшие священнослужители и выпускники духовных учебных заведений. В крымских монастырях, по отчетам 1877–1878 гг., послушники составляли от 25% (Кизилташская киновия) до 67% (Инкерманская киновия), но обычно они не превышали 30–50% от числа принявших пострижение. Это позволяло контролировать дисциплину в монастырях, вести должную религиозно-воспитательную работу. Остальная братия состояла из иноков, делящихся на 3 чина: рясофорных монахов, то есть получивших черную монашескую рясу в залог будущих обетов монашества; действительных, или мантийных, монахов, уже произнесших три установленных обета – послушания, целомудрия, нестяжательства – и получивших при постриге мантию; и схимников, или схимонахов, связанных обетом совершенного отречения от мира и человеческого общества.

Нарастающий экономический и политический кризис в Российской империи к концу XIX в. привел к резкому увеличению численности живущих в монастырях и ищущих пострижения как возможности выжить в экономически сложных условиях. В итоге в конце XIX – начале XX вв. число послушников и находящихся на испытании часто значительно превышало количество рясофорных и мантийных монахов. Например, в отдельные годы численность послушников и находящихся на испытании в Херсонесском, Георгиевском, Топловском, Козьмо-Дамиановском, Успенском и Катерлезском монастырях превышала численность мантийных и рясофорных иноков (инокинь) в 2 и более раза. Например, в Катерлезской киновии в 1912 г. испытуемые и послушницы составляли 94% (83:5). Это, в свою очередь, не могло не сказаться на монастырской дисциплине и нравственности, влекло за собой неоднократные разбирательства по различным чрезвычайным случаям благочинными монастырей и епархиальным начальством. Сложившаяся ситуация нашла отражение в архивных документах Таврической духовной консистории и благочинных монастырей Таврической епархии. В одном из указов Таврической духовной консистории отмечается: «В настоящее тревожное время необходимо усилить наблюдение за порядком в управлении монастырями мужскими и женскими, при коих многие, как известно из дел, находятся в расстроенном состоянии. Во многих нет строгого наблюдения за монашескою братнею, случайно пополняющуюся пришлыми из других монастырей и из мира людьми; принимаются без разбора в послушничество приходящие бродяги и скрывающиеся без ведома настоятеля посетители и гости неизвестного имени и поведения. При такой... [текст утерян. – Авт.] надзора в настоящее время, когда умножилось повсюду бродяжничество, в монастырях весьма удобно могут укрываться люди неблагонамеренные, не... [текст утерян. – Авт.] и преступных замыслов»²⁴.

В древней византийской и русской истории известны случаи насильственного пострижения или заточения неугодных властям лиц в монастыри, которые расценивались как некие «исправительные учреждения». Однако уже в синодальный

период любое принуждение к монашескому постригу квалифицировалось как уголовное преступление. Обеты и требования родителей, обрекающих на постриг детей без согласия последних, не имели силы²⁵. В то же время, в силу особенностей иноческой жизни, оторванной от мирских соблазнов, монастыри XIX в. по-прежнему использовались для наказания и перевоспитания провинившихся священнослужителей из числа белого и черного духовенства. Например, в соответствии с Уставом духовных консисторий²⁶, в 1900 г. под надзором настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря пять месяцев отбывал по возложенной епитимьи священник Петро-Павловской церкви с. Громовки Днепровского уезда Евгений Попов, обвиненный в венчании несовершеннолетней, ростовщичестве, вымогательстве и иных негативных поступках²⁷. В том же году в Козьмо-Дамиановской киновии отбывали различные сроки наказания священник Преображенской Симферопольской церкви Петр Карпов, священник Вознесенской церкви с. Новониколаевки Мелитопольского уезда Иаков Федоровский и диакон из с. Князь-Григорьевского Днепропетровского уезда Лаврентий Черняев – все за совершение незаконных браков²⁸. В 1904 г. священник Михаил Михайлович Шульга за двоеженство* был предан церковной епитимьи на три года и 6 месяцев с отбытием в Катерлезской киновии²⁹. Такой скромный срок за, казалось бы, серьезное нравственное преступление для священнослужителя объясняется тем, что, в отличие от древних предписаний, в 3-м правиле Трулльского собора говорится: «Что касается до тех, которые, хотя впали в таковой грех второбрачия, однако прежде всего нашего определения полезное познали, и зло от себя отсекли, и несвойственное и незаконное совокупление далече отринули, или у которых жены второго брака уже умерли, и которые притом возрели ко обращению, вновь поучаясь целомудрию, и от прежних своих беззаконий вскоре отбегнув, пресвитеры ли то или диаконы: о таковых рассуждено, да удержатся от всякого священного служения, или действия, пребывая под епитимьей некоторое определенное время,

---

* В данном случае имеется в виду «второженство», то есть второй брак.

а честию седалища и стояния да пользуются, довольствуясь председательством, и плача пред Господом, да простит им грех неведения»³⁰.

О мягкости наказаний в отношении священнослужителей говорится и в деле священника Фавста Шепетило, препровожденного по возложенной епитимьи в Инкерманскую киновию. Священник обвинялся в избиении послушника Генница и священника Бычковского, вымогательстве дополнительной платы за услуги в праздник Вознесения Господня, остановке богослужения («на вечерней молитве закричал «Врете!» и набросился на Савву Генница, шумел и отказался служить, ушел в алтарь, снял епитрахиль и бросил среди церкви»), пьянстве и ряде других нарушений. Тем не менее, несмотря на то, что в постановлении Таврической консистории констатируется, что действия священника Ф. Шепетило подпадают под статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и он подлежит извержению из священного чина, виновному с учетом возраста был сохранен сан и предписано навсегда оставаться в Инкерманской киновии. В то же время, в соответствии с 25-м Апостольским правилом и 3, 32, 51 и 70-м правилами Василия Великого, за одно только избиение священнослужители подлежат извержению из сана как нарушившие седьмую заповедь: «Блаженны миротворцы, ибо будут наречены сынами Божиими». Одновременно, в соответствии со ст. 179 и 180 Устава духовной консистории, за произведенное замешательство в церкви, приведшее к остановке богослужения, виновный также должен лишаться священного чина, а согласно ст. 75 Уложения об уголовных наказаниях³¹ виновный привлекался к уголовной ответственности. В синодальную эпоху в России священнослужители, извергнутые из сана даже за канонические, а не уголовные преступления, могли занимать должности не выше дьячка. В указанном нами случае виновному должно было грозить, как минимум, исключение из списка духовного ведомства с серьезными последствиями. Тем не менее, священник Шепетило даже после того как была подтверждена его неспособность даже к иноческой жизни, был направлен на псаломническую должность в одну из сельских церквей³².

Большинство нарушений монашеской братии, с которыми приходилось бороться благочинным, чаще сводились к пьянству, мелким кражам, самовольным уходам и некоторым нарушениям в процессе богослужения. Об этом свидетельствуют, например, прошение о прощении пьянства, спаивания братии и самовольного ухода иеромонаха Херсонесского монастыря Ираникия³³; материалы расследования в отношении злоупотребления спиртными напитками иеромонаха того же монастыря Игнатия³⁴; о самовольных уходах послушников Дудзинского, Квитевского и Дышкевича³⁵; рапорт о пьянстве иеродиакона Катерлезской киновии Евпидия и объяснение игумена о поведении иеродиакона Игнатия³⁶; рапорта о злоупотреблении спиртными напитками и вымогательстве денег у прихожан иеродиаконом Успенского скита Агафангелом³⁷; о пьянстве в том же ските иеродиакона Аверия³⁸ и иеромонахов Балаклавского монастыря Иеремии³⁹ и Иринарха⁴⁰; указы Консistorии в отношении монаха Инкерманской киновии Вонифатия⁴¹, иеродиакона Тихона и монаха Антония из Кизилташской киновии⁴². Во всех случаях нарушители подвергались епитимьи и иным наказаниям. Среди сведений о кражах наиболее показательны материалы расследования о хищении иеродиаконом Геннадием личных вещей настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря архимандрита Никона⁴³, о подозрении в хищении дьяконом Инкерманской киновии Афанасием имущества иеромонаха Климента⁴⁴. За непристойное и соблазнительное поведение, самовольную отлучку из обители, ростовщичество в среде братии и распространение лживых слухов епархиальный архиерей подверг епитимьи монаха Козьмо-Дамиановской киновии Геннадия⁴⁵.

Не отличались высокой нравственностью, вероятно, и отдельные настоятели. В письмах благочинному сообщается о настоятеле Кизилташской киновии Николае, который злоупотреблял спиртными напитками, наживался на махинациях с хлебом, и сменившем его игумене Илье, который грубо обращался с братией, не выдавал должной пищи и одежды, а также наживался на махинациях с вином и пр.⁴⁶; о притеснениях монашествующих со стороны игумена Георгиевского Балаклавского

монастыря Иринарха⁴⁷, о присвоении денег игуменом Успенского монастыря архимандритом Николаем⁴⁸; о злоупотреблениях, допущенных настоятелем Козьмо-Дамиановской киновии игуменом Андреем⁴⁹. Ряд документов посвящен делу о неблагоприятном поведении настоятеля Козьмо-Дамиановской киновии игумена Серапиона. В материалах расследования отмечаются факты длительного проживания на территории мужского монастыря посторонних лиц, ведущих жизнь далеко «не по уставу и подающих братии повод к осуждению и соблазну», снабжения дровами и продуктами, принадлежащими монастырю, родственников, появления в церкви в пьяном виде и издевательства над иеродиаконом, изготовления и потребления шашлыков (монахам запрещено употребление мясной пищи), открытия лавки с товарами (нарушение монашеского принципа нестяжательства) и ряд других нарушений. Упорное невыполнение Серапионом предписаний епархиального начальства завершилось впоследствии его увольнением этого игумена⁵⁰.

Отсутствие надлежащего уставного порядка в крымских монастырях отражено в указе Таврической духовной консистории (1869 г.). В нем отмечаются неоднократные нарушения в части соблюдения монашеских обетов, нравственности и дисциплины, в области распределения, учета и расходования денежных средств, а также другие нарушения, выявленные в ходе проверки монастырей благочинным⁵¹. В специальном указе (1895 г.) отмечаются нарушения субординации в порядке подачи жалоб и заявлений священнослужителями и монашествующими светским властям, в обход епархиального управления⁵².

Перечисленные факты нарушений иноческих уставов, нравственности, дисциплины и законности в среде братии крымских монастырей не оставались безнаказанными со стороны епархиального начальства. После тщательного расследования каждого нарушения следовала та или иная резолюция архиерея, обеспечивавшая наказание в соответствии со сложившимися церковными правилами вплоть до увольнения, лишения сана провинившихся и даже закрытия наиболее неблагонадежных киновий. В целом же вышеуказанные нарушения не являлись системой и скорее были исключением. Жизнь

большинства обителей отличалась строгостью и порядком, предусмотренным монастырскими уставами.

Распорядок дня, основанный на Иерусалимском уставе, выглядел так. Сутки монахов начинались около полуночи. По сигналу колокола в храме начиналась церковная служба, которую по очереди проводили иеромонахи и иеродиакон^{ны}. По окончании богослужения отводилось время для поучений настоятеля или назначенного из числа «старшей братии». После полнощной, вернувшись в кельи, монахи выполняли «келейное правило», состоявшее из комплекса молитв и поклонов. В пять часов утра после литургии начиналась утренняя трапеза. До полудня братия занималась хозяйственными делами и иными послушаниями. После обеденной трапезы послушания продолжались еще до двух-трех часов. Суточный круг завершала 1–1,5-часовая вечерняя служба в храме, ужин и выполнение «общего правила» в церкви, также состоявшее из комплекса поклонов и молитв. Отбой в обители наступал примерно в 19 часов⁵³. Вопросу правильности богослужения уделялось особое внимание, так как «важнейшим предметом внимания монастырского начальства и усердия братии должно быть строгое уставное (по Типикону) церковное богослужение без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания»⁵⁴. Все священные действия при литургии строго регламентировались уставом, чином, последованием, чиноположением и службой Божественной⁵⁵. Любое дело в монастыре начиналось и заканчивалось молитвой: приготовление пищи, трапеза, работа. Ритуальные требования соблюдались в каждой мелочи: при входе в храм, богослужении, выполнении «общего» и «келейного правила», так как не только от искренней веры и смирения, но также и от точного исполнения всех уставных предписаний зависело спасение души. Не зря существенная часть упомянутого нами указа Таврической духовной консистории (1869 г.) была посвящена выявленным нарушениям и призывам к благочинию во время богослужений⁵⁶. О сложности выполнения монастырских уставов говорит тот факт, что, например, в праздничные дни только при выполнении «общего правила» после полунощной инок совершал 150 поклонов и 200 молитв⁵⁷.

Наиболее проблемным в церковном праве является вопрос собственности. Он разрешался в непосредственной зависимости от государственных законов. После секуляризации земель в 1764 г. российские церковные учреждения, включая монастыри, лишились вотчинного землевладения и могли обладать лишь небольшими ненаселенными участками земли. В то же время, церковь не была ограничена в приобретении движимого имущества и накоплении денежных средств. С точки зрения церковного права, «Церковь – богоучрежденный институт, происхождение ее неотмирно; но в своей земной части Церковь поставлена в обыкновенные условия жизни и имеет нужду в земных вещественных средствах»⁵⁸, то есть в культовых зданиях, землях, имуществе и деньгах. Все монастырское имущество делилось на две категории: вещи священные (в том числе освященные) – к ним относятся мощи, иконы, Евангелие, покровы священных сосудов, храмы, часовни, купели, лампы, книги, колокола и пр.; и вещи церковные – недвижимость (кроме освященной), земля, деньги и пр. Все имущество могло приобретаться либо путем получения от государства, от частных дарителей, либо за собственные средства. Мы уже упоминали основные источники материального обеспечения монастырей Таврики. В то же время, еще по древним церковным правилам, священное или освященное имущество, независимо от того, каким путем оно приобретено, не могло быть использовано в иных целях, за исключением выкупа пленных христиан, например, за слитки золота, выплавленные из священного имущества. Законами Российской империи однозначно применялись суровые виды наказания к похитившим или уничтожившим любое церковное имущество⁵⁹. Все эти действия относились к разряду уголовных преступлений против веры. Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. состояние правопорядка в империи настолько пошатнулось, что даже церковные святыни перестали быть в безопасности. В связи с участвовавшими случаями хищений церковного имущества 22 мая 1905 г. был издан указ Таврической духовной консистории № 2591, в котором приходским священникам и настоятелям монастырей предписывалось обеспечить сохранность церковного имущества, нанимать «добрых сторожей»

и пр. Даже иконы, кресты и иные наиболее ценные вещи предписывалось сразу после службы уносить и прятать⁶⁰.

Вопрос собственности, в первую очередь земельной, имел огромное значение для монастырей. При этом надо учесть, что большинство крымских монастырей являлись заштатными, то есть лишенными государственной поддержки. Ограничения в праве на земельную собственность после секуляризации церковных и монастырских земель Екатериной II ко второй половине XIX в., вероятно, уже не практиковались. В целом, не считая земли, приписанной к Архиерейскому дому, в конце прошлого века крымские обитатели располагали собственностью в 6 100 десятин земли. Основная ее часть была получена в виде дарений от частных лиц или обществ. В то же время земли, выделенные на обзаведение монастырям из государственного фонда, составляли всего 9,2%, причем основная их часть принадлежала Балаклавскому Георгиевскому первоклассному штатному монастырю. Касаясь вопросов имущества, необходимо учесть, что, согласно Уставу Василия Великого и шестому правилу Двукратного собора⁶¹, монахи не могли иметь личной собственности; все имущество, внесенное ими в монастырь, принадлежало монастырю. Поэтому, согласно российским законам, до пострижения послушники были обязаны распорядиться своим имуществом по собственному усмотрению. За иноками не признавалось права на завещание или права получения наследства по завещанию⁶². Некоторое исключение делалось только для настоятелей штатных монастырей: они имели право распоряжаться своим имуществом, за исключением вещей ризницы. Эти вещи, даже приобретенные за личные средства, передавались монастырю.

Поэтому часто статьей дохода монастырей становилось имущество ищущих пострижения, как, например, помещицы А.А. Ламбири (Зотовой), передавшей 250 десятин земли Троице-Параскевиевской обители, монаха Калининника, передавшего монастырю 44 десятины принадлежавшей ему земли (см. гл. 2). Использовали личные средства для строительства монастырских церквей настоятели Херсонесского монастыря Василий и Козьмо-Дамиановской киновии Макарий. Дорогими иконами обеспечил монастырский храм настоятель

Балаклавского монастыря митрополит Агафангел. Российское законодательство гарантировало монастырям широкие льготы в области налогообложения. От поземельного сбора освобождались монастырские землевладения, данные правительством⁶³, и любая недвижимая собственность, которая не приносит доходов⁶⁴. Именно такие земли в крымских условиях составляли большинство монастырских владений. Например, в Балаклавском и Кизилташском монастырях непригодные к обработке земли составляли 97%. В безраздельном пользовании монастырей находились и выделенные им лесные участки⁶⁵. От налога на недвижимость в городах освобождались любые монастырские постройки, не имеющие дохода от сдачи их в наем⁶⁶. Впрочем, монастырские строения, по имеющимся у нас сведениям, в городах Крыма в наем не сдавались, за исключением двух домов в Севастополе. Но и здесь имелась своя выгода: город Севастополь освобождался от налога на недвижимое имущество⁶⁷.

Всем монахам запрещалась торговля, за исключением предметов культа или изделий, изготовленных их собственными руками с разрешения начальства. Любые заведения по изготовлению и реализации литературы духовно-нравственного содержания, свечей, икон, лампадного масла и т. п. также освобождались от налогов⁶⁸. По примерам Топловского и Козьмо-Дамиановского женских монастырей можно судить о размахе ремесленного производства умелиц-инокинь. А в целом беспшлинная торговля предметами культа и изделиями мастерских составляла значительную долю дохода обитателей.

От пошлины освобождалось имущество, поступившее монастырям от обществ и частных лиц⁶⁹, и денежные оклады монашествующих, получаемые, например, в штатных монастырях⁷⁰. Более того, монастыри освобождались и от акцизных сборов на изготовление спиртных напитков⁷¹. Таким образом, российское налоговое законодательство предоставляло широкие льготы монастырским хозяйствам, позволяющие при умелом управлении обеспечить их безбедное существование. Исключая средства, отпускаемые на содержание первоклассных монастырей, среднегодовой доход крымских обитателей в XIX в. составлял более 185 тыс. руб.

Отмечая пассивную деятельность государства и церкви по христианизации Крымского полуострова в первые 70 лет после присоединения к империи и ссылаясь на этно-религиозные и политические причины этой пассивности, мы не затронули экономической стороны. Не исключено, что причиной являлись и ограничения на открытие новых обителей, обеспечение их земельной собственностью, нашедшие отражение в законодательстве Петра I и Екатерины II. Монастыри, составлявшие экономическую опору Российской православной церкви, лишились остатков самостоятельности, оказались под полным контролем и фактически управлением высших государственных чиновников. Только к середине XIX в., когда абсолютная монархия ослабла и вступила в фазу буржуазных реформ, были сняты и некоторые препоны в деятельности церкви. К этому времени она уже не представляла конкуренции императорской власти, а могла быть лишь ее идеологической опорой. Именно с этого момента начинается новый виток поддержки монашества императорской властью, его стимулирования за счет льгот в области налогообложения, а со стороны церкви и, в частности, монастырей – новый этап накопления движимого и недвижимого имущества, экономической независимости, а значит, и влияния среди населения. Судя по увеличению численности братии, определенному подъему авторитета монастырей способствовала экономическая и политическая нестабильность в самом государстве, то есть социумные детерминанты⁷². Особенно показателен при этом прилив в монастыри женщин. Если в 60–70-х гг. XIX в. все крымские монастыри были мужскими, то в конце столетия открываются три женские обители.

Благочестивая и нравственная жизнь крымских монастырей, основанная на уставах и характерная для первых лет подвижничества, в последней четверти XIX в. все более насыщена негативными явлениями.

Православные обители оказались далеко не столь оторванными от мирской жизни, как это должно было быть. Несмотря на меры, принимаемые епархиальным начальством и благочинными, кризисная ситуация в империи существенно отразилась и на нравственных устоях монастырской братии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анализ имеющихся источников позволяет воссоздать историю православных монастырей XIX – начала XX в. в Крыму, рассмотреть динамику их развития в связи с историческими событиями и социально-политическими процессами. Ориентированность ортодоксального христианства на преемственность от древних традиций ярко проявляется именно в истории православных обителей. Поэтому изучение данной проблемы потребовало более широких временных рамок.

Проникновение христианства на полуостров в конце III – начале IV вв. предопределило создание монастырей. Первоначально на северных окраинах Византийской империи иночество не получило столь широкого распространения, как, например, в долине Нила, в Сирии и Палестине.

Если раннее пустынножителство и существовало в Таврике, то оно не оставило о себе каких-либо значимых свидетельств. О более широком распространении иночества на полуострове можно говорить только начиная с VIII–X вв., когда в результате арабских завоеваний Византия и, соответственно, христианская церковь теряют свое влияние в Северной Африке и Малой Азии. Отток христианского населения из южных и восточных провинций послужил причиной новой волны перемещения грекоязычного населения в Таврику. В итоге на полуострове возникают Боспорская, Херсонесская, Готская, Сугдейская и Фулльская епархии. Процесс расширения влияния христианской церкви

на полуострове совпадает со временем иконоборческой политики императоров Льва III и Константина V, имеющей не столько догматические, сколько социально-политические причины. После Собора 754 г. часть византийского монашества, выступившего против официальной государственной политики, была вынуждена бежать на далекие окраины, включая Таврику. Большинство исследователей, опираясь на ряд источников, традиционно считают одной из основных причин возникновения монастырей в Крыму эмиграцию иконопочитателей.

Основная часть монастырей VIII–IX вв. возникает в тех регионах Таврики, которые были независимы либо номинально зависимы от Византийской империи и расположены в относительно отдалении от ее официального центра на полуострове – Херсонеса. Поэтому, с нашей точки зрения, более вероятно обнаружение памятников христианства данного периода и в первую очередь монастырей в Юго-Восточном и Южном Крыму. Тем не менее, было бы неверно обосновывать распространение иночества в Таврике только иконопочитательской эмиграцией. Иконоборчество не отрицало существования монастырей, а было направлено на подрыв экономической базы церкви и ее влияния на светскую власть. Распространение монашества надо увязывать не столько с кратковременным периодом иконоборчества, сколько вообще с эмиграцией грекоязычного христианского населения в Таврику, которое оказало мощное влияние на культуру населения края.

Географическая отдаленность Крыма обеспечивала минимальное вмешательство византийских светских властей в жизнь подвижников церкви. Это отвечало интересам братии, объединенной на принципах киновитного общежития и ищущей уединения от мира ради служения Богу. Вероятно, в VIII–X вв. здесь был ослаблен контроль не только со стороны государственных учреждений, но и Константинопольского патриархата, сросшегося с институтами власти империи. В то же время близость языческого мира предоставляла широкие миссионерские перспективы.

Несмотря на стремление к уединению, нестабильная социально-политическая ситуация в Таврике способствовала основа-

нию христианских обителей вблизи крупных экономических и политических центров или, по крайней мере, крупных поселений, их концентрации в горных районах, на южном побережье и в Восточном Крыму, то есть в местах компактного проживания населения, исповедующего христианство. Это обеспечивало безопасность братии среди единоверцев и экономические интересы монашествующих, существующих за счет пожертвований, реализации продуктов сельского хозяйства и ремесла.

К X–XV вв. средневековые обители могли являться собственниками земли. В то же время в Крыму, где сохранялось серьезное влияние пришлых кочевых племен, находившихся на стадии распада родоплеменных отношений, земледельческий феодализм еще не сложился в классических формах. Монастыри, вероятно, владели скромными земельными наделами в пригородных зонах либо являлись центрами небольших сельских округов. Не способствовал возникновению крупных монастырских владений и гористый ландшафт. Горная и Южнобережная Таврика, если сравнение уместно, напоминала Шотландию, то есть здесь могли возникать мелкие феодальные или даже кланово-феодальные владения, в том числе и монастырские, находящиеся в условной зависимости от Византийской империи, Хазарского каганата либо иного владетеля. При этом влияние христианской церкви и монастырей в частности способствовало ориентации пестрого в этническом, но не в религиозном отношении населения Таврики на Константинопольский патриархат, а значит, на Византию.

Несмотря на нестабильность политической ситуации, в X–XV вв. христианство по-прежнему сохраняло доминирующие позиции в Таврике. В этот период на Юго-Востоке христианские монастыри концентрировались вокруг Сугдеи, а позднее – в генуэзской Кафе; в Юго-Западном Крыму рост пещерных монастырей совпадал с возникновением христианского княжества Феодоро. Важно отметить, что монастыри XIV–XV вв. в Горном и отдельные – в Южнобережном Крыму уже, вероятно, представляли собой достаточно мощные в экономическом отношении хозяйства. В то же время на юго-восточном побережье это были мелкие, но многочисленные обители. Если

в первом случае православные монастыри, бесспорно, пользовались покровительством князей Феодоро, то во втором – на территориях, подвластных католическим Венеции и Генуе, – правители развитию православных обитателей не способствовали, но все же заботились о безопасности подданных и защите их имущественных прав.

Вторжение татаро-монголов в Крым на раннем этапе также существенно не повлияло на позицию православной церкви. Христианское вероисповедание большинства населения Таврики XIII – начала XV вв. обеспечивало относительно стабильное положение как церкви, так и монастырей. На начальном этапе, опираясь на Яссу Чингисхана, золотоордынцы занимали веротерпимую позицию. В то же время человеческие потери во время набегов, смешанные браки, хрупкость политических отношений и падение роли христианских государств в Черноморском бассейне лежали в основе постепенного падения влияния православия.

Ситуация изменилась с вторжением на Крымский полуостров Османской империи, ликвидацией генуэзских колоний и княжества Феодоро, переходом едва возникшего Крымского ханства в вассальную зависимость от султана. С этого момента большинство христианского населения оказывается в непосредственной зависимости от Турции, так как основная часть Таврики была включена в состав Османской империи (Кафинский эялет). Начался активный процесс вытеснения христианства исламом. Положение христианской религии из доминирующей переходило на уровень религии этнических меньшинств и оппозиционной.

Теперь православные христиане, в первую очередь священнослужители и монашество, могли расцениваться как «пятая колонна», ориентированная на христианские государства, прежде всего Московию и Литву, с которыми Крымское ханство, будучи вассалом Турции, чаще всего находилось во враждебных отношениях. В этом для XV–XVIII вв. нет ничего удивительного. Ведь и российское правительство после присоединения полуострова также с подозрением относилось к мусульманам из-за их симпатий к Турции.

За годы турецко-татарского владычества в Крыму роль христианской церкви была сведена к минимуму. Сократились приходы, а к середине XVIII в. из многочисленных православных монастырей уцелело не более четырех мелких обителей. Вторжение в Крым российских войск и последующее присоединение полуострова к России в 1783 г. устранили любую возможность притеснений христианского населения на почве религиозных убеждений, но не изменили религиозной ситуации в целом. Переселение части христиан при поддержке Екатерины II привело к сокращению приходов, а монастыри вообще прекратили существование. На этом завершились два первых периода истории православного монашества в Крыму.

В течение последующих 70 лет Святейший Синод и российское правительство не принимали сколько-нибудь существенных мер по христианизации края, несмотря на переселение в Тавриду православного населения из российских и украинских губерний. Многие переселенцы легко воспринимали местные обычаи, а некоторые даже меняли вероисповедание. С нашей точки зрения, столь пассивной церковной политике можно дать следующее объяснение:

1. Мощный абсолютистский государственный аппарат, опираясь в первую очередь на военно-полицейские структуры, не видел острой необходимости использовать религиозно-идеологические институты.

2. Правительство проводило политику заигрывания с местным населением на окраинах империи, что в глазах мировой общественности внешне выглядело демократично, а значит, при глобальных стратегических претензиях России на Балканы, Кавказ и Среднюю Азию не возбуждало заведомо противодействия населения, исповедовавшего ислам и другие нехристианские религии.

3. Внутренняя политика Петра I, направленная на ослабление церкви и устранение конкурента абсолютистского правления, получила завершение при Екатерине II, проведенной секуляризацию церковных земель, а значит, окончательно подорвавшей и экономическую базу православной церкви в государстве. Церковь окончательно была поставлена на службу

государству, подчинена Святейшему Правительствующему Синоду. Число монашеских обителей, где концентрировалась недвижимость, сокращалось, и создание новых ограничивалось.

К середине XIX в. ситуация изменилась. Российская империя вступила в полосу экономического и политического кризиса, все более отставала от европейских государств. Технически несовершенные армия и флот, как показала Крымская кампания, уже не могли обеспечить безопасность южных рубежей, а очередная попытка вмешаться в балканские проблемы окончательно превратила в иллюзию не только претензии на средиземноморские территории, но и возможность контроля и диктата в соседних государствах. Поддержка Англией и Францией Турции создала угрозу интересам России в Черноморском бассейне. В то же время православная церковь, полностью контролируемая императорской властью, уже не составляла конкуренции внутри государства и могла быть только ее союзником. С этого момента вопросам укрепления православия в Крыму начало уделяться особое внимание. Создание сети приходов и монастырей становится необходимым условием для закрепления полуострова в составе империи. Эмиграция части мусульман во время русско-турецкой войны и переселение на полуостров эмигрантов-христиан из Болгарии и Греции также расширяли возможности влияния церкви.

Инициатором возрождения монашества на полуострове стал крупный церковный и политический деятель, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. В его письмах и «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» четко прослеживаются основные идеи и цели:

1. Использование иночества для активной христианизации края и вытеснения ислама, так как «Россия сильна и держится преимущественно верою и чувством набожности; а набожность... питается наиболее обителями иноческими».

2. Возрождение древних христианских монастырей – это создание святых мест, ибо: «Тут святые следы стоп Св. Андрея Первозванного, тут кровь Папы св. Климента и св. Мартина, тут подвиги Стефана Сурожского и Первоапостолов Славянских Кирилла и Мефодия; тут память Св. Владимира и его

крещения». Возрождение «святых мест» должно было подтвердить историческое право христианской церкви на ведущее вероисповедание в Тавриде, а православной России – на ее территорию.

3. Создание «российского Афона» сократило бы традиционное стремление иноков в монастыри Средиземноморья, где особенности греческой церкви «неудобно слагаются с элементом русским», а монахи «встречают нередко тяжкие утеснения».

По предположению Иннокентия, в Таврике должен был возникнуть комплекс небольших киновий по древнему образцу и примеру Афона с центром в Успенском ските, представляющий единое иноческое братство. Причем создание обителей не должно было требовать дополнительных капиталовложений от казны, а создаваться на пожертвования и находиться на самообеспечении. В таком случае и жизнь иночества должна была максимально соответствовать идеалу пустынножительства, созданию всех условий для нравственного религиозного подвига.

Работа по возрождению православных киновий в Крыму началась с 1850 г., но была прервана Крымской войной. Последующий процесс создания монастырей не совсем совпадал с первоначальными планами.

Еще до войны выделился Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь, ставший базой иеромонахов Черноморского флота. Статус первоклассного монастыря получила и Херсонесская обитель св. Владимира, устроенная на месте легендарного крещения князя Владимира, что имело важное идеологическое значение для России. Остальные мужские монастыри – Инкерманский св. Климента, Кизилташский св. Стефана Сурожского, св. Козьмы и Дамиана, Катерлезский св. Георгия, – открытые в разные годы, имели статус киновий и фактически оказались независимы от Успенского скита, возрожденного под Бахчисараем. Крым коснулась и общероссийская тенденция к росту женских обителей в конце XIX в., что можно связать с экономической нестабильностью. Здесь возникает женский Топловский Троице-Параскевиевский монастырь, а на месте упраздненных Катерлезской и Козьмо-Дамиановской мужских киновий – женские обители с аналогичными названиями.

При открытии киновий была сохранена идея создания общежительных заштатных киновий (за исключением штатных Балаклавского и Херсонесского монастырей). Основой для создания экономической базы заштатных киновий и указанных штатных монастырей стали частные пожертвования и дарения, включая и земельные наделы, а также передача участков земли из государственного фонда. На примере крымских обителей мы четко прослеживаем, как после почти векового пробела, связанного с указами Екатерины II, шел процесс воссоздания монастырской и в целом церковной экономической базы. К концу XIX в. общая площадь земельных владений крымских монастырей уже составляла 6 100 десятин. За счет пожертвований, процентов по банковским вкладам, сдачи в аренду земли, реализации церковных товаров и изделий монахов-умельцев, оплаты за требы монастыри получали сравнительно немалый доход. К концу XIX в. общая среднегодовая прибыль обителей превышала 185 тыс. руб. Этому, бесспорно, способствовало льготное налогообложение церковных учреждений, предусмотренное реформированным российским законодательством. Всего за полвека существования, а некоторые – и за более короткий период, православные обители сумели стать экономически крепкими хозяйствами, создать крупные архитектурные комплексы.

Опираясь на церковную историю или легенды, практически все крымские обители приобрели ореол святости. При этом «святость» мест подкреплялась апробированными с XV в. «чудодейственными» свойствами воды в источниках и легендами о «чудесном» появлении различных икон святых. Несмотря на то, что большинство рассказов из церковной истории не соответствовали научным данным, в основном не имели отношения к Крымскому полуострову либо (как с «тысячелетием» Балаклавского монастыря) вообще являлись выдумкой, сам факт воссоздания обителей на местах глубокой древности снимал всякие сомнения у верующих, делал монастыри местами массового поклонения богомольцев.

Жизнь иноков в крымских обителях, по примеру российских, строилась на основе уставов, созданных на базе Иеруса-

лимского типика, и была подчинена строгим правилам. Уставы регламентировали распорядок дня братии и обеспечивали необходимые условия для выполнения иноческих обетов. Первые два десятилетия существования монастырей можно с известной долей уверенности считать фактически соответствующими требованиям иноческого общежития.

Однако экономическая и политическая ситуация в России к концу XIX – началу XX в. не могла не отразиться на благочинии монашеской братии. Массовый прилив в обители людей случайных, далеких от идеи религиозного подвига, привел к росту нарушений уставов и случаям морального разложения. Число послушников и пребывающих на испытании иногда превышало число рясофорных и мантийных монахов в два и более раза. В материалах благочинных крымских монастырей к концу века запестрели сведения о пьянстве, безделии, неповиновении настоятелям и иных нарушениях правил иноческой жизни. Не способствовало нравственному воспитанию и использование монастырей для прохождения епитимьи белым духовенством. Участились случаи нарушений даже со стороны самих настоятелей. Бесхозяйственность и нарушения уставов стали причиной упразднения Козьмо-Дамиановской и Катерлезской мужских киновий.

Падение нравственности в обителях являлось отражением социальных кризисных явлений в империи. Монашество, находясь экономически, идеологически и юридически в «парниковых» условиях, оказалось неспособным, по примеру подвижников IV–V вв., оторваться от мирских соблазнов. Важной причиной этого является включение православной церкви в структуру государственного управления, а значит, и принципиальная изначальная ошибка: ориентация монашества на служение светской власти, императору, которым оно давало присягу.

С падением империи вновь была подорвана экономическая база православных монастырей. Лишившись недвижимого имущества, крупных пожертвований меценатов, льгот в области налогообложения, вынужденные платить за аренду национализированной собственности, разбухшие численно в последнее десятилетие, обители оказались неспособными перестроиться

в новых политических условиях, оказались ненужными и даже вредными для новой власти. После победы большевиков православная церковь, поддерживавшая императорскую власть, расценивалась как идеологический противник. Однако первоначально отношение к монастырям не было однозначным. Они некоторое время еще сохранялись в виде производственных артелей. Лишь к концу 20-х – началу 30-х гг. XX в., когда сталинское руководство заняло позицию «воинствующего атеизма», монастыри под различными предлогами ликвидировались. Этот малоизученный, интересный момент, отраженный в архивных документах, может являться темой отдельных исследований. Завершился третий период истории монашества в Крыму.

В 90-е гг. XX в., с падением однопартийной системы, развалом советского государства и рождением на его осколках новых держав, строящих отношения на демократических основах, возникли условия к возрождению православной церкви. В Украине, параллельно восстановлению приходов, идет активный процесс возрождения иночества. В Крыму возрождены Успенский, Козьмо-Дамиановский, Инкерманский, Георгиевский мужские и Троице-Параскевиевский женский монастыри, ремонтируются и вновь освящаются заброшенные храмы. Положено начало восстановлению Кизилташской киновии. Возрождается идея архиепископа Иннокентия о создании нового Афона в Крыму. На рубеже тысячелетий православное монашество вступило в четвертый период своей истории на полуострове.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Жизнь и чудеса св. бессребреников Космы и Дамиана. – М., 1901. – 17 с.

² *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 333–367; Извлечение из сочинения Михаила Литвина (1550 г.): Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – Вып. I: (XVI ст.) / Пер. с польск. К. Мельник; Ред. В. Антонович. – К., 1890. – С. 6–58; *Оболенский М.* Сказание священника Иакова «О мощах неведомых» // ЗООИД. – Т. 2. – Отд. 2–3. – Одесса, 1850. – С. 685–692; *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 65–178; *Челеби Э.* Книга путешествий Эвлии Челеби: Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.) / Пер. с польск. М.Б. Кизилова. – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.; *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку: Элы, 1984; Цит. по: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 56.

³ *Антонин.* Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Т. 5. – Одесса, 1863. – С. 596–614; *Барсов Н.И.* Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к разным лицам. – Б. м.: тип. Елеонского, 1886. – 22 с.; *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма // Новый град. – Симферополь: Крымский контекст, 1997. – С. 49–62; Высочайшее соизволение на принятие Инкерманскѣ св. Климента киноией участка земли // ТЕВ. – 1903. – № 23. – С. 1581; Высочайшее повеление на принятие Инкерманской св. Климента киноией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 22. – С. 1528; Высочайшее соизволение на укрепление недвижимого имущества за Катерлезским Георгиевским монастырем // ТЕВ. – 1909. – № 16. – С. 250; № 27. – С. 415; Высочайшее соизволение на принятие

Кизилташской киновией усадебного места // ТЕВ. – 1904. – № 7. – С. 463; Высочайшее повеление на принятие Кизилташской киновией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 11. – С. 756; Высочайшее повеление о принятии Топловским монастырем недвижимого имущества // ТЕВ. – 1906. – № 2. – С. 40; № 10–11. – С. 223; Высочайшее повеление об укреплении земли с постройками за Топловским женским монастырем // ТЕВ. – 1910. – № 9. – С. 121; Высочайшее присутствие при закладке в Херсонском монастыре храма св. равноапостольного князя Владимира // Странник. – Т. 4. – Кн. 10. – 1861. – С. 157–160; *Гавриил, архиепископ*. Хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. – № 2. – Одесса, 1848. – С. 140–210; Жизнь Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом): В 2 т. – Т. 1. – М., 1987. – 410 с.; *Зув В.Ф.* Выписка из путешественных записок, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов на 1783 г.: Оттиск. – Б. м. – 31 с.; Книга Большого Чертежа. – М., 1846; *Лашков Ф.Ф.* Дело о выдаче выезжему из Крыма греку Пасхалию на монастырь Салаченский по жалованной грамоте милостыни 15 руб. // ЗООИД. – Т. 17. – Ч. 4. – Одесса, 1894. – С. 6–7; *Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. – № 14. – Одесса, 1886. – С. 92–158; *Мурзакевич Н.* Список со статейного списка Великого государя его Царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1850. – С. 586–658; *Негри А.* Фирман, данный турецким султаном Мустафою, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Геодону, на Крымскую епархию / Перевод с турецкого // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1848. – С. 680–684; *Родионов М.* Статистико-хронологическое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. – Симферополь, 1872. – 269 с.; Указ (из Св. Синода) об обращении Катерлезской Свято-Георгиевской мужской киновии в женский того же наименования общежительный монастырь // ТЕВ. – 1900. – № 7. – С. 454–456; Указ об обращении Козьмо-Дамиановской киновии в женский общежительный монастырь // ТЕВ. – 1899. – №№ 15–16. – С. 1069–1070; Указ о введении в Херсонесском Св. Владимира первоклассном монастыре общежительного устава // ТЕВ. – 1900. – № 2. – С. 82.

⁴ Деяния Вселенских соборов // Православный вестник. – Казань, 1899. – № 5. – 358 с.; *Заозерский Н.* Право православной церкви как предмет специальной юридической науки. – М., 1888. – 187 с.; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 4. – М.: Изд-во Соборного Совета, 1994. – С. 31–43; Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова: В 9 т. – Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – 432 с.; Свод законов

Российской империи: (неофициальное издание). – 4-е изд. – СПб.: Общественная польза, 1904. – 296 с.; Устав для Генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД. – № 5. – Одесса, 1863. – С. 623–837.; *Цыпин В.А.* Церковное право: 2-е изд. – М.: Изд-во МФТИ, 1996. – 442 с.

⁵ *Анфим, игумен.* Исторические записки о Херсонесском Владимирском монастыре // ЗООИД. – Т. 10. – Одесса, 1877. – С. 425–430; *Буткевич, священник.* Иннокентий, архиепископ херсонский. – СПб., 1887. – 46 с.; *Востоков Н.М.* Иннокентий архиепископ Херсонский и Таврический // Русская старина: Отгиск. – Т. 21. – 1878. – С. 193–204; 547–572; Т. 23. – С. 367–398; *Гавриил, архиепископ.* Переселение греков из Крыма // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 197–210; *Георгий, иеромонах.* Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // ТЕВ. – Симферополь, 1900. – № 20. – 26 с.; *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – Псков, 1887. – 520 с.; *Ефрем, иеромонах.* Краткое описание Инкерманской кинонии и древнего ее храма в новооткрытой Таврической епархии. – М., 1861. – 23 с.; *Иванов А.* Воспоминание о Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – Симферополь: ТЕВ, 6. г. – № 23: Отгиск. – 22 с.; *Лебединцев А., протоиерей.* Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 204–216; *Медведев А., протоиерей.* Благоденственный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – 120 с.; *Никандр, игумен.* Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря // Крымский вестник. – Севастополь, 1891. – № 51–52. – С. 1–18; *Никандр, игумен.* Херсонесский монастырь в Крыму: История его и настоящее состояние. – Варшава, 1907. – 34 с.; *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. – 23 с.; *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Странник: Духовный журнал. – СПб., 1887. – № 11. – С. 407–426; *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – СПб., 1888. – 25 с.; *Палимпсестов И.* Опровержение клеветы – ответ на статью об Иннокентии Херсонском в «Русской Старине»: (Отд. оттиск, без указания на место издания и год. Предположительно опубликована после 1887 г. Фонды Крымского краеведческого музея. «Таврика»). – 27 с.; *Протопопов М.* Инкерманский монастырь близ Севастополя. – Севастополь, 1905. – 40 с.; *Протопопов М.* Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – 15 с.; *Протопопов М.* Георгиевский монастырь. – Севастополь, 1905. – 42 с.; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская кинония в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – Симферополь, 1884. – 73 с.; *Свенцицкий В., протоиерей.* Диалоги. – К.: Богдана, 1994. – 212 с.

⁶ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – Псков, 1887. – 520 с.

⁷ *Лебединцев А., протоиерей.* Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 204–216.

⁸ Руднев Г., протоиерей. Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – Симферополь, 1884. – 73 с.

⁹ Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму: Чудесное явление святого великомученика и Победоносца Георгия погибавшим мореплавателям и основание обители: Святой великомученик Георгий Победоносец. – СПб., 1893. – 4 с.; Горчакова Е. Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – М., 1894. – 182 с. Переиздана издательским отделом Владимирской епархии, 1994. – 31 с.; Жизнь и чудеса св. бессребреников Космы и Дамиана. – М., 1901. – 17 с.; Иванов А. Воспоминание о Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – Симферополь: ТЕВ, 6. г. – № 23: Отгиск. – 22 с.; Инкерман и Инкерманский Священномученика Климента монастырь в Крыму. – Одесса, 1912. – 17 с.; Катерлезский Свято-Георгиевский общежительный женский монастырь. – М., 1900. – 15 с.; Куреев П.Г. Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму: Краткое описание. – Ялта, 1913. – 48 с.; Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – 43 с.; Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского первоклассного монастыря в Крыму. – Севастополь, 1893. – 29 с.; Михайловский В. На память о Топловской женской обители в Феодосийском уезде Таврической епархии. – СПб., 1889. – 8 с.; Михайловский В. Торжество в Топловской женской общежительной обители Феодосийского уезда Таврической губернии 24–26 июня 1888 г. // ТЕВ. – № 19, 20. – Симферополь, 1888. – С. 929–954.; Никандр, игумен. Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря // Крымский вестник. – Севастополь, 1891. – № 51–52. – С. 1–18; Никандр, игумен. Херсонесский монастырь в Крыму: История его и настоящее состояние. – Варшава, 1907. – 34 с.; Никон, архимандрит. Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. – 23 с.; Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. – Б. м., 1852. – 22 с.; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – Симферополь, 1886. – 29 с.; Описание Топловского женского общежительного монастыря св. Преподобомученицы Параскевы в Крыму. – М., 1885. – 41 с.; Описание Троице-Параскевиевского Топловского общежительного женского монастыря в Крыму. – Феодосия, 1896. – 48 с.; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит: Краткое историческое описание. – Одесса, 1908. – 20 с.; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит: (Краткое историческое описание) // Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – С. 8–27; Подворье Козьмо-Дамиановского женского монастыря в г. Симферополе // ТЦОВ. – Симферополь, 1908. – № 14. – С. 555–560; № 15. – С. 605–609; Протопопов М. Исторические очерки Крыма: Георгиевский монастырь. – Севастополь, 1905. – 42 с.; Протопопов М. Инкерманский монастырь близ Севастополя. –

Севастополь, 1905. – 40 с.; *Протопопов М.* Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – 15 с.; *Протопопов М.* Георгиевский монастырь. – Севастополь, 1905. – 42 с.; *Рождественский О.Р.* Св. бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан и Космо-Дамиановская киновия с целебным источником в Крыму. – СПб.: Общественная польза, 1891. – 8 с.; *Снегирева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий: Описания крымских чудотворных икон Пресвятой Богородицы. – Симферополь, 1995. – 32 с.; *Соколов И.И.* Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму (близ Севастополя). – 2-е изд. – СПб., 1901. – 15 с.; *Столбуненко М.М., Тур В.Г.* До питання про правове становище православних монастирів XIX ст. у Російській імперії: (за церковними архівними матеріалами Криму) // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – № 4. – Одеса, 1998. – С. 136–144; *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – 51 с., Творения преподобного Феодора Студита. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1909. – 512 с.; Топловский женский общежительный монастырь св. Параскевы в Крыму. – М., 1883. – 32 с.; Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря: Празднование 14 сентября 1891 г. – Севастополь, 1892. – 11 с.

¹⁰ *Головкинский Н.* Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. – 551 с.; *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – 519 с.; *Никольский П.В.* Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь, 1927. – 124 с.; *Пузанов И.И.* По нехоженному Крыму. – М., 1960. – 228 с.; Путеводитель «Крым» / Под ред. К.Ю. Бумберга, Л.С. Вагина, Н.Н. Клепинина и В.В. Соколова. – Симферополь, 1914. – 238 с.

¹¹ *Кеппен П.* Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – 412 с.

¹² *Кондараки В.Х.* История христианства в Тавриде до присоединения Крыма к России. – Одесса, 1871. – 28 с.; *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. – Ч. 14. – СПб., 1875. – 235 с.; *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма // История и археология Тавриды. – М., 1883. – 282 с.

¹³ *Марков Е.Л.* Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 554 с.

¹⁴ *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – Симферополь, 1864. – 280 с.

¹⁵ *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – 51 с.; *Струков Д.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – 72 с.; *Струков Д.М.* О доисторических памятниках Тавриды. – М., 1879. – 20 с.

¹⁶ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – Петроград, 1917. – 355 с.; *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – М.; Л., 1927. – Вып. 5. – С. 179–282.

¹⁷ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. – СПб., 1909–1912. – 427 с.; *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского: Русско-визан-

тийские отрывки // ЖМНЦ. – Ч. СХСV. – СПб., 1878. – Январь. – С. 86–154; *Васильевский В.Г.* Хождение Апостола Андрея в сторону мирмидонян // Труды. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1909. – С. 213–295; *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // Труды. – Т. 2. – Вып. 2. – СПб., 1912. – С. 297–350; *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования // Труды. – Т. II. – Вып. 2. – СПб., 1912. – 389 с.

¹⁸ *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1914. – 158 с.

¹⁹ *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – Т. 14. – Одесса, 1886. – С. 166–279; *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. – Т. 28. – Одесса, 1910. – С. 1–108.

²⁰ *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // ИАСК. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7–54; *Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – № 1. – С. 71–79; *Веймарн Е.В.* «Пещерные города Крыма» // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 163–168; *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 45–82.

²¹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – № 63. – М.; Л., 1959. – 364 с.; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л.: Наука, 1964. – 232 с.; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – № 168. – М., 1970. – 224 с.; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.

²² *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. – К.: Наук. думка, 1966. – 109 с.; *Домбровский О.И.* Средневековые памятники Бойки // АИСК. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 83–96; *Домбровский О.И., Махнева О.А.* Столица Феодоритов. – Симферополь: Таврия, 1973. – 103 с.; *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского южного бережья // АДСВ. – Вып. 10. – Свердловск, 1973. – С. 294–296; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика: Материалы истории и археологии Крыма. – К.: Наук. думка, 1974. – С. 5–55; *Домбровский О.И.* Пам'ятки південнобережної та горної частин Криму // Археологія УРСР / АН УССР. Ін-т археології: У 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 467–476; *Домбровский О.И.* Средневековый Крым X–XV вв. // Археологія Української ССР / АН УССР. Ін-т археології: В 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 518–535.

²³ *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К.: Наук. думка, 1991. – 164 с.

²⁴ *Воронин Ю. С., Даниленко В.Н.* Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных

городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 169–181; Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 78–109; Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 127–145.

²⁵ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1995. – Вып. 1. – С. 7–12; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 128.

²⁶ Филиппенко В.Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря: (первый этап существования) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 108–124.

²⁷ Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 5–132; Могаричев Ю.М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 213–224; Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.

²⁸ Крым христианский / Глушак А.С., Антонова И.А., Филиппенко В.Ф., Наумова Н.В., Червяков С.Н. – Севастополь, 1996. – 147 с.

²⁹ Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – Симферополь: Таврия, 1995. – 111 с.

³⁰ Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. – Симферополь, 1901. – Вып. 31. – С. 44.

Глава I

Средневековые монастыри Таврики

¹ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887. – С. 133; Латышев В.В. Жития епископов херсонесских: Исследования и тексты // Записки АН. – Т. 8. – № 3. – СПб., 1903. – С. 1–81; Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. – Вып. 23. – СПб., 1907. – С. 55–59; Ливанов Ф.В. Херсонес (Древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем ныне первоклассным монастырем св. Владимира. – М., 1874. – С. 1–96; Макарий, архиепископ. История христианства в России до равноапостольского князя Владимира, как введение в историю русской церкви. – 2-е изд. – СПб., 1846. – С. 4–20; Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. – Т. 20. – Одесса, 1897. – С. 29–148; Т. 21. – Одесса, 1898. – С. 1–184; Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви. – М.: Православная беседа, 1994. – С. 31; и др.

² Струков Д. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – С. 4.

³ Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними. – С. 108–112; Струков Д. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – С. 10–16; Струков Д.М. О доисторических памятниках Тавриды. – М., 1879. – 20 с.

⁴ Крым христианский / Глушак А.С., Антонова И.А., Филиппенко В.Ф., Наумова Н.В., Червяков С.Н. – Севастополь, 1996. – С. 19–39; Кубланов М.М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–IV вв. н. э.) // Ежегодник музея истории религии и атеизма. – Вып. 2. – М.; Л., 1958. – С. 63.

⁵ Иванов А. О ссылке и мученической смерти Климента, епископа Римского, в Херсонесе Таврическом. – Симферополь: ТЕВ, 1909. – № 21. – С. 891–900; № 22. – С. 929–937; № 23. – С. 975–988; № 24. – С. 1051–1059; Избранные жития святых / Сост. Бахметьева А.Н. – М., 1882. – 136 с.; Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними. – С. 108–112.

⁶ Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 19–21; Макарий, архиепископ. История христианства в России до равноапостольского князя Владимира, как введение в историю русской церкви. – С. 24–26.

⁷ Марти Ю.Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. – Т. 31. – Ч. 3: Приложение. – Одесса, 1913. – С. 19; Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1951. – С. 83–84; Шкорпил В. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. – Т. 21. – Одесса, 1898. – С. 10–11.

⁸ Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика: Материалы истории и археологии Крыма. – К.: Наук. думка, 1974. – С. 22; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: Очерки военно-политической истории. – К.: Київська Академія Євробізнесу, 1994. – С. 145.

⁹ Деяния Вселенских соборов // Православный вестник. – Казань, 1899. – № 5. – С. 280.

¹⁰ Деяния Вселенских соборов // Православный вестник. – 358 с.; Сиротенко В.Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. – Пермь, 1964. – С. 101–102.

¹¹ Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – С. 7–11.

¹² Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. – С. 24; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – С. 145.

¹³ Христианство: Энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцева: В 3 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия». – Т. 1. – 1993. – С. 148.; Т. 2. – 1995. – С. 20; *Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов* / Пер. с лат. священника М.И. Хитрова. – М., 1898: Репр. воспр. – М.: Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. – С. 11–15.

¹⁴ История религии / Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П., Булгаков С. / Репр. воспр. изд. 1909 г. – М.: Центр «Руник», 1991. – С. 138–140; *Порублев Н. Культы и мировые религии.* – М.: Благовестник, 1994. – С. 138–140; *Тур В.Г. Очерки истории религий.* – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 109–112.

¹⁵ *Порублев Н. Культы и мировые религии.* – С. 144–147, 149–151; *Тур В.Г. Очерки истории религий.* – С. 113–114.

¹⁶ История религии. – С. 154.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. – С. 155–156.

¹⁹ Древние иноческие уставы. – М., 1892. – С. 11–52; *Ладинский А. Церковная археология.* – СПб., 1873. – С. 10–12; *Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории.* – М.: Политиздат, 1988. – С. 181; *Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви.* – С. 76–80; *Флоровский Г.В., протоиерей. Восточные отцы IV века: Из чтений в православном богословском институте в Париже.* – Париж, 1931. – Репр. воспр. – М.: Паломник, 1992. – С. 57–64; *Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов.* – С. 21–33.

²⁰ Древние иноческие уставы. – С. 90–153, 156–191, 276–506; *Ладинский А. Церковная археология.* – СПб., 1873. – С. 10–12, 27; *Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви.* – С. 76–80; *Христианство: Энциклопедический словарь.* – Т. 2. – 1995. – С. 149–150.

²¹ *Христианство: Энциклопедический словарь.* – Т. 2. – 1995. – С. 150; *Святой преподобный Феодор Студит // Добротолюбие.* – М., 1901. – Репр. изд. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. – С. 39–41, 121.

²² *История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина: В 3 т. – Т. 1. – М., 1967. – С. 176.*

²³ Там же. – С. 179–180.

²⁴ *Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории.* – С. 182; *Христианство: Энциклопедический словарь.* – Т. 2. – С. 150.

²⁵ Древние иноческие уставы. – С. 10–512.

²⁶ *Христианство: Энциклопедический словарь.* – Т. 2. – С. 150.

²⁷ Там же. – С. 151.

²⁸ *История Византии.* – Т. 1. – С. 261; *Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 261.*

²⁹ *История Византии.* – Т. 1. – С. 267–281.

³⁰ Там же. – С. 269; *Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории.* – С. 180.

³¹ *Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. – С. 261, 268–269.*

³² *Столбуненко М.М., Тур В.Г.* До питання про правове становище православних монастирів XIX ст. у Російській імперії: (за церковними архівними матеріалами Криму) // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – № 4. – Одеса, 1998. – С. 151.

³³ *Курбатов Г.Л.* История Византии: (От античности к феодализму). – М.: Высшая школа, 1984. – С. 45–46.

³⁴ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 2. – С. 151.

³⁵ История Византии. – Т. 1. – С. 269.

³⁶ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 2. – С. 151.

³⁷ *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.) // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма / АН СССР. Институт всеобщей истории: В 3 т. – Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. – М.: Наука, 1985. – С. 405.

³⁸ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. – С. 23–24; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. – С. 144–146.

³⁹ *Ранович А.* Очерки истории раннехристианской церкви. – М.: Наука, 1941. – С. 285.

⁴⁰ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. – С. 296; *Курбатов Г.Л.* История Византии. – С. 84.

⁴¹ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 2. – С. 270.

⁴² *Курбатов Г.Л.* История Византии. – С. 84.

⁴³ *Доброклонский А.* Преподобный Федор, исповедник и игумен Студийский. – Т. 1. – Одесса, 1913. – С. 412; История Византии. – Т. 2. – С. 15; Святой преподобный Феодор Студит. – С. 11.

⁴⁴ *Доброклонский А.* Преподобный Федор, исповедник и игумен Студийский. – С. 412–413.

⁴⁵ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – Петроград, 1917. – С. 26–27.

⁴⁶ Там же. – С. 239–240.

⁴⁷ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. – С. 286–287, 310–413.

⁴⁸ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – С. 243–246.

⁴⁹ *Лопарев Х.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – Т. 18. – Вып. 1–4. – СПб., 1913. – С. 1–47; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – P. 88.

⁵⁰ История Византии. – Т. 2. – С. 67.

⁵¹ *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – С. 88; *Лопарев Х.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. – С. 1–47.

⁵² *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1914. – С. 70.

⁵³ *Лопарев Х.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. – С. 1–47.

⁵⁴ *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского южного побережья // АДСВ. – Вып. 10. – Свердловск, 1973. – С. 296; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного побережья. – С. 15–17.

- ⁵⁵ Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. – К.: Наук. думка, 1974. – С. 154.
- ⁵⁶ Айбабина Е.А. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 130.
- ⁵⁷ Васильев А.А. Лекции по истории Византии. – Т. 1. – С. 243–244.
- ⁵⁸ Доброклонский А. Преподобный Федор, исповедник и игумен Студийский. – Т. 1. – С. 422.
- ⁵⁹ Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского. – С. 153; Домбровский О.И., Махнева О.А. Столица Феодоритов. – Симферополь: Таврия, 1973. – С. 29–30.
- ⁶⁰ Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 28, 38.
- ⁶¹ Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 127–144.
- ⁶² Баранов И.А., Тур В.Г. Средневековый монастырь на г. Перчем // Археологические исследования в Крыму. – Симферополь: Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины; СОНАТ, 1997. – С. 61–64; Тур В.Г. Монастырь на горе Перчем // АК. – Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАН Украины; Южногородские ведомости, 1997. – № 1. – С. 117–125.
- ⁶³ Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 90.
- ⁶⁴ Филиппенко В.Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря: (первый этап существования) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 112.
- ⁶⁵ Зуев В.Ф. Выписка из путешественных записок, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов на 1783 г.: Оттиск. – Б. м. – С. 271; Поденная записка путешествию его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров, во время компаний 1773 г. // ЗООИД. – Т. 8. – 1872. – С. 187; Тунманн М. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской). – Симферополь: Таврия, 1936. – С. 20.
- ⁶⁶ Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму. – С. 127–145.
- ⁶⁷ Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 104.
- ⁶⁸ Ibidem. – P. 104–105.
- ⁶⁹ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – М.; Л., 1927. – Вып. 5. – С. 200–201; Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского. – С. 86–154; Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. – Т. 2. – Вып. 2. – СПб., 1912. – С. 297–350; Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 17; Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – С. 75; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 32–33.
- ⁷⁰ Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР / АН УССР. Ин-т археологии: В 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 240–241; Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму. – С. 128; Филиппенко В.Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря. – С. 108–112.

⁷¹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1991. – № 2. – С. 119–121; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь: Таврия, 1993. – 128 с.; Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 58–65; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1995. – Вып. 1. – С. 7–12; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 128; Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 5–132; Могаричев Ю.М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 213–224; Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.

⁷² Могаричев Ю.М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма. – С. 216.

⁷³ Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. – С. 39–40.

⁷⁴ Васильевский В.Г. Хожделение Апостола Андрея в сторону мирмидонян // Труды. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1909. – С. 286.

⁷⁵ Филиппенко В.Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря. – С. 110.

⁷⁶ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике. – С. 121; Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. – С. 9–12.

⁷⁷ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 139.

⁷⁸ Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // АК. – Симферополь: Крымский фил. Ин-та археологии НАН Украины, 1997. – № 1. – С. 85–86.

⁷⁹ Цыпин В.А. Церковное право: 2-е изд. – М.: Изд-во МФТИ, 1996. – С. 135.

⁸⁰ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – Т. 18. – Вып. 1–4. – СПб., 1913. – С. 29; Христианство: Энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцева: В 3 т. – Т. 1. – С. 532.

⁸¹ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 142–145.

⁸² Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 33–34, 54.

⁸³ Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – С. 29.

⁸⁴ История Византии. – Т. 2. – С. 148.

⁸⁵ Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII–IX вв. – Петербург, 1914. – 237 с.; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 88.

⁸⁶ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 1. – С. 531.

⁸⁷ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – М.; Л., 1927. – Вып. 5. – С. 233.

⁸⁸ *Яковсон А.Л.* Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – С. 63.

⁸⁹ История Византии. – Т. 2. – С. 155.

⁹⁰ *Яковсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 61.

⁹¹ *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского. – С. 159.

⁹² *Байер Г.В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. – Вып. 27. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 70–71.

⁹³ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 139.

⁹⁴ *Яковсон А.Л.* Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – С. 79.

⁹⁵ *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 121–122; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 97–102.

⁹⁶ *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 100–102.

⁹⁷ *Байер Г.В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов. – С. 66.

⁹⁸ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 139.

⁹⁹ *Байер Г.В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов. – С. 67.

¹⁰⁰ Там же. – С. 70–73.

¹⁰¹ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – С. 78.

¹⁰² *Тур В.Г.* Высшие степени священства в средневековой Таврике // Крымский контекст. – Симферополь: КАГН, 2001. – № VII. – С. 51–70.

¹⁰³ *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского. – С. 157; *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // ИАСК. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 53–54; *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 75–77; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья. – С. 17; *Репников Н.И.* Парthenитская базилика // ИАК. – Вып. 32. – СПб., 1900. – С. 34.

¹⁰⁴ *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского. – С. 158.

¹⁰⁵ *Филиппенко В.Ф.* К истории Инкерманского пещерного монастыря. – С. 112.

¹⁰⁶ *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.). – Т. 1. – С. 412.

¹⁰⁷ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – Симферополь: Таврия, 1995. – 111 с.

¹⁰⁸ *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.). – Т. 1. – С. 413.

¹⁰⁹ Там же. – С. 412–418.

¹¹⁰ *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – 164 с.

¹¹¹ Там же. – С. 122.

¹¹² *Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – № 1. –

С. 73; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 28–29, 31–32, 44; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 129, 143, 141, 144–145, 150; *Эрнст Н.Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. – Симферополь, 1935. – С. 431, 436.

¹¹³ *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 102.

¹¹⁴ *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 5–55.

¹¹⁵ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 129–139.

¹¹⁶ *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 55.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ *Васильев А.А.* Готы в Крыму. – С. 255.

¹¹⁹ *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – 384 с.

¹²⁰ Там же. – С. 101.

¹²¹ Там же.

¹²² *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X в. // Средиземноморье: Славянский мир. – М.: Наука, 1991. – С. 48–65.

¹²³ *Тур В.Г.* Монастырь на горе Перчем. – С. 117–128.

¹²⁴ Отчет Судакской археологической экспедиции об исследованиях 1982 г. – Архив Крымского фил. Ин-та археологии АН Украины.

¹²⁵ *Тур В.Г.* К вопросу о Сугдейской епархии // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы греческой культуры». – Симферополь: СГУ; КЦГИ, 1997. – С. 109; *Тур В.Г.* Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв.: История. Правовое положение. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. – С. 29 и др.

¹²⁶ Устав для Генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД. – № 5. – Одесса, 1863. – С. 730–731.

¹²⁷ *Васильев А.А.* Готы в Крыму. – С. 233.

¹²⁸ *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 54–55; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 66, 131–132.

¹²⁹ *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. – С. 39–41; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 147; *Репников Н.И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК. – Вып. 30. – СПб., 1909. – С. 102–103.

¹³⁰ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 2. – С. 732–734.

¹³¹ *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект. – С. 95–98.

¹³² *Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К.* Крепость в Судак. – Симферополь: Таврия, 1980. – С. 15.

¹³³ Антонин. Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Т. 5. – Одесса, 1863. – С. 601.

¹³⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб., 1884. – С. 26.

¹³⁵ Антонин. Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре. – С. 611.

¹³⁶ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – С. 128.

¹³⁷ Антонин. Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре. – С. 621.

¹³⁸ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 89.

¹³⁹ Челеби Э. Книга путешествий Эвлии Челеби. – С. 93.

¹⁴⁰ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – С. 45.

¹⁴¹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале. – С. 57.

¹⁴² Смирнов П., протоиерей. История христианской православной церкви. – С. 110.

¹⁴³ Антонин. Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре. – С. 606, 608.

¹⁴⁴ Негри А. Фирман, данный турецким султаном Мустафой, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Геодону, на Крымскую епархию. – С. 682.

¹⁴⁵ Там же. – С. 681.

¹⁴⁶ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – С. 124.

¹⁴⁷ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 17–18.

¹⁴⁸ Челеби Э. Книга путешествий Эвлии Челеби. – С. 51.

¹⁴⁹ Бертъ-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря. – С. 75; Хартахай Ф. Христианство в Крыму. – С. 30–31.

¹⁵⁰ Хартахай Ф. Христианство в Крыму. – С. 30.

¹⁵¹ Челеби Э. Книга путешествий Эвлии Челеби. – С. 80, 119.

¹⁵² Оболенский М. Сказание священника Иакова «О мощах неведомых» // ЗООИД. – Т. 2. – Отд. 2–3. – Одесса, 1850. – С. 685–692.

¹⁵³ Гавриил, архиепископ. Переселение греков из Крыма // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 197–210; Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 554 с.

¹⁵⁴ Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX–XX веках. – С. 13.

¹⁵⁵ Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. – № 14. – Одесса, 1886. – С. 91–141.

Глава II

Российский период иночества

¹ *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 340, 342–348.

² Там же. – С. 348.

³ *Оболенский М.* Сказание священника Иакова «О мощах неведомых» // ЗООИД. – Т. 2. – Отд. 2–3. – Одесса, 1850. – С. 685–692.

⁴ *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – Симферополь, 1864. – С. 45–49, 52–53.

⁵ *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 139.

⁶ *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – С. 53.

⁷ *Броневский М.* Описание Крыма. – С. 348, 357.

⁸ *Негри А.* Фирман, данный турецким султаном Мустафой, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Геодону, на Крымскую епархию / Перевод с турецкого // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1848. – С. 680–684.

⁹ *Серафимов С., протоиерей.* Заметки из архива Готской епархии в Крыму // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 592.

¹⁰ *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – С. 50.

¹¹ *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года) // ИТУАК. – Вып. 31. – Симферополь, 1901. – С. 6.

¹² *Чернявский Л.* Балаклавский Георгиевский монастырь // Одесский вестник, 1850. – № 75, 82 // *Бертъе-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. – Одесса, 1910. – С. 103.

¹³ *Калоеров С.А., Гедде А.В.* Из истории переселения греков в Приазовье и основания греческих населенных пунктов: (по архивным материалам) // Тези міжнар. науково-практичної конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний інститут. – 1996. – С. 56–58; *Кузьминков Л.Н.* Переселение крымских греков в Приазовье 1778–1780: (причины и последствия) // Тези міжнар. науково-практичної конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний ін-т. – 1996. – С. 55–56.

¹⁴ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 12.

¹⁵ *Броневский М.* Описание Крыма. – С. 356–357.

¹⁶ *Серафимов С., протоиерей.* Заметки из архива Готской епархии в Крыму // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 591–595.

- ¹⁷ *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года). – С. 6.
- ¹⁸ *Тимощук А.В., Шульженко Е.А.* Крым в панславистских взглядах Екатерины II // Материалы междунар. практ. конф. «Проблемы греческой культуры». – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 138–139.
- ¹⁹ *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. – С. 279, 285.
- ²⁰ *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года). – С. 21.
- ²¹ *Калоеров С.А., Геде А.В.* Из истории переселения греков в Приазовье и основания греческих населенных пунктов. – С. 57.
- ²² *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года). – С. 7.
- ²³ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – С. 19–20.
- ²⁴ *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – С. 60.
- ²⁵ *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года). – С. 11; *Потехин В.Е., Потехин Д.В.* Россия и крымские греки // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура: Матер. респ. науч.-обществ. конференции. Симферополь, 1994. – С. 9.
- ²⁶ *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–IV вв. н. э.) // Ежегодник музея истории религии и атеизма. – Вып. 2. – М.; Л., 1958. – С. 12–13 прим.
- ²⁷ *Потехин В.Е., Потехин Д.В.* Россия и крымские греки. – С. 9.
- ²⁸ *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года). – С. 20.
- ²⁹ *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–IV вв. н. э.). – С. 16–17 прим.; *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. – СПб., 1885. – Т. I. – С. 380, 401, 555–635, 710–759; Т. II. – С. 194; *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – С. 62.
- ³⁰ *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1914. – С. 72; *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. – Т. I. – С. 588.
- ³¹ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – С. 21.
- ³² Крым христианский / Глушак А.С., Антонова И.А., Филиппенко В.Ф., Наумова Н.В., Червяков С.Н. – Севастополь, 1996. – С. 72.
- ³³ *Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. – № 14. – Одесса, 1886. – С. 92–141.
- ³⁴ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – Псков, 1887. – С. 180, 182; *Родионов М.* Статистико-хронологическое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. – Симферополь, 1872. – С. 70.
- ³⁵ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 152–153.
- ³⁶ *Гавриил, архиепископ.* Хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. – С. 197–200.

³⁷ Прошин Г.Г. Черное воинство. – М.: Политиздат, 1985. – С. 97.

³⁸ Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова: В 9 т. – Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – 432 с.

³⁹ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6200. – 278 л.

⁴⁰ Лебединцев А., протоиерей. Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 206; Тур В.Г. Религиозная политика царизма в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // Материалы научно-практической конференции «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». – Симферополь: Институт истории Украины НАН Украины; Крымский государственный индустриально-педагогический институт, 1996. – С. 82.

⁴¹ Лебединцев А., протоиерей. Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 215–216.

⁴² Муравьев М. Материалы для местной истории // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1876. – С. 604.

⁴³ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 15.

⁴⁴ Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. – С. 48–49; Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. – Симферополь, 1872. – С. 266.

⁴⁵ Буткевич, священник. Иннокентий, архиепископ херсонский. – СПб., 1887. – 46 с.; Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – С. 16; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – С. 28, 82–84; Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. – Симферополь, 1901. – Вып. 31. – С. 30–57; Палимпсестов И. Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Странник: Духовный журнал. – СПб., 1887. – № 11. – С. 407–426; Палимпсестов И. Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – СПб., 1888. – 25 с.; Палимпсестов И. Опровержение клеветы – ответ на статью об Иннокентии Херсонском в «Русской Старине»: (Отд. оттиск, без указания на место издания и год. Предположительно опубликована после 1887 г. Фонды Крымского краеведческого музея. «Таврика»). – 27 с.; Тур В.Г. Архиепископ Иннокентий и возрождение православия в Крыму // Материалы всеукраїнської наукової конференції «350-річчя відродження української державності: минуле і сучасне» // Вісник Університету внутрішніх справ. – Додаток до № 3–4. – Симферополь, 1998. – С. 82–84; Христианство: Энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцева: В 3 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия». – Т. 1. – С. 613–614.

⁴⁶ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 462.

⁴⁷ Там же. – С. 463.

⁴⁸ Белова С.Л. Жемчужина православия Крыма // Новый град. – Симферополь: Крымский контекст, 1997. – С. 58; Лебединцев А., протоиерей.

Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 205; *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 35; *Тур В.Г.* Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв. – С. 47.

⁴⁹ *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма. – С. 56–57; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – Симферополь, 1884. – С. 3.

⁵⁰ *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма. – С. 57–62.

⁵¹ Там же. – С. 58–60; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 4 прим.

⁵² *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма. – С. 61; *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 36.

⁵³ *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма. – С. 62; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 5.

⁵⁴ *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – С. 10–11.

⁵⁵ *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – С. 409.

⁵⁶ *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 42–43; *Тур В.Г.* Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв. – С. 70.

⁵⁷ *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 44.

⁵⁸ История религии / Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П., Булгаков С. / Репринтное воспр. изд. 1909 г. – М.: Центр «Руник», 1991. – С. 174.

⁵⁹ *Прошин Г.Г.* Черное воинство. – М.: Политиздат, 1985. – С. 84.

⁶⁰ *Струков Д.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – С. 66 и др.

⁶¹ Крым христианский. – С. 80; *Струков Д.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – С. 15.

⁶² Крым христианский. – С. 80.

⁶³ Там же. – С. 80–81; *Христианство: Энциклопедический словарь.* – Т. 1. – С. 767.

⁶⁴ Крым христианский. – С. 44–46; *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. – Пермь, 1964. – С. 10.

⁶⁵ Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – С. 10; *Снегосорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых Православною Церковью на основании

Священного Писания и церковных преданий: Описания крымских чудотворных икон Пресвятой Богородицы. – Симферополь, 1995. – С. 7.

⁶⁶ Крымский Афон. – С. 10; *Медведев А., протоиерей*. Благословенный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 95; *Снесорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий. – С. 7.

⁶⁷ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 489.

⁶⁸ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 1. – С. 783.

⁶⁹ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 490.

⁷⁰ Там же. – С. 497, 499; Описание кинонии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – Симферополь, 1886. – С. 10.

⁷¹ Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского перво-классного монастыря в Крыму. – Севастополь, 1893. – С. 8–9.

⁷² *Бертъе-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. – Т. 28. – Одесса, 1910. – С. 1–108.

⁷³ *Анфим, игумен*. Исторические записки о Херсонесском Владимира монастыре // ЗООИД. – Т. 10. – Одесса, 1877. – С. 427; *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – Псков, 1887. – С. 463, 469.

⁷⁴ *Анфим, игумен*. Исторические записки о Херсонесском Владимира монастыре. – С. 427; *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 463; *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – С. 61.

⁷⁵ Крым христианский. – С. 90.

⁷⁶ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5380. – 27 л.

⁷⁷ *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 48.

⁷⁸ *Анфим, игумен*. Исторические записки о Херсонесском Владимира монастыре. – С. 427.

⁷⁹ Там же. – С. 427–428.

⁸⁰ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 463.

⁸¹ *Медведев А., протоиерей*. Благословенный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 99.

⁸² Крым христианский. – С. 92.

⁸³ *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 16–17.

⁸⁴ *Анфим, игумен*. Исторические записки о Херсонесском Владимира монастыре. – С. 428.

⁸⁵ *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – С. 21.

⁸⁶ *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма. – С. 59; *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 35.

⁸⁷ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 17–19, 22.

⁸⁸ Там же. – С. 466.

⁸⁹ Высочайшее присутствие при закладке в Херсонском монастыре храма св. равноапостольного князя Владимира // *Странник.* – Т. 4. – Кн. 10. – 1861. – С. 157–160.

⁹⁰ Крым христианский. – С. 62.

⁹¹ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910 гг. – М., 1978. – С. 180.

⁹² Крым христианский. – С. 93.

⁹³ *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. – С. 131–132.

⁹⁴ *Анфим, игумен.* Исторические записки о Херсонесском Владимире монастыре. – С. 428.

⁹⁵ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 77.

⁹⁶ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 17.

⁹⁷ Там же. – Л. 21.

⁹⁸ Крым христианский. – С. 96.

⁹⁹ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6290. – Л. 54.

¹⁰⁰ Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 17.

¹⁰¹ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 469.

¹⁰² ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6229. – Л. 54.

¹⁰³ Крым христианский. – С. 94.

¹⁰⁴ *Тур В.Г.* Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв. – С. 62.

¹⁰⁵ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6200. – Л. 56.

¹⁰⁶ Крым христианский. – С. 104.

¹⁰⁷ Указ о введении в Херсонесском Св. Владимира первоклассном монастыре общежительного устава // *ТЕВ.* – 1900. – № 2. – С. 82.

¹⁰⁸ Крым христианский. – С. 96.

¹⁰⁹ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 54–55.

¹¹⁰ *Филиппенко В.Ф.* К истории Инкерманского пещерного монастыря: (первый этап существования). – С. 121–122.

¹¹¹ *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. – С. 10.

¹¹² *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 22.

¹¹³ Там же. – С. 23.

¹¹⁴ *Шавшин В.Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 24.

¹¹⁵ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 72; *Броневский М.* Описание Крыма. – С. 341.

¹¹⁶ *Оболенский М.* Сказание священника Иакова «О мощах неведомых». – С. 685–692.

¹¹⁷ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 73–75; *Мурзакевич Н.* Список со статейного списка Великого государя его

Царского величества посланников: стольника и полковника и заместника Переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1850. – С. 586–658.

¹¹⁸ *Серафимов С., протоиерей.* Заметки из архива Готской епархии в Крыму // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 592.

¹¹⁹ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 30–31, 76–108.

¹²⁰ Там же. – С. 23, 46 прим.

¹²¹ *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – С. 9–10.

¹²² *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 42–45.

¹²³ Там же. – С. 70, 78, 83.

¹²⁴ *Шавшин В.Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 32.

¹²⁵ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 93.

¹²⁶ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – Псков, 1887. – С. 471.

¹²⁷ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – С. 17.

¹²⁸ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 471.

¹²⁹ Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму: Чудесное явление святого великомученика и Победоносца Георгия погибавшим мореплавателям и основание обители: Святой великомученик Георгий Победоносец. – СПб., 1893. – 4 с.

¹³⁰ Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского первоклассного монастыря в Крыму. – Севастополь, 1893. – С. 9–10.

¹³¹ *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие в Тавриду в 1820 г. – СПб., 1823. – С. 35.

¹³² *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – С. 12.

¹³³ Там же. – С. 12–13; *Шавшин В.Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 33.

¹³⁴ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 34 прим.

¹³⁵ Там же. – С. 34–36.

¹³⁶ Там же. – С. 97.

¹³⁷ *Медведев А., протоиерей.* Благословенный лик Тавриды. – С. 33, 41–42.

¹³⁸ *Гавриил, архиепископ.* Переселение греков из Крыма. – С. 203.

¹³⁹ *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 13–20.

¹⁴⁰ *Шавшин В.Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 35.

¹⁴¹ Там же. – С. 94.

¹⁴² *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 86.

¹⁴³ *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – С. 14–15; *Чернявский Л.* Балаклавский Георгиевский монастырь // Одесский вестник, 1850. – № 75, 82 // *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. – С. 103–105.

¹⁴⁴ Черняевский Л. Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 95.

¹⁴⁵ Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря: Празднование 14 сентября 1891 г. – Севастополь, 1892. – С. 11; Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 50–56.

¹⁴⁶ Никон, архимандрит. Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. – С. 17–18.

¹⁴⁷ Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 107.

¹⁴⁸ Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского первоклассного монастыря в Крыму. – С. 10; Монастырь св. Георгия в Балаклаве. – СПб., 1891. – С. 2; Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря. – С. 10–12.

¹⁴⁹ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5380. – 27 л.

¹⁵⁰ Никон, архимандрит. Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – С. 21.

¹⁵¹ Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму. – 4 с.

¹⁵² Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 1–108.

¹⁵³ Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 82.

¹⁵⁴ Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 36–38.

¹⁵⁵ Маркевич А.И. Вновь открытый пещерный храм в Георгиевском Балаклавском монастыре // ИТУАК. – Вып. 43. – Симферополь, 1909. – С. 102–103.

¹⁵⁶ Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского первоклассного монастыря в Крыму. – Севастополь, 1893. – С: 13–17.

¹⁵⁷ Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму. – С. 4.

¹⁵⁸ Таврические епархиальные ведомости. – № 2. – Симферополь, 1892. – С. 1–2.

¹⁵⁹ Марков Е.Л. Очерки Крыма. – С. 133.

¹⁶⁰ Жизнь Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом): В 2 т. – Т. 1. – М., 1987. – С. 375.

¹⁶¹ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 472; Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – С. 66; Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 57.

¹⁶² Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – С. 17.

¹⁶³ Никон, архимандрит. Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – С. 21–22.

¹⁶⁴ Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. – С. 94.

¹⁶⁵ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6200. – Л. 82; Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX–XX веках. – С. 66.

¹⁶⁶ Белова С.Л. Жемчужина православия Крыма. – С. 49; Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. – С. 23.

¹⁶⁷ Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 55.

¹⁶⁸ Герцен А.Г., Мозаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале. – С. 41, 56, 67.

¹⁶⁹ Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 72–74.

¹⁷⁰ Лашков Ф.Ф. Дело о выдаче выезжему из Крыма греку Пасхалию на монастырь Салаченский по жалованной грамоте милостыни 15 руб. // ЗООИД. – Т. 17. – Ч. 4. – Одесса, 1894. – С. 6–7; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 8; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит: (Краткое историческое описание) // Крымский Афон. – С. 11 прим.; Протопопов М. Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – С. 15; Тур В.Г. Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв. – С. 76–77.

¹⁷¹ Лашков Ф.Ф. Дело о выдаче выезжему из Крыма греку Пасхалию на монастырь Салаченский по жалованной грамоте милостыни 15 руб. – С. 7.

¹⁷² Книга Большого Чертежа. – М., 1846. – С. 21.

¹⁷³ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 10; Протопопов М. Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – С. 14.

¹⁷⁴ Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 44 прим.

¹⁷⁵ Мурзакевич Н. Список со статейного списка Великого государя его Царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1850. – С. 641; Протопопов М. Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – С. 13.

¹⁷⁶ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 9.

¹⁷⁷ Там же. – С. 24.

¹⁷⁸ Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 15 прим.

¹⁷⁹ Белова С.Л. Жемчужина православия Крыма. – С. 62; Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 478 прим.; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 29.

¹⁸⁰ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 30–32.

¹⁸¹ Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 18.

¹⁸² Там же. – С. 19–20.

¹⁸³ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 480.

¹⁸⁴ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 32.

¹⁸⁵ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 482; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 21–22.

¹⁸⁶ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. – С. 114; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 32.

¹⁸⁷ Пузанов И.И. По нехоженному Крыму. – М., 1960. – С. 40.

¹⁸⁸ Крым христианский. – С. 114; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 35–36.

¹⁸⁹ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 480.

¹⁹⁰ Там же. – С. 480–481.

¹⁹¹ Медведев А., протоиерей. Благословенный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 60–61; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 22–23.

¹⁹² Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 481–482; Крым христианский. – С. 114–115; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 35–37; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 24.

¹⁹³ Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 25.

¹⁹⁴ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 3250. – Л. 5; ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5858. – Л. 11; ГААРК. – Ф. 513. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11; Крым христианский. – С. 115; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 26.

¹⁹⁵ Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. – С. 68; Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 40.

¹⁹⁶ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 30–32.

¹⁹⁷ Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. – С. 74.

¹⁹⁸ Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 26.

¹⁹⁹ Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 482; Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит. – С. 24.

²⁰⁰ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 38–40.

²⁰¹ Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. – С. 68.

²⁰² Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – С. 482.

²⁰³ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 3250. – Л. 5.

²⁰⁴ Тур В.Г. Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв. – С. 18–23.

²⁰⁵ Бертъе-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – Т. 14. – Одесса, 1886. – С. 220.

²⁰⁶ Филиппенко В.Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря: (первый этап существования). – С. 121.

²⁰⁷ Броневский М. Описание Крыма. – С. 341.

²⁰⁸ Оболенский М. Сказание священника Иакова «О мощах неведомых». – С. 685–692.

²⁰⁹ Челеби Э. Книга путешествий Эвлии Челеби. – С. 80.

²¹⁰ Крым христианский. – С. 69.

²¹¹ Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные кайманами в 1783 году // ЗООИД. – № 14. – Одесса, 1886. – С. 138.

- ²¹² *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – С. 29.
- ²¹³ *Оболенский М.* Сказание священника Иакова «О мощах неведомых». – С. 685.
- ²¹⁴ *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – С. 26.
- ²¹⁵ Там же. – С. 24–28.
- ²¹⁶ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 485.
- ²¹⁷ ГААРК. – Ф. 27. – Оп. 13. – Д. 1125. – 83 л.; *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 73.
- ²¹⁸ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 487.
- ²¹⁹ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 78.
- ²²⁰ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 34.
- ²²¹ Там же. – С. 34.
- ²²² *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 6–17.
- ²²³ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 488.
- ²²⁴ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 73.
- ²²⁵ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 2059. – Л. 250.
- ²²⁶ Высочайшее соизволение на принятие Инкерманской св. Климента киноией участка земли // ТЕВ. – 1903. – № 23. – С. 1581; Высочайшее повеление на принятие Инкерманской св. Климента киноией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 22. – С. 1528.
- ²²⁷ Крым христианский. – С. 81–85.
- ²²⁸ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – 25 л.; *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 487; Крым христианский. – С. 84–85.
- ²²⁹ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 497.
- ²³⁰ Катерлезский Свято-Георгиевский общежительный женский монастырь. – М., 1900. – С. 4–5.
- ²³¹ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 17.
- ²³² Катерлезский Свято-Георгиевский общежительный женский монастырь. – М., 1900. – С. 6–7; *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 54.
- ²³³ Катерлезский Свято-Георгиевский общежительный женский монастырь. – С. 7.
- ²³⁴ Там же. – С. 13–14.
- ²³⁵ Там же. – С. 8.
- ²³⁶ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 85.
- ²³⁷ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 74.
- ²³⁸ Указ (из Св. Синода) об обращении Катерлезской Свято-Георгиевской мужской киноии в женский того же наименования общежительный монастырь // ТЕВ. – 1900. – № 7. – С. 454–456.

- ²³⁹ Высочайшее соизволение на укрепление недвижимого имущества за Катерлезским Георгиевским монастырем // ТЕВ. – 1909. – № 16. – С. 250; № 27. – С. 415.
- ²⁴⁰ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л 91.
- ²⁴¹ Там же. – Д. 35. – Л. 22, 37, 48, 49.
- ²⁴² Там же. – Л. 48.
- ²⁴³ Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 38–39.
- ²⁴⁴ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 495; *Струков Д.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – С. 33–37.
- ²⁴⁵ Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – Симферополь, 1886. – С. 14.
- ²⁴⁶ *Кеппен П.* Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 37.
- ²⁴⁷ *Медведев А., протоиерей*. Благословенный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 69–70.
- ²⁴⁸ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 495; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 10–11.
- ²⁴⁹ Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 14.
- ²⁵⁰ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 496.
- ²⁵¹ Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 13.
- ²⁵² Там же. – С. 23.
- ²⁵³ *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. – С. 298.
- ²⁵⁴ Там же. – С. 299–300; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 24.
- ²⁵⁵ *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. – С. 303–304.
- ²⁵⁶ *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – С. 496; *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 76; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 21, 25.
- ²⁵⁷ *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. – С. 16.
- ²⁵⁸ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 86.
- ²⁵⁹ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 6.
- ²⁶⁰ Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 12.
- ²⁶¹ Там же. – С. 4–5, 25–26; Высочайшее соизволение на принятие Кизилташской киновией усадебного места // ТЕВ. – 1904. – № 7. – С. 463; Высочайшее повеление на принятие Кизилташской киновией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 11. – С. 756.
- ²⁶² *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. – С. 497 фот.; Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – С. 8–9.

²⁶³ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 36; *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – С. 76.

²⁶⁴ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 489–490.

²⁶⁵ *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического. – С. 40; *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – С. 414.

²⁶⁶ *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 5–6.

²⁶⁷ Там же. – С. 6.

²⁶⁸ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 491; *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – С. 416.

²⁶⁹ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5837. – Л. 1.

²⁷⁰ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 491.

²⁷¹ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму: Краткое описание. – Ялта, 1913. – С. 18; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 23–29, 31.

²⁷² *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 20–21.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 491; *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 10–11.

²⁷⁵ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 33; *Медведев А., протоиерей.* Благословенный лик Тавриды. – С. 47–48.

²⁷⁶ ГААРК. – Ф. 443. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1–2.

²⁷⁷ Там же. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5858. – Л. 1–4.

²⁷⁸ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 23.

²⁷⁹ ГААРК. – Ф. 443. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1; Там же. – Д. 6. – Л. 1.

²⁸⁰ Там же. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5824. – Л. 1.

²⁸¹ Там же. – Ф. 443. – Оп. 2. – Д. 2. – 34 л.

²⁸² Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 2.

²⁸³ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 75.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. – С. 117.

²⁸⁶ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 20.

²⁸⁷ *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – С. 23.

²⁸⁸ ГААРК. – Ф. 443. – Оп. 1. – Д. 3. – 1 л.

- ²⁸⁹ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 25.
- ²⁹⁰ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 75.
- ²⁹¹ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 28–36, 78, 100–101 и др.
- ²⁹² *Марков Е.Л.* Очерки Крыма. – С. 505–506.
- ²⁹³ *Головкинский Н.* Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. – С. 191–199.
- ²⁹⁴ *Коцюбинская-Ефименко З.Ф.* Крым в жизни и творчестве М.М. Коцюбинского. – Симферополь: Таврия, 1958. – С. 68–69.
- ²⁹⁵ Указ об обращении Козьмо-Дамиановской кинонии в женский общежительный монастырь // ТЕВ. – 1899. – №№ 15–16. – С. 1069–1070.
- ²⁹⁶ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 106.
- ²⁹⁷ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 27–29.
- ²⁹⁸ *Пузанов И.И.* По нехоженному Крыму. – М., 1960. – С. 172.
- ²⁹⁹ ГААРК. – Ф. Р-663. – Оп. 18. – Д. 10. – Л. 1.
- ³⁰⁰ Подворье Козьмо-Дамиановского женского монастыря в г. Симферополе // ТЦОВ. – Симферополь, 1908. – № 14. – С. 555–560; № 15. – С. 605–609.
- ³⁰¹ *Киреев П.Г.* Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму. – С. 30–36.
- ³⁰² *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 75.
- ³⁰³ ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6536. – 13 л.
- ³⁰⁴ *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. – С. 75.
- ³⁰⁵ Топловский женский общежительный монастырь св. Параскевы в Крыму. – М., 1883. – 32 с.
- ³⁰⁶ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 499; *Горчакова Е.* Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – М., 1894. – 182 с. Переизд. изд. отделом Владимирской епархии, 1994. – С. 8.
- ³⁰⁷ *Горчакова Е.* Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – С. 10.
- ³⁰⁸ Там же. – С. 10–11.
- ³⁰⁹ Там же. – С. 12; ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1–2.
- ³¹⁰ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 13. – 11 л.
- ³¹¹ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 500.
- ³¹² Высочайшее повеление о принятии Топловским монастырем недвижимого имущества // ТЕВ. – 1906. – № 2. – С. 40; № 10–11. – С. 223; Высочайшее повеление об укреплении земли с постройками за Топловским женским монастырем // ТЕВ. – 1910. – № 9. – С. 121.
- ³¹³ *Горчакова Е.* Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – С. 13, 15, 17.
- ³¹⁴ Там же. – С. 14, 18–19.
- ³¹⁵ Там же. – С. 16–17.
- ³¹⁶ *Гермоген, епископ.* Таврическая епархия. – С. 500.

²¹⁷ Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. – С. 78; ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6229. – Л. 226.

²¹⁸ Крым христианский. – С. 121.

²¹⁹ Горчакова Е. Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – С. 20–21.

²²⁰ Крым христианский. – С. 121.

²²¹ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 185–186.

Глава III

Внутреннее устройство и правовое положение российских православных монастырей XIX – начала XX века

¹ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 4. – М.: Изд-во Соборного Совета, 1994. – С. 34, ст. 23.

² Цыпин В.А. Церковное право: 2-е изд. – М.: Изд-во МФТИ, 1996. – С. 186.

³ Христианство: Энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцева: В 3 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия». – Т. 2. – 1995. – С. 165.

⁴ Там же. – Т. 1. – С. 731.

⁵ Там же. – Т. 2. – С. 164.

⁶ Белова С.Л. Жемчужина православия Крыма // Новый град. – Симферополь: Крымский контекст, 1997. – С. 62.

⁷ Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 1. – С. 732.

⁸ Прошин Г.Г. Черное воинство. – М.: Политиздат, 1985. – С. 254; Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 2. – С. 648; Т. 3. – С. 26.

⁹ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 184.

¹⁰ Там же. – С. 175.

¹¹ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 23.

¹² Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – 4-е изд. – СПб.: Общественная польза, 1904. – Ст. 42.

¹³ Там же. – Ст. 43.

¹⁴ Древние иноческие уставы. – М., 1892. – С. 276.

¹⁵ Там же. – С. 276–283.

¹⁶ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 182.

¹⁷ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 13. – 11 л.

¹⁸ Там же. – Д. 35. – Л. 22, 37.

¹⁹ Там же. – Д. 3. – Л. 17.

²⁰ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 4. – М.: Изд-во Соборного Совета, 1994. – С. 33; *Цыпин В.А.* Церковное право. – С. 183.

²⁵ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 13. – 11 л.

²² Там же. – Д. 1. – 3 л.; Д. 3. – 25 л.; Д. 4. – 188 л.; Д. 13. – 11 л.; Д. 18. – 111 л.; Д. 26. – 3 л.; Д. 35. – 129 л.; Д. 41. – 164 л.

²³ Там же. – Д. 18. – Л. 2, 11.

²⁴ Там же. – Д. 13. – Л. 16.

²⁵ *Цыпин В.А.* Церковное право. – С. 177.

²⁶ Там же. – С. 401.

²⁷ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 25.

²⁸ Там же. – Д. 18. – 111 л.

²⁹ Там же. – Д. 26. – 3 л.

³⁰ Цит. по: *Цыпин В.А.* Церковное право. – С. 399–400.

³¹ Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – 296 с.

³² ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – 25 л.

³³ Там же.

³⁴ Там же. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 6602. – 12 л.

³⁵ Там же. – Д. 5894. – 16 л.

³⁶ Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – 25 л.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. – Д. 18. – 111 л.

³⁹ Там же. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5837. – 3 л.

⁴⁰ Там же. – Д. 5808. – 3 л.

⁴¹ Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – 25 л.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – Д. 1. – 3 л.

⁴⁴ Там же. – Д. 3. – 25 л.

⁴⁵ Там же. – Д. 18. – 111 л.

⁴⁶ Там же. – Д. 3. – 25 л.

⁴⁷ Там же. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5762. – 22 л.

⁴⁸ Там же. – Д. 5874. – 9 л.

⁴⁹ Там же. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 18. – 111 л.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. – Д. 3. – 25 л.

⁵² Там же.

⁵³ *Прошин Г.Г.* Черное воинство. – С. 255.

⁵⁴ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 4. – М.: Изд-во Соборного Совета, 1994. – С. 34.

⁵⁵ Там же. – С. 33–43.

⁵⁶ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 4.

⁵⁷ Прошин Г.Г. Черное воинство. – С. 258.

⁵⁸ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 377.

⁵⁹ Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова: В 9 т. – Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 226–231, ст. 241–255.

⁶⁰ ГААРК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 26. – 3 л.

⁶¹ Цыпин В.А. Церковное право. – С. 179.

⁶² Там же.

⁶³ Свод уставов о повинностях // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 50.

⁶⁴ Там же. – Ст. 51.

⁶⁵ Свод учреждений и уставов лесных // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 519

⁶⁶ Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 83.

⁶⁷ Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 84 прим.

⁶⁸ Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 371.

⁶⁹ Свод уставов о пошлинах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 202.

⁷⁰ Свод уставов о пошлинах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 298.

⁷¹ Свод уставов об акцизных сборах // Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – Ст. 125.

⁷² Тур В.Г. Очерки истории религий. – С. 18–19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адаксина С.Б.* Исследования монастырского комплекса на юго восточном склоне г. Аю-Даг // Археологические исследования в Крыму. – Симферополь: Крымский фил. Ин-та археологии НАН Украины, 1997. – С. 11–13.
2. *Айбабина Е.А.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 121–133.
3. *Анфим, игумен.* Исторические записки о Херсонесском Владимире монастыре // ЗООИД. – Т. 10. – Одесса, 1877. – С. 425–430.
4. *Антонин.* Заметки XII–XV веков, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Т. 5. – Одесса, 1863. – С. 596–614.
5. *Артамонов М.И.* История хазар. – М.: Наука, 1962. – 522 с.
6. *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // ИАСК. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 88–146.
7. *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. – К.: Наук. думка, 1974. – С. 151–161.
8. *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР / АН УССР. Ин-т археологии: В 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1986. – 573 с.
9. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К.: Наук. думка, 1990. – 168 с.
10. *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // АК. – Симферополь: Крымский фил. Ин-та археологии НАН Украины, 1997. – № 1. – С. 83–88.
11. *Баранов И.А., Тур В.Г.* Средневековый монастырь на г. Перчем // Археологические исследования в Крыму. – Симферополь: Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины; СОНАТ, 1997. – С. 61–64.
12. *Барсов Н.И.* Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к разным лицам. – Б. м.: тип. Елеонского, 1886. – 22 с.

13. *Белова С.Л.* Жемчужина православия Крыма // Новый град. – Симферополь: Крымский контекст, 1997. – С. 49–62.
14. *Байер Г.В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зиқхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. – Вып. 27. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 65–76.
15. *Бертъе-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – Т. 14. – Одесса, 1886. – С. 166–279.
16. *Бертъе-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. – Т. 28. – Одесса, 1910. – С. 1–108.
17. *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X в. // Средиземноморье: Славянский мир. – М.: Наука, 1991. – С. 48–65.
18. *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 333–367.
19. *Буткевич, священник.* Иннокентий, архиепископ херсонский. – СПб., 1887. – 46 с.
20. *Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. – Т. 1. – Петроград, 1917. – 355 с.
21. *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – М.; Л., 1927. – Вып. 5. – С. 179–282.
22. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. – СПб., 1909–1912. – 427 с.
23. *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского: Русско-византийские отрывки // ЖМНЦ. – Ч. СХСV. – СПб., 1878. – Январь. – С. 86–154.
24. *Васильевский В.Г.* Хождение Апостола Андрея в сторону мирмидонян // Труды. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1909. – С. 213–295.
25. *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // Труды. – Т. 2. – Вып. 2. – СПб., 1912. – С. 297–350.
26. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования // Труды. – Т. II. – Вып. 2. – СПб., 1912. – 389 с.
27. *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // ИАСК. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7–54.
28. *Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – № 1. – С. 71–79.
29. *Веймарн Е.В.* «Пещерные города Крыма» // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 163–168.
30. *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 45–82.
31. *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.

32. Воронин Ю. С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 169–181.
33. Востоков Н.М. Иннокентий архиепископ Херсонский и Таврический // Русская старина: Отгиск. – Т. 21. – 1878. – С. 193–204; 547–572; Т. 23. – С. 367–398.
34. Высочайшее соизволение на принятие Инкерманской св. Климента киновией участка земли // ТЕВ. – 1903. – № 23. – С. 1581.
35. Высочайшее повеление на принятие Инкерманской св. Климента киновией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 22. – С. 1528.
36. Высочайшее соизволение на укрепление недвижимого имущества за Катерлезским Георгиевским монастырем // ТЕВ. – 1909. – № 16. – С. 250; № 27. – С. 415.
37. Высочайшее соизволение на принятие Кизилташской киновией усадебного места // ТЕВ. – 1904. – № 7. – С. 463.
38. Высочайшее повеление на принятие Кизилташской киновией участка земли // ТЕВ. – 1905. – № 11. – С. 756.
39. Высочайшее повеление о принятии Топловским монастырем недвижимого имущества // ТЕВ. – 1906. – № 2. – С. 40; № 10–11. – С. 223.
40. Высочайшее повеление об укреплении земли с постройками за Топловским женским монастырем // ТЕВ. – 1910. – № 9. – С. 121.
41. Высочайшее присутствие при закладке в Херсонском монастыре храма св. равноапостольного князя Владимира // Странник. – Т. 4. – Кн. 10. – 1861. – С. 157–160.
42. ГААРК. – Ф. 14: Таврическая губернская палата гражданского суда Таврического губернатора 1810–1869 гг. – Оп. 1. – Д. 723: Об отыскиваемой, в наземное ведомство садов, оставшихся после смерти архимандрита Игнатия, титулярного советника Катаурова. – 458 л.
43. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 5853: По отношению Иннокентия архиепископа Херсонского об истребовании плана на монастырскую землю города Бахчисарая и о командировании землемеров для указания по оному границ и о постройке вокруг Успенского скита ограды. 1850– 1852. – 73 л.
44. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 6231: О поселении в Таврической губернии 70 семейств болгаро-греков, вышедших из Турции в 1829 и 1830 годах. – Ч. I: 1852–1858. – 434 л.; Ч. II: 1852–1889. – 723 л.
45. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 7286: По предложению за губернатора вице-губернатора об открытии в дер. Топлу женского монастыря с наименованием Параскевиевским Топловским. 1864. – 3 л.
46. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 8127: О собрании сведений о всех клубах, обществах, благотворительных и богоугодных обществах и других учреждениях, действующих на основании утвержденных уставов. 1887. – 17 л.

47. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 9735: О прошении учителя Иоанна Кислого о разрешении ему принять монашество. 1905–1906. – 5 л.
48. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 13. – Д. 1125: По отношению духовной консистории и рассмотрению фасадов церквей и колоколен. 1862. – 83 л.
49. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 13. – Д. 1211: О фасадах церквей, колоколен, оград и молитвенных домов. 1864–1865. – 273 л.
50. ГААРК. – Ф. 27: Таврическое Губернское правление. – Оп. 1. – Д. 2162: Об отводе земли под церковную ограду в г. Мелитополе. 1892. – 17 л.
51. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 2059: О количестве земель, принадлежавших церквам, монастырям и архиерейским домам Таврической епархии. 1889. – 258 л.
52. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 3250: О ревизии Успенского скита г. Бахчисарая. 1904–1905. – 26 л.
53. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5227: Об источнике Сувлук-Су близ города Алушта. 1845. – 22 л.
54. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5304: Указы Святейшего Синода. 1856. – 174 л.
55. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5357: О взаимном обвинении настоятеля Маркиана и монаха С. Корченко о совершении неблаговидных поступков. 1899–1900. – 23 л.
56. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5380: О состоянии церквей и скитов епархии после Крымской войны 1853–1856 гг. 1860–1861. – 27 л.
57. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5385: Ведомости с указанием количества монашествующих и послушников в епархии. 1792–1806. – 46 л.
58. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5762: О притеснениях игуменом Иринархом чинимых иеромонаху Клименту. 1848. – 22 л.
59. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5771: Ведомости о приходе и расходе денег по Корсуньскому монастырю. 1848. – 6 л.
60. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5808: О нетрезвой жизни иеромонаха Георгиевского Балаклавского монастыря Иринарха. 1851. – 3 л.
61. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5824: Об обвинении иеромонахом Георгиевского монастыря г. Балаклавы рясофорного священника Михаила Казанского в пьянстве. 1853–1855. – 11 л.
62. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5837: О нетрезвой жизни монаха Иеремии. 1854. – 3 л.

63. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5840: О пьянстве рясофорного монаха Аникиты Черняховского, изгнана из монастыря и лишения звания. Успенский скит. 1854–1855. – 13 л.
64. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5857: Рапорты благочинного монастыря М. Радионова и архимандрита Успенского скита г. Бахчисарая о пьянстве послушника Н. Полянского. 1855. – 5 л.
65. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5858: Дело по обвинению архимандритом Успенского скита г. Бахчисарая Николаем рясофорного монаха Аврамия в пренебрежении служебными обязанностями. 1855–1856. – 15 л.
66. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5874: Об обвинении рясофорным монахом Успенского скита Авраамием архимандрита Николая в присвоении чужих денег. 1856–1857. – 9 л.
67. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5894: Об обвинении настоятеля Херсонесской киновии иеромонахом Евгением послушников С. Дудинского, С. Квитчевского и А. Дымкевича в самовольных отлучках. 1857–1858. – 16 л.
68. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 5896: О рассмотрении ущерба, нанесенного войной Георгиевскому монастырю г. Балаклавы. 1857–1860. – 26 л.
69. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6065: Формулярные ведомости о священнослужителях монастырей Таврической епархии. 1868–1873. – 81 л.
70. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6135: Клировые ведомости о службе священнослужителей монастырей Таврической епархии. 1874–1879. – 172 л.
71. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6171: Формулярные ведомости о священнослужителях монастырей Таврической епархии. 1887. – 162 л.
72. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6200: Клировые ведомости о службе священнослужителей Таврической епархии. 1894. – 278 л.
73. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6229: Клировые ведомости о службе священнослужителей Таврической епархии. 1897. – 291 л.
74. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6290: Настоятельский денежный реестр консистории. 1903. – 346 л.
75. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6536: Список сестер Козмодамиановского женского монастыря. 1914. – 13 л.
76. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6602: Об обвинении иеромонахом Херсонесского монастыря Андреем иеромонаха Игнатия в нетрезвом образе жизни. 1878. – 12 л.

77. ГААРК. – Ф. 118: Таврическая духовная консистория. – Оп. 1. – Д. 6607: Об обвинении иеромонахом Херсонесского монастыря Св. Владимира, Андреем, иеромонаха Иоаникия и дьякона М. Левицкого в пьянстве. 1878. – 28 л.
78. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 1: О похищении протодьяконом Геннадием у архимандрита разных вещей. 1868–1870. – 3 л.
79. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 3: О разных плохих поступках монахов и монахинь. Прием разных лиц в монастыри и др. 1905. – 25 л.
80. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 4: Разрешение добывать и продавать соль Корсуньскому монастырю. 1869–1901. – 188 л.
81. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 13: О неподчинении монахинь Топловского монастыря своему начальству. 1877. – 11 л.
82. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 18: Присяга монахов и монахинь на верноподданство Николаю II. О беспорядках в монастырях. Рапорта настоятелей по разным вопросам. 1893–1900. – 111 л.
83. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 26: Об усилении наблюдения за порядком управления монастырями и об усилении духовной пропаганды. 1905–1907. – 3 л.
84. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 35: Доклад о проделанной ревизии монастырей. О принятии разных лиц в монашество. Сборы денег. Проступки монахов и монахинь. 1909. – 129 л.
85. ГААРК. – Ф. 138: Благочинный монастырей Таврической губернии. – Оп. 1. – Д. 41: Сведения о состоянии и работе монастырей. Ведомости о лицах духовного звания. 1912–1914. – 164 л.
86. ГААРК. – Ф. 377: Таврическая губернская чертежная. – Оп. 1. – Д. 23: Каталог общих дел Таврической губернской чертежной. 1914. – 86 л.
87. ГААРК. – Ф. 377: Таврическая губернская чертежная. – Оп. 1. – Д. 24: Книга о переходе поземельных владений в дачах генерального и специального межевания по Симферопольскому, Ялтинскому, Евпаторийскому и Перекопскому уездам. 1870–1914. – 34 л.
88. ГААРК. – Ф. 377: Таврическая губернская чертежная. – Оп. 1. – Д. 63: Журнал Таврической губернской чертежной. 1906. – 43 л.
89. ГААРК. – Ф. 377: Таврическая губернская чертежная. – Оп. 1. – Д. 98: Алфавиты генерального и специального межевания Ялтинского уезда и части Перекопского. 1916. – 5 л.
90. ГААРК. – Ф. 443: Космо-Дамиановский женский монастырь. – Оп. 1. – Д. 3: Ведомости о монашествующих и указных послушниках. 1883. – 1 л.

91. ГААРК. – Ф. 443: Космо-Дамиановский женский монастырь. – Оп. 1. – Д. 4: Отчет о приходе, расходе и остатке денежных сумм. 1886. – 5л.
92. ГААРК. – Ф. 443: Космо-Дамиановский женский монастырь. – Оп. 1. – Д. 6: Ведомости о монашествующих и указных послушниках. 1891. – 3 л.
93. ГААРК. – Ф. 443: Космо-Дамиановский женский монастырь. – Оп. 2. – Д. 2: Исходящие бумаги, рапорты, отношения, прошения Космо-Дамиановской киновии. 1898. – 34 л.
94. ГААРК. – Ф. 513: Бахчисарайский Успенский скит. – Оп. 1. – Д. 2: Ведомость об Успенском Бахчисарайском ските, состоящем в Таврической епархии, а также о монашествующих и указных послушниках. 1868. – 11 л.
95. ГААРК. – Ф. 513: Бахчисарайский Успенский скит. – Оп. 1. – Д. 4: Ведомость о Бахчисарайском Успенском ските Таврической губернии Симферопольского уезда. 1875. – 2 л.
96. ГААРК. – Ф. Р-663: Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР. – Оп. 18. – Д. 10: Протоколы центральной комиссии по делам культов при Крымском ЦИКе. 1926. – 123 л.
97. ГААРК. – Ф. Р-663: Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР. – Оп. 18. – Д. 11: Переписка по вопросам закрытия церквей по Крымской АССР. 1926. – 259л.
98. *Гавриил, архиепископ*. Переселение греков из Крыма // ЗООИД. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 197–210.
99. *Гавриил, архиепископ*. Хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. – № 2. – Одесса, 1848. – С. 140–210.
100. Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму: Чудесное явление святого великомученика и Победоносца Георгия погибавшим мореплавателям и основание обители: Святой великомученик Георгий Победоносец. – СПб., 1893. – 4 с.
101. *Георгий, иеромонах*. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // ТЕВ. – Симферополь, 1900. – № 20. – 26 с.
102. *Гермоген, епископ*. Таврическая епархия. – Псков, 1887. – 520 с.
103. *Герцен А.Г., Махнева О.А.* Пещерные города Крыма. – Симферополь: Таврия, 1989. – 96 с.
104. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1991. – № 2. – С. 119–121.
105. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь: Таврия, 1993. – 128 с.
106. *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 58–65.
107. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1995. – Вып. 1. – С. 7–12.

108. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 128.
109. Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. – Симферополь, 1894. – 551 с.
110. Горчакова Е. Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь в Крыму. – М., 1894. – 182 с. Переиздана издательским отделом Владимирской епархии, 1994. – 31 с.
111. Градовский А. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. – СПб., 1866. – 284 с.
112. Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 78–109.
113. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 127–145.
114. Деяния Вселенских соборов // Православный вестник. – Казань, 1899. – № 5. – 358 с.
115. Доброклонский А. Преподобный Федор, исповедник и игумен Студийский. – Т. 1. – Одесса, 1913. – 670 с.
116. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. – К.: Наук. думка, 1966. – 109 с.
117. Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки // АИСК. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 83–96.
118. Домбровский О.И., Махнева О.А. Столица Феодоритов. – Симферополь: Таврия, 1973. – 103 с.
119. Домбровский О.И., Паршина Е.А. Опыт хронологизации средневековых памятников на территории Крымского южного побережья // АДСВ. – Вып. 10. – Свердловск, 1973. – С. 294–296.
120. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного побережья // Феодальная Таврика: Материалы истории и археологии Крыма. – К.: Наук. думка, 1974. – С. 5–55.
121. Домбровский О.И. Пам'ятки південобережної та горної частин Криму // Археологія УРСР / АН УССР. Ін-т археології: У 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 467–476.
122. Домбровский О.И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР / АН УССР. Ін-т археології: В 3 т. – Т. 3. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 518–535.
123. Древние иноческие уставы. – М., 1892. – 510 с.
124. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. – СПб., 1885. – Т. I. – 810 с.; Т. II. – 615 с.
125. Евгений, игумен. Перенесение в Херсонскую обитель мощей св. равноапостольного князя Владимира: Из письма настоятеля Херсонской обители // Странник. – 1860. – Т. 1. – № 1. – Отд. 4. – С. 12–14.
126. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 187 с.

127. *Ефрем, иеромонах*. Краткое описание Инкерманской кинонии и древнего ее храма в новооткрытой Таврической епархии. – М., 1861. – 23 с.
128. Жизнь и чудеса св. бессребреников Космы и Дамиана. – М., 1901. – 17 с.
129. Жизнь Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом): В 2 т. – Т. 1. – М., 1987. – 410 с.
130. *Загородская А.А., Русакова С.М.* Г. Флоровский о значимости эллинизма в русском православии // Тези міжнар. наук.-практ. конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний ін-т, 1996. – С. 111–112.
131. *Заозерский Н.* Право православной церкви как предмет специальной юридической науки. – М., 1888. – 187 с.
132. *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 8–29.
133. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: Очерки военной-аполитической истории. – К., 1994. – 179 с.
134. *Зуев В.Ф.* Выписка из путешественных записок, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов на 1783 г.: Оттиск. – Б. м. – 31 с.
135. *Иванов А.* Воспоминание о Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – Симферополь: ТЕВ, б. г. – № 23: Оттиск. – 22 с.
136. *Иванов А.* О ссылке и мученической смерти Климента, епископа Римского, в Херсонесе Таврическом. – Симферополь: ТЕВ, 1909. – № 21. – С. 891–900; № 22. – С. 929–937; № 23. – С. 975–988; № 24. – С. 1051–1059.
137. *Иванов Л.М.* Идеологическое воздействие на массы // Религия и церковь в истории России. – М.: Политиздат, 1975. – С. 43–67.
138. Избранные жития святых / Сост. Бахметьева А.Н. – М., 1882. – 136 с.
139. Инкерман и Инкерманский Священномученика Климента монастырь в Крыму. – Одесса, 1912. – 17 с.
140. История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина: В 3 т. – М., 1967.
141. История религии / Ельчанинов А., Эри В., Флоренский П., Булгаков С. / Репринтное воспр. изд. 1909 г. – М.: Центр «Руник», 1991. – 249 с.
142. Историческая памятка о Таврической епархии // ТЕВ. – Симферополь, 1909. – № 33. – 9 с.
143. Извлечение из сочинения Михаила Литвина (1550 г.): Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – Вып. I: (XVI ст.) / Пер. с польск. К. Мельник; Ред. В. Антонович. – К., 1890. – С. 6–58.
144. *Каждан А.П.* Государство и церковь во второй половине IX–X века // История Византии. – Т. 2. – М., 1967. – С. 85–107.
145. *Калоеров С.А., Гедде А.В.* Из истории переселения греков в Приазовье и основания греческих населенных пунктов: (по архивным материалам) // Тези міжнар. науково-практичної конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний інститут. – 1996. – С. 56–58.
146. *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). – Симферополь: Таврия, 1995. – 111 с.

147. Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX–XX веках: (по материалам крымских архивов). – Симферополь, 2000. – 128 с.
148. Катерлезский Свято-Георгиевский общежительный женский монастырь. – М., 1900. – 15 с.
149. Кеппен П. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – 412 с.
150. Киреев П.Г. Козьмо-Дамиановский женский монастырь в Крыму: Краткое описание. – Ялта, 1913. – 48 с.
151. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910 гг. – М., 1978.
152. Киселева Н.Н., Дмитриев Г.М. Украинские и русские мыслители о роли греческой цивилизации в развитии человечества // Тези міжнар. наук.-практ. конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний ін-т. 1996. – С. 114–115.
153. Книга Большого Чертежа. – М., 1846.
154. Кондарак В.Х. История христианства в Тавриде до присоединения Крыма к России. – Одесса, 1871. – 28 с.
155. Кондарак В.Х. Универсальное описание Крыма. – Ч. 14. – СПб., 1875. – 235 с.
156. Кондарак В.Х. В память столетия Крыма // История и археология Тавриды. – М., 1883. – 282 с.
157. Константин Багрянородный. Об управлении государством. О фемах Запада. Изложение царского чина // ИГАИМК. – № 91. – М.; Л., 1934. – С. 72.
158. Коцюбинская-Ефименко З.Ф. Крым в жизни и творчестве М.М. Коцюбинского. – Симферополь: Таврия, 1958. – 180 с.
159. Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – 43 с.
160. Краткое историческое описание Георгиевского Балаклавского первоклассного монастыря в Крыму. – Севастополь, 1893. – 29 с.
161. Крым христианский / Глушак А.С., Антонова И.А., Филипченко В.Ф., Наумова Н.В., Червяков С.Н. – Севастополь, 1996. – 147 с.
162. Кубланов М.М. Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–IV вв. н. э.) // Ежегодник музея истории религии и атеизма. – Вып. 2. – М.; Л., 1958. – С. 57–68.
163. Курбатов Г.Л. История Византии: (От античности к феодализму). – М.: Высшая школа, 1984. – 207 с.
164. Кузьминков Л.Н. Переселение крымских греков в Приазовье 1778–1780: (причины и последствия) // Тези міжнар. наук.-практ. конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний ін-т. – 1996. – С. 55–56.
165. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – К., 1914. – 158 с.
166. Ладинский А. Церковная археология. – СПб., 1873. – 157 с.

167. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896.
168. *Латышев В.В.* Жития епископов херсонесских: Исследования и тексты // Записки АН. – Т. 8. – № 3. – СПб., 1903. – 382 с.
169. *Латышев В.В.* Страдания святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. – Вып. 23. – СПб., 1907. – С. 108–112.
170. *Лашков Ф.Ф.* Дело о выдаче выезжему из Крыма греку Паскалию на монастырь Салаченский по жалованной грамоте милостыни 15 руб. // ЗООИД. – Т. 17. – Ч. 4. – Одесса, 1894. – С. 6–7.
171. *Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. – № 14. – Одесса, 1886. – С. 92–158.
172. *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X века. – СПб.: Алетейя, 1997. – 412 с.
173. *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийской восточной церкви в IX, X и XI веках. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
174. *Лебединцев А., протоиерей.* Столетие церковной жизни Крыма 1783–1883 гг. // ЗООИД. – № 11. – Одесса, 1883. – С. 204–216.
175. *Ливанов Ф.В.* Херсонес (Древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем ныне первоклассным монастырем св. Владимира. – М., 1874. – 96 с.
176. *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма – М., 1875. – 519 с.
177. *Лопарев Х.М.* Греческие жития святых VIII–IX вв. – Петербург, 1914. – 237 с.
178. *Лопарев Х.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – Т. 18. – Вып. 1–4. – СПб., 1913. – С. 1–47.
179. *Макарий, архиепископ.* История христианства в России до равноапостольского князя Владимира, как введение в историю русской церкви. – 2-е изд. – СПб., 1846. – 338 с.
180. *Маркевич А.И.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия Архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. – Симферополь, 1901. – Вып. 31. – С. 30–57.
181. *Маркевич А.И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму (к 6 мая 1900 года) // ИТУАК. – Вып. 31. – Симферополь, 1901. – С. 1–26.
182. *Маркевич А.И.* Вновь открытый пещерный храм в Георгиевском Балаклавском монастыре // ИТУАК. – Вып. 43. – Симферополь, 1909. – С. 102–104.
183. *Марков Е.Л.* Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 554 с.
184. *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. – Т. 31. – Ч. 3: Приложение. – Одесса, 1913.

185. *Медведев А., протоиерей.* Благословенный лик Тавриды. – Симферополь: Таврия, 1993. – 120 с.
186. *Мень А.В.* История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. – Т. VI. – М.: СП «Слово», 1991. – 662 с.
187. *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л.: Политиздат, 1978. – С. 67–88.
188. *Михайловский В.* На память о Топловской женской обители в Феодосийском уезде Таврической епархии. – СПб., 1889. – 8 с.
189. *Михайловский В.* Торжество в Топловской женской общежительной обители Феодосийского уезда Таврической губернии 24– 26 июня 1888 г. // ТЕВ. – № 19, 20. – Симферополь, 1888. – С. 929–954.
190. *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 5–132.
191. *Могаричев Ю.М.* К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 213–224.
192. *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.
193. *Монастырь св. Георгия в Балаклаве.* – СПб., 1891. – 8 с.
194. *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие в Тавриду в 1820 г. – СПб., 1823. – 337 с.
195. *Муравьев М.* Материалы для местной истории // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1876. – С. 601–605.
196. *Мурзакевич Н.* Список со статейного списка Великого государя его Царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1850. – С. 586–658.
197. *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К.: Наукова думка, 1991. – 164 с.
198. *Мыц В.Л.* Разведки в Юго-Западном Крыму // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 376–377.
199. *Мыц В.Л.* Раскопки в Горном Крыму // АО 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 288–289.
200. *Негри А.* Фирман, данный турецким султаном Мустафою, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Геодону, на Крымскую епархию / Перевод с турецкого // ЗООИД. – Т. 2. – Ч. 2. – Одесса, 1848. – С. 680–684.
201. *Никандр, игумен.* Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря // Крымский вестник. – Севастополь, 1891. – № 51–52. – С. 1–18.
202. *Никандр, игумен.* Херсонесский монастырь в Крыму: История его и настоящее состояние. – Варшава, 1907. – 34 с.

203. *Никон, архимандрит.* Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. – Чернигов, 1862. – 23 с.
204. *Никольский П.В.* Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь, 1927. – 124 с.
205. *Никольский Н.М.* История русской церкви. – М.: Политиздат, 1983. – 448 с.
206. Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. – Б. м., 1852. – 22 с.
207. О высочайшем соизволении на укрепление за Топловским женским монастырем участка земли // ТЕВ. – 1900. – № 10. – С. 663.
208. *Оболенский М.* Сказание священника Иакова «О мощах неведомых» // ЗООИД. – Т. 2. – Отд. 2–3. – Одесса, 1850. – С. 685–692.
209. *Оленич Т.С.* Проблема византизма в русской религиозной философии // Тези міжнар. науково-практичної конф. «Україна – Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва». – Маріуполь: Маріупольський гуманітарний ін-т. – 1996. – С. 118–120.
210. Описание киновии Св. Исповедника Стефана Сурожского (Судакского), или Кизильташ в Крыму. – Симферополь, 1886. – 29 с.
211. Описание Топловского женского общежительного монастыря св. Преподобомученицы Параскевы в Крыму. – М., 1885. – 41 с.
212. Описание Троице-Параскевиевского Топловского общежительного женского монастыря в Крыму. – Феодосия, 1896. – 48 с.
213. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 4. – М.: Изд-во Соборного Совета, 1994. – С. 31–43.
214. Отчет Судакской археологической экспедиции об исследованиях 1982 г. – Архив Крымского фил. Ин-та археологии АН Украины.
215. Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит: Краткое историческое описание. – Одесса, 1908. – 20 с.
216. Панагия, или Успенский Бахчисарайский в Крыму скит: (Краткое историческое описание) // Крымский Афон: (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях) / Ред. В.Н. Борисов. – Симферополь, 1995. – С. 8–27.
217. *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Странник: Духовный журнал. – СПб., 1887. – № 11. – С. 407–426.
218. *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – СПб., 1888. – 25 с.
219. *Палимпсестов И.* Опровержение клеветы – ответ на статью об Иннокентии Херсонском в «Русской Старине»: (Отд. оттиск, без указания на место издания и год. Предположительно опубликована после 1887 г. Фонды Крымского краеведческого музея. «Таврика»). – 27 с.
220. *Памфил Евсений.* Церковная история. – М.: Благовестник, 1993. – 215 с.

221. *Петровский С.В.* Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. – Т. 20. – Одесса, 1897. – С. 29–148; Т. 21. – Одесса, 1898. – С. 1–184.
222. *Петровский В.А.* Скальная часовня в районе Баклы // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 67–70.
223. *Петровский С.В.* Семь херсонских архиепископов: Биографии с приложением портретов. – Одесса, 1894. – 24 с.
224. Подворье Козьмо-Дамиановского женского монастыря в г. Симферополе // ТЦОВ. – Симферополь, 1908. – № 14. – С. 555–560; № 15. – С. 605–609.
225. Поденная записка путешествию его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров, во время компаний 1773 г. // ЗООИД. – Т. 8. – 1872.
226. *Порублев Н.* Культы и мировые религии. – М.: Благовестник, 1994. – 336 с.
227. *Потехин В.Е., Потехин Д.В.* Россия и крымские греки // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура: Матер. респ. науч.-обществ. конференции. Симферополь: Крымский республиканский институт повышения квалификации и переподготовки кадров образования, 1994. – С. 8–9.
228. *Протопопов М.* Исторические очерки Крыма: Георгиевский монастырь. – Севастополь, 1905. – 42 с.
229. *Протопопов М.* Инкерманский монастырь близ Севастополя. – Севастополь, 1905. – 40 с.
230. *Протопопов М.* Успенский скит в Крыму близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – 15 с.
231. *Протопопов М.* Георгиевский монастырь. – Севастополь, 1905. – 42 с.
232. *Прошин Г.Г.* Черное воинство. – М.: Политиздат, 1985. – 320 с.
233. *Пузанов И.И.* По нехоженному Крыму. – М., 1960. – 228 с.
234. Путеводитель «Крым» / Под ред. К.Ю. Бумберга, Л.С.Вагина, Н.Н. Клепинина и В.В. Соколова. – Симферополь, 1914. – 238 с.
235. *Ранович А.* Очерки истории раннехристианской церкви. – М.: Наука, 1941. – 286 с.
236. *Репников Н.И.* Парфенинская базилика // ИАК. – Вып. 32. – СПб., 1900. – С. 91–140.
237. *Репников Н.И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК. – Вып. 30. – СПб., 1909. – С. 99–155.
238. *Репников Н.И.* Остатки укреплений Эски-Кермена: Готский сборник // ИГАИМК. – Т. 12. – Вып. 1–8. – Л., 1938. – С. 153–180.
239. *Родионов М.* Статистико-хронологическое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. – Симферополь, 1872. – 269 с.
240. *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. – Красноярск, 1986. – 31 с.

241. *Рождественский О.Р.* Св. бессеребренники и чудотворцы Косма и Дамиан и Космо-Дамиановская киновия с целебным источником в Крыму. – СПб.: Общественная польза, 1891. – 8 с.
242. Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова: В 9 т. – Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – 432 с.
243. *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 65–178.
244. *Рудаков В.Е.* Христианские памятники Баклы: Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 28–34.
245. *Руднев Г., протоиерей.* Космо-Дамиановская киновия в Крыму и воспоминания о первом настоятеле оной, игумене Макарии. – Симферополь, 1884. – 73 с.
246. *Руфин, пресвитер.* Жизнь пустынных отцов / Пер. с лат. священника М.И. Хитрова. – М., 1898: Репр. воспр. – М.: Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. – 118 с.
247. *Сабинин М.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. – Ч. 2. – СПб., 1871.
248. *Свенцицкий В., протоиерей.* Диалоги. – К.: Богдана, 1994. – 212 с.
249. *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1988. – 336 с.
250. Свод законов Российской империи: (неофициальное издание). – 4-е изд. – СПб.: Общественная польза, 1904. – 296 с.
251. Святой преподобный Феодор Студит // Добротолюбие. – М., 1901. – Репр. изд. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. – 634 с.
252. *Секиринский С.А.* Очерки истории Сурожа IX–XV вв. – Симферополь, 1955. – 120 с.
253. *Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К.* Крепость в Судаке. – Симферополь: Таврия, 1980. – 96 с.
254. *Серафимов С., протоиерей.* Заметки из архива Готской епархии в Крыму // ЗООИД. – № 6. – Одесса, 1868. – С. 591–595.
255. *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. – Пермь, 1964. – 230 с.
256. *Смирнов П., протоиерей.* История христианской православной церкви. – М.: Православная беседа, 1994. – 172 с.
257. *Снегорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий: Описание крымских чудотворных икон Пресвятой Богородицы. – Симферополь, 1995. – 32 с.
258. *Соколов И.И.* Георгиевский Балаклавский монастырь в Крыму (близ Севастополя). – 2-е изд. – СПб., 1901. – 15 с.

259. *Столбуненко М.М., Тур В.Г.* До питання про правове становище православних монастирів ХІХ ст. у Російській імперії: (за церковними архівними матеріалами Криму) // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – № 4. – Одеса, 1998. – С. 136–144.
260. *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876. – 51 с.
261. *Струков Д.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – М., 1878. – 72 с.
262. *Струков Д.М.* О доисторических памятниках Тавриды. – М., 1879. – 20 с.
263. *Сюзюмов М.Я.* К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. – Т. 10. – 1956.
264. *Сюзюмов М.Я.* Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского педагогического института. – Т. 4. – Свердловск, 1948. – С. 8–24.
265. Таврические епархиальные ведомости. – № 2. – Симферополь, 1892. – С. 1–2.
266. *Терновский Ф.* Херсонский святитель: Мучение святого Климента // ЗООИД. – Т. 10. – Одесса, 1877. – С. 39–174.
267. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб., 1884. – 563 с.
268. *Тимощук А.В., Шульженко Е.А.* Крым в панславистских взглядах Екатерины II // Материалы междунар. практ. конф. «Проблемы греческой культуры». – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 138–139.
269. Творения преподобного Феодора Студита. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1909. – 512 с.
270. Топловский женский общежительный монастырь св. Параскевы в Крыму. – М., 1883. – 32 с.
271. *Тунманн М.* Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской). – Симферополь: Таврия, 1936. – 96 с.
272. *Тур В.Г.* Религиозная политика царизма в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // Материалы науч.-практ. конф. «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». – Симферополь: Институт истории Украины НАН Украины; Крымский государственный индустриально-педагогический институт, 1996. – С. 81–84.
273. *Тур В.Г.* К вопросу о Сугдейской епархии // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы греческой культуры». – Симферополь: Симферопольский государственный университет; Крымский центр гуманитарных исследований, 1997. – С. 108–110.
274. *Тур В.Г.* Крымские православные монастыри XIX – начала XX вв.: История. Правовое положение. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. – 154 с.
275. *Тур В.Г.* Высшие степени священства в средневековой Таврике // Крымский контекст. – Симферополь: КАГН, 2001. – № VII. – С. 51–70.

276. *Тур В.Г.* Очерки истории религий. – Симферополь: Таврия, 1997. – 288 с.
277. *Тур В.Г.* Монастырь на горе Перчем // АК. – Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАН Украины; Южногородские ведомости, 1997. – № 1. – С. 117–128.
278. *Тур В.Г.* Архиепископ Иннокентий и возрождение православия в Крыму // Матеріали всеукраїнської наукової конференції «350-річчя відродження української державності: минуле і сучасне» // Вісник Університету внутрішніх справ. – Додаток до № 3–4. – Симферополь, 1998. – С. 82–84.
279. *Тур В.Г.* Последние годы Троице-Параскевиевской обители: О судьбе Топловского монастыря в годы советской власти // Крымский архив. – № 5. – Симферополь, 1999. – С. 134–136.
280. *Тур В.Г.* Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сюрюю-Кая (Карадаг) // Vita antiqua. – № 2. – К.: Национальный университет им. Т.Г. Шевченко, 1999. – С. 235–239.
281. Тысячелетие Георгиевского Балаклавского монастыря: Празднование 14 сентября 1891 г. – Севастополь, 1892. – 11 с.
282. *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 420 с.
283. *Федосик В.А.* Церковь и государство. – Минск: Наука и техника, 1988. – 205 с.
284. *Феофилов М.* Исторический очерк христианства в Крыму: Инкерманская киновия, Георгиевский монастырь и Бахчисарайский скит. – Симферополь, 1893. – 51 с.
285. *Филиппенко В.Ф.* К истории Инкерманского пещерного монастыря: (первый этап существования) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 108–124.
286. *Флоровский Г.В., протоиерей.* Восточные отцы IV века: Из чтений в православном богословском институте в Париже. – Париж, 1931. – Репр. воспр. – М.: Паломник, 1992. – 239 с.
287. *Удальцова З.В., Осипова К.А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII–XI вв.) // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма / АН СССР. Институт всеобщей истории: В 3 т. – Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. – М.: Наука, 1985. – 607 с.
288. Указ (из Св. Синода) об обращении Катерлезской Свято-Георгиевской мужской киновии в женский того же наименования общежительный монастырь // ТЕВ. – 1900. – № 7. – С. 454–456.
289. Указ об обращении Козьмо-Дамиановской киновии в женский общежительный монастырь // ТЕВ. – 1899. – №№ 15–16. – С. 1069–1070.
290. Указ о введении в Херсонесском Св. Владимира первоклассном монастыре общежительного устава // ТЕВ. – 1900. – № 2. – С. 82.
291. Устав для Генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД. – № 5. – Одесса, 1863. – С. 623–837.

292. *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. – Симферополь, 1864. – 280 с.
293. Христианство: Энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцева: В 3 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия». – Т. 1. – 1993. – 863 с.; Т. 2. – 1995. – 671 с.; Т. 3. – 1995. – 783 с.
294. *Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1951. – С. 37–43.
295. *Цыпин В.А.* Церковное право: 2-е изд. – М.: Изд-во МФТИ, 1996. – 442 с.
296. *Челеби Э.* Книга путешествий Эвлии Челеби: Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.) / Пер. с польск. М.Б. Кизилова. – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.
297. *Чернявский Л.* Балаклавский Георгиевский монастырь // Одесский вестник, 1850. – № 75, 82 // Бертъе-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие: Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. – Одесса, 1910. – С. 103–105.
298. *Шавшин В.Г.* Балаклавский Георгиевский монастырь. – Симферополь: Таврия, 1997. – 160 с.
299. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку: Элы, 1984; Цит. по: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-кале. – Симферополь, 1993. – С. 56.
300. *Шкорпил В.* Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 году // ЗООИД. – Т. 21. – Ч. 5. – Одесса, 1900. – С. 59–60.
301. *Шкорпил В.* Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. – Т. 21. – Одесса, 1898. – С. 12–47.
302. *Эрнст Н.Л.* Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. – Симферополь, 1935. – С. 425–443.
303. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – № 63. – М.; Л., 1959. – 364 с.
304. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л.: Наука, 1964. – 232 с.
305. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – № 168. – М., 1970. – 224 с.
306. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.
307. *Якушева Е., Нижура А.* Пещерные города Крыма: Путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1972. – 93 с.
308. *Яшаева Т.Ю.* Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 71–81.
309. *Яшаева Т.Ю.* Средневековый монастырь на мысе Виноградном // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1995. – № 1. – С. 150.
310. *Vasilliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – 293 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
- АИСК – Археологические исследования средневекового
Крыма
- АК – Археология Крыма
- АО – Археологические открытия
- ГААРК – Государственный архив Автономной Республики
Крым
- ВВ – Византийский временник
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и
древностей
- ИАК – Известия Археологической комиссии
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории
материальной культуры
- ИАСК – История и археология средневекового Крыма
- МАИЭТ – Материалы археологии, истории и этнографии
Таврики
- СА – Советская археология
- ТЕВ – Таврические епархиальные ведомости
- ТОЦВ – Таврический общественно-церковный вестник

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Средневековые монастыри Таврики	10
1. Византийский период иночества	10
2. Греко-православный период иночества	60
Глава II. Российский период иночества	70
1. Возрождение православных обителей	70
2. Херсонесский монастырь св. Владимира	92
3. Балаклавский монастырь св. Георгия	99
4. Бахчисарайский монастырь Успения Богоматери	114
5. Инкерманский монастырь св. Климента	128
6. Катерлезский монастырь св. Георгия	137
7. Кизилташский монастырь св. Стефана Сурожского ..	141
8. Монастырь святых Козьмы и Дамиана.....	147
9. Топловский Троице-Параскевиевский монастырь ...	155
Глава III. Внутреннее устройство и правовое положение российских православных монастырей	
XIX – начала XX вв.....	164
Послесловие	182
Список использованных источников и литературы	192
Список сокращений	213

Научно-популярное издание

**Тур
Виктор Григорьевич**

**Православные монастыри Крыма
в XIX – начале XX вв.**

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

(на русском языке)

**Редактор Т. Бондаренко
Технический редактор И. Риндюк
Корректор А. Шелудченко
Обложка В. Соловьева**

Подп. к печати 05.12.2005. Формат 60x84/16.
Бумага офс. Печать офс. Гарнитура SchoolBook.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 13,9.
Заказ № 042-05.

Издательский дом «Стилос»
04080, Киев–80, ул. Еленовская, 8, к. 2. Тел.: (044) 467-53-50, 467-53-20
Свидетельство Госкоминформа Украины (серия ДК № 1465 от 13.08.2003 г.)

Напечатано ООО «Полиграфический центр «Фолиант»
04176, Киев–176, ул. Электриков, 26. Тел.: (044) 425-30-01
Свидетельство Госкоминформа Украины (серия ДК № 149 от 16.08.2000 г.)

ISBN 966-8518-47-0

